

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

Оазис

Дети песков

Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиiddин САЙИИД
Мухаммад АЛИ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий БАУЭР
Анатолий ЕРШОВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиiddин РАУФ

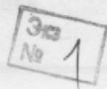
Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

БЭК-ФЛЕШ-ФОРВАРД

Роман

Набравшись в очередной раз, он представлял себя сильным и авторитетным мужиком, которому позволено всё, которого все боятся. Пусть и не уважают (потому, что они ничего не понимают в жизни), но бояться до дрожи в коленях. Он и в страшном сне не мог себе представить, что будет вынужден работать поваром в грязной столовой, из которой его потом с позором и побоями выгонят за воровство, что мать откажется от него, когда он, продав практически всё из квартиры, поднимет на неё руку, требуя, чтобы та отдала на дозу остаток своей пенсии.

Вика ОСАДЧЕНКО

ПОЭЗИЯ

Фантомные тени чинар

Из городской земли, отравленной на локоть,
расти на Божий свет,
невзрачное дитя, на улице широкой,
где даже тени нет.

Баюкай на ветру обрезанные ветки,
гляди во всю листву
на сетку проводов и каменные клетки.
Я тоже здесь живу.

Зульфия КУРАЛБОЙ-КИЗИ

переводы

ГРЕХ

Рассказ

Дрожа и чувствуя, что роковые минуты её жизни близко, Бахорой села, прикрыв руками голову, будто с неба вот-вот камни посыпятся. Закрывает глаза: будь что будет!..

Прошло пять-шесть минут, Абдурасул вошёл в чайлу, но ничего ужасного, вопреки ожиданию Бахорой, не произошло. Женшина медленно подняла голову.

Абдурасул снял свой старый пиджак и повесил. Женщина увидела, что его смуглое лицо стало бледным, как у мертвеца. Она не могла встать с места. «Вот сейчас!.. Вот сейчас!..» – думала Бахорой, ожидая сильного удара в голову или плечо. Но...

ПОЖЕЛТЕВШИЙ РИСУНОК

Рассказ

Все так бы и продолжалось, если бы не ее сердце. Однажды отданное другому, более желанному, оно не воспринимало этого человека с самого начала, со временем отвращение усиливалось. Как бы Санам ни угрожала своему сердцу, оно не слушалось ее, противилось, в нем не было места для ее мужа, не принимало оно его, не должен он был находиться рядом. Но человек, наделенный правом быть рядом, муж, не только находился рядом, но и желал ласки и внимания. Сердце от этого страдало... и решило заявить свое несогласие и избавиться от этого человека.

философия искусства

Владимир КАРАСЁВ

ВЕЧНОЕ БЕСПОКОЙСТВО ДУХА

Всматриваясь в видеоживопись Гайрата Ибрагимова, чувствуешь, что эти работы очень молодого художника дают повод поразмышлять о предназначении «нового» искусства, а точнее – того нового видения окружающего мира, которое не свойственно было нашему, пусть и недавнему, времени.

Человек жаждет в творениях мастеров найти ответы на свои жизненные вопросы. Им (художникам) сам Бог вручил талант познания, а зритель ждёт их ответов.

литературоведение.
литературная критика

Елена КАМИНСКАЯ

РОЛЬ ЖИВОПИСНОГО ЭКФРАСИСА В РАССКАЗЕ НАЗАРА ЭШАНКУЛА

Работа с экфрасисом раскрывает новые грани произведения, заставляет по-новому оценить самого автора как писателя и теоретика, сделать теоретические выводы о целесообразности и возможностях использования данной категории в литературе... в художественном тексте *они* настолько широки, что влияют на внешнюю и внутреннюю организацию... являются концептуальной составляющей индивидуально-авторского стиля. Экфрасис открывает возможность многомерного взгляда на творческий процесс, который благодаря своей художественно-теоретической специфике превращается в творческую лабораторию.

ПРОЗА

Артем ГОРОХОВ. Блек-флеш-форвард. Роман.	11
Баходыр ДЖУРАЕВ. Заика. Рассказ.	42
Игорь ЭРНСТ. Одноклассники. Рассказ.	62
Гафур ПУЛАТОВ. Стол Герируда. Роман.	120

ПОЭЗИЯ

Вика ОСАДЧЕНКО. Фантомные тени чинар.	39
Юлия ТАВОЛЖАНСКАЯ. Бальзам для нашей боли.	77
Алла ШИРОНИНА. Кто он – мой читатель?	95

НОВЫЕ ИМЕНА

Малика ДАНИЯР. Маски.	59
Расул БАБАЕВ. Пожелтевший рисунок. Рассказ.	80

ПЕРЕВОДЫ

Сирожибдин САЙИД. Мне Богом чаша жизни вручена... Перевод с узбекского Николая Ильина.	5
Зульфия КУРАЛБОЙ-КИЗИ. Грех. Рассказ. Перевод с узбекского Наргизы Ибрагимовой.	65
Нарзулло БАТЫРОВ. Животворный бальзам. Рассказ. Перевод с узбекского Галины Рахматуллаевой.	111

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир КАРАСЁВ. Вечное беспокойство духа.	103
Татьяна МЯКУШКО. «Кармен» во все времена!	144
Татьяна СЕДЫХ. Джаз и «мосты взаимопонимания». ...	148

КАРАВАН ИСТОРИИ

Владимир ФЕТИСОВ. Занавес поднимается.	61
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Елена КАМИНСКАЯ. Роль живописного экфрасиса в рассказе Назара Эшанкула.	139
Гульбахор САИДГАНИЕВА. Мне не забыть кокандского Арбата.	151

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Per. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдор,
Адиблар хибони, здание
Союза писателей Узбекистана.
E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@mail.uz
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Елена Юрченко

Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 850 экз. Заказ №22
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «BIZNES FORMAT LYUKS».
г. Ташкент, Алмазарский р-н,
ул. Уста Ширин, туп. 1.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом **не более 50 страниц**.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

**Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.**

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

**Перепечатка без согласия редакции
не допускается.**

**Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.**

Copyright © «Звезда Востока»

Мне Богом чаша жизни вручена...

Сирожиддин САЙИД

О РОДИНЕ

* * *

Прожить без цветника не может соловей,
И человек так слаб без Родины своей:
Для всех она опора и защита.
О Родина, ты мать своих детей.

* * *

Быть стойкими во всем нам Родина велит,
Отечество есть то, что сам народ творит:
Из трепетных сердец, из душ неутомимых,
Из зоркой памяти Отчизна состоит.

* * *

На Родине моей святыне есть места,
Там цветники в цвету – не вянет красота.
Там Термези – сокровищница духа,
Там Бухари – познания высота.

* * *

Без просвещения страну гибель ждет,
Ни счастья, ни удач она не обретет.
Мужчины в ней лгуны, а женщины лукавы,
В ней население, но вовсе не народ.

Сирожиддин САЙИД. Родился в 1958 г. в Сурхандарьинской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Народный поэт Узбекистана. Лауреат Государственной премии по литературе (2017 г.) за книгу «Очил эй гул, ки бўстон вақти бўлди», председатель Союза писателей Узбекистана.

О ЛЮДЯХ

* * *

День с ночью образуют печь времен,
И кто-то в ней лишь дым, а кто-то стал огнем,
В иных душа горит, а в ком-то только тлеет,
Есть вечности огонь – и мы растопка в нем.

* * *

Ты – бед причина и источник благ,
Фундамент мира и пустой чердак.
Душа, ты и цветешь, и увядаешь,
Ты миру друг и ты ему же враг.

* * *

Много бедствий жизнь таит – ты одно из них,
Много тягот и обид – ты одна из них.
Отгорев и отпылав, оплывет свеча,
В мире столько их горит – ты одна из них.

* * *

Друг друга львы по жизни понимают,
Собаки – псов, гиены – тех, кто лает.
Все, что ни живо, – ближнего приемлет,
Лишь люди понимать друг друга не желают.

* * *

С рождением твоим тебе дан шанс судьбой,
И каждый час и миг идет экзамен твой.
Дать душу даже одному толпа не в состоянии,
Но может и один для тысяч стать душой.

* * *

В дастанах, сказках эта мысль видней:
Немало человек имеет свойств зверей,
И чем зверей все меньше остается,
Тем больше диких качеств у людей.

* * *

Мир частью состоит из денег и цветов,
Твой выбор говорит о том, ты есть каков:
Кто денег стал рабом, поистине, тот жалок,
Но пленники цветка – прекрасней нет рабов.

О ВЕРЕ

* * *

Создатель, Ты воздвиг вселенский этот дом,
Я слаб, а Ты велик в могуществе своем:
Вся в трещинах душа, так ненадежны стены...
И неуютно мне в строении моем.

* * *

День каждый – это путь по жизни всякий раз,
В нем ценен каждый миг, как жемчуг, как алмаз,
Любой рассвет в спокойствии и мире
Как добрый знак Всевышнего для нас.

* * *

Хвала тебе, Творец, за этот облик мой,
За благозвучность слов, ниспосланных тобой,
Ты стал опорой мне на жизненной дороге,
И друга дал мне верного душой.

* * *

По жизни все пройдем мы худо или бедно,
Все, что ни сотворим, не скроется бесследно:
Над головой бескрайний небосвод
Как Божье око – все ему заметно.

О ТВОРЧЕСТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

* * *

О стих, ты утешенье скорбных душ,
То повелитель ты, то ниш и неуклюж,
То грустен, словно головой склоненный,
То, словно меч Бабура, всемогущ.

* * *

От дней Лютфи как память нам дана – литература,
Конем несла Бабура сквозь года – литература,
Увы, до времени ушли Чулпан с Фитратом:
И вопль до Страшного суда – литература.

* * *

В сады газелей надо нам зайти,
Для слова каждого в душе любовь найти,
Но, чтобы Навои душой постигнуть,
Жизнь лет в пятьсот нам надо обрести.

* * *

Величие – это
Захириддин Мухаммад Бабур,
И горечь поэта –
Захириддин Мухаммад Бабур,
Великая личность, в которой великая мудрость,
Восторг всего света, –
Захириддин Мухаммад Бабур!

* * *

Идет по кругу чаша лет и дней,
Ты каждый день из чаши пьешь своей,
Душа, как чаша, пусть пребудет цельной,
И дух Хайяма пусть пребудет в ней.

О ЖИЗНИ И ВРЕМЕНИ

* * *

Нам небо шлет то сумрак, то рассвет;
То предсказанье в них, а то глухой секрет.
То шлёт нам кубок с солнечным сияньем,
То ломкой лунной чаши бледный свет.

* * *

Звук лишь источником звучанья создается,
И нищему кусок от нишеты дается,
Тот день, что Богом дан, твоим пребудет,
Но тот, что не был дан, – лишь Богу остается.

* * *

Испило солнце из небесной чаши
И с небосвода приспустилось даже.
Так каждый вечер Бог нас наставляет
О сути дня и об уходе нашем.

* * *

Та – от Хайяма чаша, эта – от Руми.
Пока их примешь, жизнь пройдет, пойми!
Сегодня – уж вчера, и вечер – уже утро,
И мрак заката скроет блеск зари.

О ПРИРОДЕ

* * *

В горах так воздух чист и красками пестрит,
Здесь светлы небеса и ветерок свежит.
Восходит солнце – все вокруг сияет,
Как будто сам Бабур свой поднял шит.

* * *

О мак, вдали расцветший на холме,
Ты свой прекрасный свет сумел зажечь во мне
И тихо вытеснить раскаянье из сердца:
Разлука отошла, оставшись в стороне.

* * *

«Добро пожаловать! – услышала она –
В сады моей души вступившая весна. –
Забудь, что стая соловьев и горлиц
Душой была в печаль превращена».

* * *

Как будто снова мир обрел свое рожденье,
Весна берет цветов всю красоту цветенья,
И жизнь так удивительно звучит
От пения души и от тюльпанов пенья.

О СЕБЕ

* * *

Всевышний, смилуйся, ведь Ты заступник наш,
Зашиту от невзгод лишь Ты один нам дашь.
Сквозь щели в шалаше я вижу звезды,
Газели и стихи – вот мой шалаш.

* * *

Мне Богом чаша жизни вручена,
Любовью пища для души дана.
Чтоб осветить тускнеющие души,
Мне быть Лампадой¹ участь суждена.

* * *

Я из Сурхана и стремлюсь в Сурхан –
В тот ждущий край, куда я сердцем зван.
Друзья, в Ташкенте только мое тело:
Я рвусь к своей душе – Сурхан ей домом дан.

* * *

Утраченные дни, рассветы мной потерянные,
Они, как бейты, как стихотворения:
В них горечь, что не сделалась стихами –
Мои «неизбранные сочинения».

* * *

Мой стих – мой одноклассник, детства друг.
Мы знали пыль дорог и гор соседство, друг.
Нам чай из рос ниспосылали звезды,
Луна и солнце – жизни средства, друг.

Перевод с узбекского Николая ИЛЬИНА.

Николай ИЛЬИН. Поэт, литературовед, переводчик, член СП Узбекистана. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Доцент, автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Если окно открыто...».

¹ Слово «Сирож» (араб.), входящее в имя поэта означает «лампада», «светильник».

БЭК-ФЛЕШ-ФОРВАРД

Роман

Артём ГОРОХОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель, предлагаемый роман имеет несколько необычную структуру. Так уж получилось. Он состоит из трёх частей, в каждой рассказывается об определённом периоде жизни одного из героев. В целом же части в совокупности представляют убедительную и яркую картину сегодняшней жизни, ее хитросплетений и трагедий, взаимосвязанных и взаимообусловленных.

Зачастую мы уверенно говорим о некоторых вещах, зная заведомо, что они сбудутся. Можно часто услышать «сейчас взойдёт Солнце», или «когда начнётся отлив», или даже «завтра будет дождь». У людей есть твёрдая уверенность в этом. Так сказать, проверено на опыте. Всё закономерно и объяснимо.

Люди тоже вполне предсказуемы. Кратковременность человеческой жизни не позволяет выделить ее закономерности, времени не хватает. Если бы человек жил достаточно долго, то и его поведение можно было бы предсказать почти с такой же уверенностью, как движение Солнца и планет по небесным орбитам. В этом случае можно было бы с такой же уверенностью сказать: «Сейчас Вася почешется и откроет очередное пиво...»

Семья, общество, личные нравственные ориентиры закладывают в голову индивида устойчивые реакции, формируют линию и манеру поведения. Это не всегда работает, если человек сталкивается с чем-то новым и необъяснимым. Тогда он может замереть, как баран перед новыми воротами. Но ведь никто и не гарантирует, что Солнце завтра снова взойдёт. Есть только большая вероятность этого...

Однако речь ведь не только об этом. Разговор о времени, когда Земля перевернулась с ног на голову, когда случился этот теракт, апокалипсис. Или вы не считаете, что это был теракт?

Во время взрыва все начинают бегать, как мураши, когда разворотили их муравейник. Все носятся из стороны в сторону, не понимая зачем, горланят. Конечно, взрыв ведь никого не оставит равнодушным, если скорость детонации чуть ли не 7 километров в секунду! Раз – и жизнь уже не будет прежней! Раз – и нет твоего муравейника, который ты строил с пелёнок. Они ведь тоже разные бывают. Взрывы эти. Скажем, если далеко бабахнуло, то тебе и дела нет. А вот когда шибанёт так, что волна несколько раз вокруг шарика нашего обернётся, тогда все завопят.

Артём ГОРОХОВ. Родился в 1986 году в Чирчике. Окончил юридический факультет НУУз, работал в различных государственных органах. Публиковался в газетах «Свой», «Чирчик», «Даракчи».

Ясное дело. Это ведь как мясорубка временная, т. е. событие это так воспринимается. Все входим в эту мясорубку отдельными мясными кусочками, а выходим одинаковым фаршем. Интересное дело получается. Есть сочные кусочки, есть сухие, есть жилистые, есть уже с запашком. Много каких кусочков есть, а фарш – нечто единое... Хотя, если так посмотреть, то мы повыскакивали из этой мясорубки времени всё такими же индивидуальными. Только одни после катаклизмов задумались, другие совсем стухли, третьи скурвились...

Взрыв – он как противоположность столпотворения, в смысле возведения Вавилонской башни. Там ведь сначала люди вместе были, а потом Бог разделил всех. А теперь все настолько самостоятельными стали, что пришло время их малость объединить.

Листаем учебник истории и думаем, какое было страшное время! Как люди жили на границе двух эпох? Тут же вспоминаем китайца, который сказал, что только врагу можно пожелать жить в период перемен, а вот так получилось, что мы живём в такое время. Может, уж и в не совсем невыносимое время живём? Может, у кого-то и хуже жизнь была... Хотя часто приходится слышать, что жизнь на протяжении столетий и тысячелетий становится только хуже и хуже. Ведь каждый не преминет сказать: «А вот когда мы были в этом возрасте, у нас такого себе не позволяли!»

Один мудрец раскрыл секрет человеческой души. Он понял, что эта «тёмная» материя состоит из двух половин. Одна – разумная, дающая человеку такие качества, как благородство и благотворительность, вторая, эмоциональная, – удел страстей. Чтобы легче было это понять, этот мудрец объяснил свою теорию образно. «Душа, – говорил он своим ученикам, – подобна повозке, в которую запряжена пара коней. Повозкой правит возничий. Он есть разум, разумная душа. А кони суть душа чувственная, но она по природе своей дуальна, двойственна. Так, один конь благороден. Когда он вырывается вперёд, человеком движут благородные порывы. А второй конь низок, груб и туп».

Вот так со времён сотворения всё было сбалансированно. И правил повозкой возничий. Потом наступил перелом. Что-то случилось с кучером. Может, возничий выпустил из рук узду. Благородный конь вырвался вперёд, почуствовав свободу. Полный сил, он одарил человечество героями, которые в своём благородном безумстве делали историю... Возничий же никак не мог снова взять в руки бразды правления, выправить ситуацию. Кони попались привередливые, и их было уже не остановить.

А потом пришло наше время – время следующего перелома. Конь благородный выдохся, какое-то время еще пытался тянуть повозку, но мочи не было, ведущим стал конь, которого мудрец назвал грубым, низким и тупым. Вот тогда-то все и произошло, на планете возобладали страсти низменные и животные...

РУСЛАН I

Лето особенно прекрасно в стареньких двориках, окружённых пошарпан-ными двухэтажными домами. Высокая зелёная трава, длинные дни, заросшие палисадники и ветхие кладовки – настоящий рай для мальчишек. Это и поле сражения, и татами для борьбы, и секретный «штаб», где можно сделать тайник и хранить там свои ценные вещи.

Фантазия мальчишек, подпитываемая новыми американскими фильмами, становится просто безграничной: горка превращается в космический корабль, а вспышки молний при грозе мнутся выстрелами кораблей неведомых пришельцев. Палка чудесным образом оборачивается бластером. Ну а если отец

или старший брат смастерит из доски, деревянной прищепки и резинки самострел, то счастью нет предела.

Мальчишки всегда носятся гурьбой. При этом в каждой шайке малолетних разбойников обязательно есть свой гласный или негласный лидер. Иногда сорванцы даже не осознают, что они не равны, что идут за кем-то.

Руслан сидел на скамейке один. Остальные сидели на корточках. Он был старше других мальчишек на год-два (а ведь это целая пропасть!) и чётко знал, кто тут главный. Он знал, что есть и другие «старшаки» – те, кто уже учится в старшей школе. Они собираются в кружок в другой части двора, открыто курят, лузгают семечки, играют на гитаре вечерами, не гнушаются и женской компанией. Вся детвора их побаивалась, а Руслан сам шёл к ним.

Теперь, сидя на скамейке, он видел, как нервничают мальчишки, разместившиеся на корточках перед ним. Им и хотелось бы уйти, но они не могли. Руслан плюнул на землю и растёр плевков сандалией. В ладони он крутил коробок спичек (запрещённой среди детворы).

– Ну и где? – в который раз спросил он.

– Сейчас уже придут! – охотно ответил Алёша, который нервничал больше всех. – Вон они идут!

Со стороны бассейна неслись два мальчика. Один повыше – он в этом году должен пойти в школу, а второй совсем ещё малыш. Они подбежали к скамейке и, вывалив на неё грудку окурков, стали трясти ладони. Руслан недовольно поковырял пальцем «улов».

– Я же сказал с фильтром принести! – недовольно проговорил он, сердито глядя на добытчиков.

– Там не было других, – хором ответили мальчишки.

Руслан выбрал окурочек с фильтром, достал спички и прикурил. Мальчишки открыли рты, озираясь по сторонам. Им хотелось быстрее смотаться отсюда, но они не могли, а Руслан наслаждался этим. Его действия были преступлением, грехом, святотатством. Это было даже несравнимо с бранным словом при взрослых.

Руслан выпустил дым и улыбнулся: «Пусть знают, что я плохой. Я такой же, как и старшаки. И даже круче. Ссыкло они!»

Тут на дороге появился белобрысый мальчишка с буханкой хлеба, которую успел пообкусывать с двух сторон. Он широко улыбался чему-то своему.

Руслан тоже улыбнулся и свистнул.

– Эй, Свистун, – крикнул он и поманил рукой, – иди сюда!

У мальчика было обидное матерное прозвище Саша-Свистун. Он был немного «того» и время от времени преподносил своей странной одинокой матери разные «сюрпризы». Так, совсем недавно он умудрился забраться в автобус, который шёл в другой город. В том городе он шатался по улицам полдня, пока добрые люди не сдали его в милицию.

Саша подошёл, продолжая жевать хлеб.

– Что ты там ешь? – спросил Руслан, раздумывая над тем, что бы сделать с этим ушлёпком.

– Леп, – неразборчиво ответил мальчик.

Руслан вспомнил, как однажды Саша ни с того ни с сего съел сгоревшую дотла спичку. Это было очень странно, но Саша только улыбался.

– Давай я тебе закуску сделаю! – предложил вожак. – Дайте мне лист.

Ему мигом дали широкий лист от вишни, которая росла тут же. Руслан достал спичку, зажгёт её, спалил полностью, перехватив её за сгоревшую головку,

когда огонь дошёл до середины, потом еще две. Сорвал с дерева несколько вишен и, раздавив их в ладони, полил угольки красным соком, смешанным с пылью и грязью. Лист с угощением он протянул Свистуну.

Мальчишки, замерев, наблюдали за его действиями. Некоторые даже встали, чтобы лучше видеть.

– Ешь! – приказал Руслан, встав перед мальчиком. – Он был на две головы выше и заметно крупнее.

Мальчишки с ужасом устремили взгляды на лист с бурой жижей. Но Саша совсем не испугался и даже не расстроился. Он взял лист, выпил всё содержимое и стал пережёвывать спичечные угли. Вся его чумазая физиономия светилась.

– Зачем ты это делаешь? – не выдержал один из мальчишек, обращаясь к Саше.

– Кусно, – ответил он искренне.

– Да, это даже полезно, – вставил кто-то нерешительно.

– Да! – поддержали остальные, закивав головами. Каждый из них в ужасе подумал, что в следующий раз такое угощение может достаться и ему.

– Всё, иди! – отпустил жертву Руслан, вставая, чтобы помыть руки в бассейне.

Мальчик «развивался» быстро... В 9 лет, втихую напробовавшись вина на семейном банкете, он впервые почувствовал кайф. После он увидел в глазах у старшаков какое-то уважение.

Если бы мать Руслана, работавшая тогда в детском доме и воспитывающая ребёнка одна, только могла представить, что не пройдёт и десяти лет, как её сынишка превратится в законченного наркомана, она бы убрала куда подальше свой стыд за то, что сын живёт в неполноценной семье, и занялась его воспитанием. Но этого не произошло. Дед Руслана служил в армии и крепко закладывал за воротник после каждой полочки. В эти дни он ходил пошатываясь по двору, раздавая мальчуганам конфеты и дефицитные жвачки «Ну погоди», обдавая их при этом удушающим перегаром. Внуку в такие дни перепадали не только сладости, но и достаточно крупные деньги.

Руслану запомнился день, когда дед вернулся со службы раньше обычного, еле держась на ногах. Он прямо рассвирепел, когда жена начала его увещевать. Замахнувшись на дочку, он вышел в гараж, стоявший прямо перед домом, и стал вышвыривать на улицу какие-то веши и припасы. Руслан в это время стоял поодаль, заинтересованно наблюдая за развитием событий. Подустав, военный подозревал внука. Вместе они пошли на берег реки. Здесь мужчина достал из кармана пригоршню медалей, которыми его одарила Родина, и дал их внуку. «В реку их!» – скомандовал он.

Руслану передалось возбуждение деда, он стал со всего размаху швырять в воду жалобно позвякивающие награды. Дед наблюдал за этим со злорадством, а мальчик тем временем спрятав в кармане две медали, которые ему показались наиболее ценными. Он знал, что за каждую можно выручить, по крайней мере, по бутылке водки, а если повезёт, то и больше.

Дед потрепал его шевелюру и отпустил. Руслан вернулся во двор, но его злобное возбуждение не прошло. Он хорошо запомнил, как притихли его бабушка и мать, когда дед показал им свой здоровенный кулак. Сила решила все вопросы. Это неслабо заводило.

Руслан стоял возле раскрытого дедовского гаража, за которым втихую из окна приглядывала бабушка, и смотрел, как ватага маленьких пацанов гоняет

по пыльной площадке мяч. Улучив момент, он схватил мяч и стал смотреть на реакцию футболистов.

Мальчики побаивались Руслана, но всё же решились попросить мяч. Тот только улыбнулся. Они ещё много раз будут упрашивать его, прежде чем он у них на глазах достанет из кармана складной нож и прорежет резиновый бок заветного мяча. Кто-то из игроков заплакал. Владелец мяча даже бросился на обидчика с кулаками, но силы были неравны. Руслан был сильнее...

Уже вечером, когда к ним домой пришёл отец обиженного мальчика, он на миг испугался, но потом, когда мать шёпотом просила прощения и дала соседу денег на покупку нового мяча, он понял, что теперь ему можно всё.

Затурканная собственными родителями, брошенная мужем, мать Руслана только вздыхала, когда ей кто-то в очередной раз жаловался на поведение сына. Она бы вела себя совсем по-другому, если бы увидела своего Русланчика закоренелым наркоманом, потерявшим добрую половину волос вместе с зубами. Уже превратившись во фригидную бесполоую амёбу, он будет рассказывать о девочках, которым он «на прошлой неделе» устроил бессонную ночь.

Набравшись в очередной раз, он представлял себя сильным и авторитетным мужиком, которому позволено всё, которого все боятся. Пусть и не уважают (потому, что они ничего не понимают в жизни), но боятся до дрожи в коленях. Он и в страшном сне не мог себе представить, что будет вынужден работать поваром в грязной столовой, из которой его потом с позором и побоями выгонят за воровство, что мать откажется от него, когда он, продав практически всё из квартиры, поднимет на неё руку, требуя, чтобы та отдала на дозу остаток своей пенсии. А ещё он никогда не задумывался над тем, что даже молодой организм не может выдержать пятнадцатилетнего наркоманского стажа. Ближе к тридцати годам он превратился в хромающую развалину, один глаз перестал видеть (отслоилась сетчатка) после того, как какой-то амбал врезал ему за попытку вытащить из машины регистратор. Худой как палка, он не вызывал не то что страха, даже жалости. Ему теперь удавалось добыть деньги одним путём: он подкарауливал в подворотне молодых девушек, вставал у них на дороге со шприцем в руке и, угрожая, что сейчас заразит их спидом, требовал денег.

Руслан II

Не голова, а помойка! Столько в ней всего и разом. И надо же: гордость и мерзость удивительным образом уживаются там. На улице такая противная погода – тучи чернющие да ещё ветер холодный, пронизывающий. И так трясёт с утра после вчерашнего...

Утром он очнулся в какой-то квартире. Чья ж это хата? Как в песне Биг Рашен Босс. Кто-то растолкал его. Женщина какая-то. Чуть не пинала. Давай, мол, сваливай, а то скоро хозяева придут. Он обвёл заплаканными, красными глазами этот гадюшник. Два существа бесполой шарахались в санузел, кто-то спал на диване, отвернувшись к стене. Руслан пошёл на кухню, выпил прямо из чайника холодного горького чая, осмотрелся. Видимо, из квартиры давно продали всё ценное. «Почти как у меня дома!» – подумал Руслан. На столе перед диваном лежал сотовый. Он сунул его в карман, уверенный в том, что телефон его, хотя свой он давным-давно загнал. В коридоре среди горы курток отыскал свою. Карманы были пусты.

На улице настойчиво витала мерзость. Руслан сразу обзавёлся парой сигарет у какого-то школьника. Ноги едва двигались, тело ныло.

До теракта оставалось несколько часов. Но ему-то что?

Он был даже в неплохом настроении. Помнил чётко, что вчера была компания друзей, были шашлыки, суши, «ягуары» и кое-что ещё. А всё благодаря его смекалке. Гордился прям собой.

Шатался позавчера по окраинам и набрёл на груду труб. Ржавые, но видно, что не использовались ещё. Лежат себе у обочины. На следующий день Руслан сработал оперативно, как никогда раньше. Сделав несколько звонков, вызвал машину, нашёл покупателя. Кран погрузил трубы минут за тридцать. И всё «без сучка и сучки». Он мандражировал, пока погрузка шла... но надо же было ещё так себя вести, чтобы водилы не сомневались, что груз этот его. Хотя что там сомневаться! Они были уверены, что не его этот груз. Поэтому и взяли двойную цену.

Через час у Руслана в кармане уже было столько денег, сколько он обычно и за два-три месяца не выдывал. Стоит отдать должное парню. В такие моменты он мог быть шедрым. Для друзей ему ничего не было жалко. Вначале он хотел отложить эти деньги, взял только треть, чтобы погудеть и зависнуть. Товарищи подтянулись сразу. Даже те, кого он раньше и не видел, а может, просто не помнил. Гулять начали в одной из недорогих забегаловок уже в обед. Компания алкашей и наркоманов готова была на руках носить своего благодетеля. В ход пошли рассказы (правдивые и не очень) о щедрости и широте души Руслана. Потом кто-то по запарке поздравил его с днём рождения. И понеслось! Вскоре он уже и сам решил, что празднует днюху. К вечеру деньги закончились. Пришлось ехать домой за оставшейся частью. Компания направилась в какой-то чмошный клуб. Здесь, несмотря на уровень заведения, охрана отсеяла добрую половину празднующих. Глубокой ночью самые стойкие переместились на вписку (вечеринку на квартире с последующей ночёвкой) к кому-то. Для всех у Руслана уже были приготовлены особые угощения. Здесь утром он и очнулся без денег и без представления о том, кто здесь обитает.

Теперь у него даже на тримол или анальгин ни копейки не было. Болели ноги, глаза, кололо сердце. Нужно было срочно поправить здоровье. Для этого требовалось снять телефон, но сделать это надо аккуратно, через проверенных людей.

Люди вокруг всё торопились, шарахались от хромого и покачивающегося из стороны в сторону наркомана.

Внезапно прямо перед ним выросла симпатичная девушка. Она стала что-то шепетать, махая перед его носом какими-то бумагами. Руслан улыбнулся беззубым ртом, стал рассматривать милое личико красными глазами, один из которых практически ничего не видел.

— У тебя есть таблетка от головы? — наконец спросил он, думая, что девушка откуда-то знает его.

— Есть! Идите сюда! — позвала она.

Удивившись ещё больше, он последовал за ней. Тут возле какого-то красивого дома скопилось толпа. Поодаль стояли полицейские. Руслан посмотрел в их сторону с опаской. К горлу подступала тошнота. За партой прямо на улице сидел ещё один парень и толстая до безобразия женщина. Они придерживали руками кучу листов, чтобы холодный ветер не унёс их. Девушка налила воды в пластиковый стаканчик и протянула ему вместе с таблеткой.

— Что происходит? — спросил он, рассматривая людей.

— А то происходит, — писклявым голосом отвечала толстуха, — акт вандализма происходит! Попрание нравственных основ нашего общества! Хотят, чтобы в столице культуры и искусства родилась мерзость, какой свет не видывал.

У Руслана самого был неприятный гнусавый голос, как у Павлика-наркомана, но от тембра женщины его аж передёрнуло, словно пилораму запустили рядом.

Надо же, какие голоса бывают! Прямо как акт вандализма. «Что ежи, сестрица при красоте такой и петь ты мастерица...» – проговорил он про себя. В общем, он ни слова не разобрал. К нему снова подступила девушка. Уж не заигрывает ли?

– Нам нужно собрать голоса в петицию, чтобы не было этой презентации. Вон они, видите, уже скоро откроют. А мы, может, успеем собрать и подать в мэрию, чтобы не проводили сегодня. И вообще не проводили.

Руслан к ней проникся прямо светлыми чувствами... Другими-то, мужскими, он давно не мог проникнуться. Такая вот доля наркоманская. Только на словах и можно поддерживать своё мужское достоинство.

Он написал свою фамилию (это ещё мог написать) там, где она указала, а потом расписался в отдельной строчке. Девушка прям просияла. Ангелок спустился на грешную землю, чтобы мерзость не родилась.

Ветер крепчал. К этой троице (не святой) присоединилось ещё несколько десятков человек. В основном бабульки, которым заняться нечем. В руках платки да иконы. Вроде не праздник сегодня...

Полицейские сразу ловко оттеснили этих юродивых от входа, встали цепью. Деликатно так действуют, профессионально (даже по морде никому ещё не дали).

На лестнице у входа появилась разодетая женщина. Люди, которые толпились с другой стороны, окружили крыльцо, стали тарашиться. А она в микрофон всё говорит. Ветер завывает, а ей будто и не холодно в одном платье и накидке.

– У нас, друзья, – говорит, – сегодня радостное событие. Мы с вами являемся свидетелями появления на свет нового шедевра, который станет мировым бестселлером и будет переведён на все языки. Это уже решено!

Люди заплодировали, а девушка с бумажками стала себе руки ломать, плачет аж. Бабульки с иконами попёрли на стражей порядка. Не позволим, мол, осламиться!

– Что же делать? – стала она повторять, глядя по сторонам. – Это как же? А петиция? Почти все голоса собрали! Нельзя допустить!

Её никто не слышал. Только Руслан стоял рядом и рассматривал её ушко. Маленькое такое, изящное, с рядом серёжек. Недорогих только... не продашь их...

– Что же вы стоите? – спросила она, повернувшись к нему.

Не дождавшись ответа, она стала проталкиваться к лестнице и кричать что-то. Её голоска никто и не слышал. Этому ангелу надо было захватить трубу иерихонскую хотя бы. Руслан не смог устоять. Возомнив себя поборником добра и справедливости, он последовал за прекрасной дамой прямо к ненавидимым полицейским.

– Эй! Что за дела?! – закричал он хриловато. – Позорные! Позор!

Люди посматривали на него, сторонились, кто-то крестился даже. Рост не позволял Руслану видеть, что происходит там, у лестницы, где рождается мерзость.

В общем, он сам не заметил, как оказался в первых рядах протестующих. Подогреваемый интересом, он лез меж двух сотрудников, стоявших плечом к плечу. Надо было бы ему тогда к другой толпе подойти, так нет же! Может, его пикет был бы подольше и поприятнее. А теперь... вышло, как всегда.

Прихрамывая, он, подпираемый сзади толпой, наваливался на сотрудников. Те что-то говорили, но их тоже не было слышно. Короче говоря, закончилось всё тем, что один сержант крепко толкнул в грудь Руслана. В руке у него ещё и дубинка была. Так получилось, что этой дубинкой Руслану ровно между глаз досталось. В голове и так был звон, ветер и помойка, а когда чёрное «спецсредство» коснулось его лба, там началась такая пурга – не хуже, чем в снежном шаре, когда потрясёшь его. Руслан упал навзничь. Сразу, как подкошенный,

свалился. Бабки все завершали, репортёры откуда-то появились. Стали фотографировать, как Руслан валится, как смотрит в небо ничего не понимающими глазами. Хорошие тогда у них снимки вышли, что надо!

Протестующие хотели было его к себе затащить, но полицейские оказались проворнее. Они всё так же вежливо отстранили бабулек, а двое ловко схватили Руслана за ноги и выволокли за цепь.

Руслан III

Когда Руслан закидывался, его совсем переклинивало. Видимо, в его голове осталось так мало работающих нервных окончаний, что при приёме очередной дозы они полностью блокировались. В редкие моменты трезвости, когда у него невыносимо болел желудок и ломило руки, Руслан вообще не мог понять, где он находится.

Как личность он уже перестал существовать совершенно. Осталась худая наркотическая тень, которая непонятно зачем ещё ходила в этом мире под солнцем. Хотя, возможно, он жил для того, чтобы рассказывать таким же, как он сам, ушлёпкам о том, что произошло в ТОТ день. Ведь он оказался в самом эпицентре теракта.

Впрочем, эти истории каждый раз рассказывались по-новому, фантазии в них становилось всё больше, поскольку сам рассказчик ни черта не помнил даже о том, что вчера произошло. Мир грязных, пьяных грёз давно стал более реальным для него. Туда он каждый день возвращался как домой. Вот и сегодня его приташил в современное кафе какой-то парень, который хотел похвастать своей находкой. Он приташил его за шкурку и усадил на отдельный стул.

– Давай ботай! – скомандовал он.

Руслан поднял опухшие, слезящиеся глаза на компанию за столом. Два широко разодетых парня и смазливая девица. Руслан выглядел, наверное, вдвое старше своих лет. Да и на самом деле он был вдвое старше, чем было указано в бумажках разных. Он не очень понимал, что от него требуется, где он находится, поэтому решил «залимонить понты».

– Я ваше с такими петухами не сижу! – начал он неопределённо, едва понятно, шамкая беззубым ртом и заплетающимся языком. – Только с цыпами. Я вот так говорю им, когда на лавке сижу: «Погнали мне за окурками! Влёт!» Эти мои шестёрки тогда сразу шевелиться начинают. Приносят даже с фильтром. Э... пить нужно принести! Сушняк, – он потянулся за бокалом с синей жидкостью, который стоял на столе. Все смотрели на это с интересом, как на представление.

Свою речь он обильно перемежал отборными ругательствами, которые время от времени по объёму превышали смысловые части предложений, отчего Руслан начинал сам путаться.

– Я тогда жвачку под горкой видел, на! Даже зелёную. В штабе.

Парень, который привёл Руслана, дал ему хорошую затрешину.

– Давай про теракт рассказывай! Ток эбаут!¹

Руслан медленно перевёл на него глаза, один из которых был закрыт мерзкой белой плёнкой.

– Что ты толк эбаут? Какие окурки? Укурки?

– Руслан долго-долго думал о том, как ему отреагировать на такое неуважение. Он хотел схватить вилку и пырнуть обидчика. Потом перевернуть стол и наброситься на фраеров, чтобы они уважать научились... Но потом медленные мысли его совершенно запутались. Он понял только, что от него хотят, чтобы он вновь вспомнил тот день.

¹ Англ. Talk about – говорить о.

– Утром я проснулся, короче, и не пойму где.

– Ноуп, это фуфло не нужно. Сразу давай.

Руслан послушно покачал головой.

– Смотрю, короче, там толпа стоит. Кипиш какой-то. Одна цыпа прямо ко мне, короче. Мол, помоги, туда-сюда. Ну мне не в лом это. Я врубился. Стою там, и как раз мусора подкатили. Я не при делах был, только трубу в тот день отработал, а они мне с ходу своим выключателем дали. Я не в понятах, ноги подкосились. Эти двое меня раз – и в автозак свой.

– Давай, давай! – подбадривал его один из парней за столом. Он достал из кармана какую-то таблетку и глотнул, запив коктейлем.

Руслан думал, что он уже нарасказал на таблетку, но он сильно заблуждался.

– Короче, подержали меня малость, потом выпустили, говорят, мол, туда-сюда. А мне пофиг всё это. Я вышел, а нервы-то нужно успокоить. Отошёл, смотрю – там курица¹ знакомая идёт. Ну он меня не приметил, лох. Я за ним. Он в подик² и клад³ там сделал. Я подождал, пока он слинял, как чайка⁴, разминировал⁵ его и норм. По дэхе⁶ сразу закинулся, но паль⁷ оказалась вполровину разбодяженная. Я всё глотнул и ноги.

– Да чё ты мне трип свой тэйлишь⁸? По делу давай, или сейчас на улицу тебя вернём.

Руслан снова поглядел на стаканы.

– Сушняк. Надо воды. Эй, бедолага!

Парни смотрели на него усмехаясь.

– Я в бобике сидел, пока всё это случилось, – наконец перешёл к делу Руслан. – Все, короче, внутрь сначала запёрлись. А мне через решётку тоже хреново видно. Короче, один чел туда тоже зашёл. Во всём чёрном такой, борзый. – Он, видимо, и взаправду вспомнил тот день. – Минута проходит, и началось там дикое шмалево⁹. Не, не в смысле, что шмали много было. Хе-хе! Шмали много не бывает. Шмалять начали внутри. Ну, я, блин, на пол схоронился. А сам думаю, что тут хорониться? Тачка не спасёт! Орево¹⁰ началось, кто ломанулся, кто остался. Кипиш! Мусора в разные стороны. Бабы эти тоже, кто – за мусорку, кто – в канаву попрыгал. Вот я над ними угорал. А самому прятаться некуда. Пипец! – он неожиданно замолк и замер, словно у него отключилось питание.

– И потом? Потом началось? – не выдержал парень, который привёл его.

– А? – вздрогнул Руслан. – Да, да, ништяк! Я отвечаю, это потом началось. Это как мощный приход такой. Я в автозаке этом ещё с тремя бедолагами сидел. Когда шмалять стали, один мусорок подбежал к нам и дверь открыл, чтобы нас не положили там. Как будто по доброте, так сказать, душевной! Там! На деле же, чтобы за жмуров не отвечать, если что!

Парень снова толкнул его.

– Да, да, короче, мы чухать... Я на соседнюю улицу и замер... Вижу, с горизонта поднимается облако огромное. Я даже не понял, что происходит. Белое,

¹ Курица (жарг.) – курьер, делающий закладку.

² Производное от «подъезд».

³ Клад (жарг.) – закладка наркотика.

⁴ Чайка (жарг.) – человек, который ворует заложенный курицей наркотик.

⁵ Разминировать (жарг.) – взять «клад».

⁶ По дэхе (жарг.) – немного, чуть-чуть.

⁷ Паль (жарг.) – подделка.

⁸ Рассказываешь о впечатлениях, полученных под действием наркотика.

⁹ Шмалево (жарг.) – перестрелка.

¹⁰ Орево (жарг.) – крик, шум.

большое, увеличивается, увеличивается. Я ноги делать. Потом смотрю, а по небу летят ангелы. В натуре. Полупрозрачные такие, как самолёты. И летят, летят, а вокруг всё дрожать начинает. Гаражи там стояли, так они чуть от земли не оторвались. – Видя, что Руслан вошёл в раж, парни стали посмеиваться и толкать друг друга. – Всё стучит, я просёк, что ангелы эти шмаляют по тем, кто бежит. Они их просекают, получается. Хорошо, я докумекал, что в канаву надо схорониться. Я в арык залёг, как в окоп, в натуре! Я прям прочухал, когда он надо мной пролетел. Он прям на меня зырил. Отвечаю, пацанчики! И оставил меня, прикинь? Я так и понял, что это мне знак. Я зуб даю.

Один из парней налил в бокал, из которого пил Руслан, шестидесятиградусной водки. Рассказчик взял его трясушей рукой и выпил залпом. В глазах его проступили слёзы.

– Давай, ремембер¹! Нам по приколу! – смеялись над ним парни. – Что ты там ещё про огонь с неба плёл? Вчера LOL² был отпад!

Руслан же думал только о том, как бы скорее получить свою пару таблеток. Он уже не мог вспомнить больше ничего. Всплывали какие-то сумбурные мысли, не связанные ни с тем событием, ни с этими людьми. Он понимал, что от него требуют ещё чего-то, что он не отработал свое. Нужно было срочно дополнить рассказ, чтобы ничего не сорвалось. Нужно было услужить этим ублюдкам, непременно угодить им, чтобы они сняли боль, чтобы забыться, вернее, чтобы вернуться в настоящий мир из этого кошмара.

– Был! Был и луч с неба! – словно вспомнив, вдруг вскрикнул он. – Когда полетело это полчище ангелов, шум поднялся такой! Они пролетели надо мной, я подскочил, какие-то гаражи рядом были. Я туда ломанулся. Двери были хлипкие, еле держались на петлях. Там две машины стояли. И еще две женщины были внутри и дети тоже. Они на меня сразу смотрят... Шары, как тарелки. Показывают, шикают, мол, молчи. Да я и сам слова сказать не могу. Я пригнулся, затихарился. И тут снова такой приход пошёл. Короче, я прям чувствую, что все железяки кверху поднимаются. И машины, и гараж... Я – к машине, присел, потом сам не заметил, как на землю сполз. Лежу, а вокруг всё грохочет. И тут, раз! Раз! Отрывается гараж этот, сносит его! И вижу, что с неба луч такой на землю. Прямо на меня почти. И такое спокойствие потом. Расслабон.

– Это у ты уже трип-репорт поехал! – прервал его парень. – Ну, хау³? – обратился он к своим друзьям.

– Норм! Норм! – послышалось в ответ. – Зачётный лешак!

– Вот! – обрадовался первый. – Я же говорил, что приколу! – он посмотрел на Руслана. – Колесо?

Тот закивал головой, как бобик, которому косточку показали. Вся бывшая гордость, все понты исчезли ради заветной таблетки.

Парень за столом лениво полез в карман и из маленькой пластиковой коробочки вытряхнул таблетку. Потом, подумав, вытряхнул ещё одну. Руслан готов был его расцеловать.

– На! – швырнул тот их на стол.

Руслан пытался взять маленькие таблетки грубыми, грязными и непослушными пальцами.

– Тейк ё брэд, бро⁴! – сказал парень.

¹ Remember (англ.) – вспоминать.

² LO/LOL – Звуковая аббревиатура от англ. LOL/lol – laughing out loud – громко смеялся.

³ Англ. How – как.

⁴ Англ. Take your bread, bro! – возьми свой хлеб, братец!

Руслан встал. Он не очень понял, что ему сказали. Увидев тарелочку с хлебом, он взял несколько кусков, сунул в карман своего серого пальто и стоял жалкий и грязный, словно ждал команды.

– Можешь идти!

Теперь, получив дозу, он вспомнил о гордости. Сначала хотел сказать «благодарю», но сдержался. Заглотив обе таблетки, ещё не дойдя до двери, он почти сразу почувствовал, как яд проникает в его мозг. В голове зашумело, вокруг замелькали цветные вспышки. Он вышел в заплёванный и вонючий проулок, прошёл несколько метров и, споткнувшись, упал. Перед глазами возникла скамейка из его детского двора. Он послал младших за сигаретами и теперь сидит, покручивая в руке спичечный коробок. Ему тепло и хорошо. Лето – самое лучшее время. Нет школы, никто тебя не трогает. Раздолье. Скоро должен прийти со службы дед. Руслан уже знает, что сегодня ему дали премию по случаю Дня Победы, и он обязательно крепко выпьет. А если он выпьет, то обязательно даст внуку конфет и, если повезёт, денег. Вся жизнь впереди, жизнь, полная риска, удачи и удовольствий. Руслан улыбается.

ВЛАДИК I

По правде сказать, его звали не Владик, а Владислав Геннадьевич Пелехов. Но у кого язык повернётся назвать сорокалетнего усатого мужика в кепке, да ещё работающего на заводе автошин, Владиком?

Хотя были и такие времена. Жена его так называла. Давно это было, а кажется, что недавно. Впрочем, он помнил каждый год, каждый день своей жизни, пусть они и мало чем отличались...

Он любил сидеть во дворе на скамейке и покуривать вонючие дешёвые сигареты. На горке с детьми носился его сынишка, а он радовался, что из него вырастет такой же человек с большой буквы, как и он сам.

Родители Пелехова были фронтовиками, родился он уже совсем поздно, когда обоим им было за сорок. Они, жившие часто впроголодь, не знавшие сна и отдыха, отдававшие всё для Родины и для фронта, воспитали его таким же. Он аккуратно, но не слишком успешно отучился в школе, затем в училище. А потом по распределению попал на завод автошин, где и работал, повышая разряды и производительность труда.

До работы было достаточно далеко, но Владислав Геннадьевич каждый день ходил туда и обратно пешком. Летом было жарко и утомительно, зимой – холодно, но он упорно твердил себе, что это полезно для здоровья. На самом деле ему доставляло огромное удовольствие сэкономить на автобусе.

Вообще экономия стала смыслом его жизни. Впрочем, он себе в этом признаться не мог, просто объясняя, что никакие излишества не нужны. Да и зарплата не позволила бы ему... Весной и осенью он ходил на работу в светлорыжевом полупальто и кепке. Зимой – соответственно в зимней куртке и чёрной шапочке. На ногах – некрасивые, но добротные и начищенные ваксой полуботинки на толстой подошве. На лето были припасены две рубашки с коротким рукавом, сандалии и брюки, сшитые женой Юлией. Пелехов был безразличен к одежде, того же требовал и от супруги. «Чего там? – спрашивал он удивлённо. – Мне ведь только до работы дойти. А там у меня тужурка есть, да и комбинезон. Зачем столько денег тратить на новую куртку? Да и твоя ещё вполне хорошо выглядит! У некоторых и такого нет, Юляша!» Потом он целовал расстроенную жену в ушко, давая понять, что разговор окончен.

На работу он ходил с неизменной баночкой, в булочной брал только серые хлебные кирпичи, да и на рынок они отправлялись с сумками, сшитыми женой.

К Пелехову подбежал раскрасневшийся от бега сынишка. Он по совету отца взял у соседской бабушки мусорное ведро и сам сбегал на помойку.

– Молодец, Саня, если будешь себя хорошо вести и отлично учиться, то станешь таким же уважаемым человеком, как и батя! Ты же видишь, как со мной все здороваются?

Сказав это, он задумался, отпустив сына на горку. Недавно ему предложили должность электрика в одной частной фирме. Жена горячо ратовала за это предложение, но он, недолго думая, отказался. Ну и что, что зарплата почти вдвое больше? Зато кто знает, что будет с этой фирмой завтра? А завод уже шестьдесят лет стоит и ещё шестьдесят простоят!

Поначалу Юлия пыталась мягко намекнуть мужу, что некоторые ездят летом в санаторий, копят на машину или образование для детей. Она намекала, что их друзья перешли на работу в частный сектор и живут совсем неплохо. Один раз наутро после почти бессонной ночи, когда пыталась сшить себе платье к 8 Марта, она устроила ему скандал, заявив, что заслуживает хотя бы раз в году обновки. Он сказал, что понимает и любит её и тут же выдал ей из кармана с великой гордостью сумму, которой едва хватило бы на четверть платья. Он ждал от неё благодарности, считая, что денег хватит, по крайней мере, на две вещи, но она плакала навзрыд, не в силах сдерживать обиду и боль.

Пелехов любил размеренность и порядок в жизни. Ему казалось, что это и есть стабильность. Он всегда шёл с работы одной и той же дорогой, заходил за хлебом в один и тот же магазин и приходил ровно к ужину. Потом смотрел телевизор, пока жена разбиралась с посудой. И детям уделял время: строго проверял домашнюю работу, когда они учились в школе, старался читать нравоучения, честно выполняя свой долг родителя и воспитателя.

Владик не знал, что, когда сын подрастёт, окончит училище и не поступит в вуз, он будет так же из года в год ходить в одном пальто. Саша вырастет долговым, забитым и нелюбимым пареньком. Завод шин к тому времени будет на грани банкротства, вакансий там не будет. Саше придётся перебиваться временными заработками. Отца это будет очень раздражать, хоть он и постарается не показывать этого. Сын съедет на съёмную квартиру, как только получит первую зарплату.

Он и не думал, что дойдёт до такого. Это был канун какого-то праздника. Саша пришёл к родителям со своей такой же забитой женой. Юлия готовила «праздничный» ужин – «ножки Буша» с картошкой.

Семья уселась за стол, покрытый бабушкиной скатертью. По такому случаю достали фамильные ценности – массивные советские хрустальные рюмки, салатницы и потемневшие от времени мельхиоровые приборы. Пелехов даже достал сделанную собственноручно перцовую настойку и отчего-то был очень весел.

– Такие дела, Санёк! Видал, какие ракеты у нас теперь? Я вчера по программе «Время» смотрел. Теперь американцы сдаться будут!

Сын молчал, ковыряя курятину.

– Как твоя фирма, не загнулась ещё? – продолжил он, пропустив рюмку.

– А что ей будет? – невесело ответил сын. – Работаем так же.

– А то и будет, что директор уже на мерседесе ездит, а вы впроголодь живёте! – Пелехов словно искал ссоры. – Это раньше частники больше платили. Ты бы пошёл на подшивниковый, справился, есть ли места.

– Зачем мне это? – подняв глаза, спросил Саша.

Пелехов откинулся на спинку стула, провёл ладонью по седеющим усам. Юлия посмотрела на него умоляюще, предвидя неладное.

– А ты не помнишь, что я говорил? В частном секторе – нестабильность. Если бы сразу на завод устроился – уже бы разряд получил, зарплату подняли.

– Пап, ты не знаешь, как работают люди. Только про свой завод знаешь. И то он на последнем издыхании, – еле сдерживая злость, Саша опрокинул стопку.

– Завод семьдесят лет отстоял и ещё семьдесят отстоит! Мне просто обидно видеть, что ты как обделавшийся ходишь! Третий десяток разменял мой сын, и кто он? Сантехникой подрабатывает?

Пелехов и сам не ожидал такой реакции отпрыска и удивлённо поднял брови, когда Саша отодвинул тарелку и посмотрел ему прямо в глаза.

– А чего ты добился? Что с тобой здороваются на твоём сраном заводе? – выпалил он. – Мои друзья даже на рабочих профессиях поднимаются, машины покупают. А ты ходишь пешком в тех же шмотках, что и сто лет назад. Мне стыдно за тебя! Я уже не говорю, что ты нам ничего не дал. Я не ждал ни машины, ни квартиры, но ты не дал вообще ничего!

Пелехов опешил. Он вначале хотел ударить сына, потом решил резко встать и наорать на него, выгнать из дома, но сдержался и, стараясь придать вес каждому своему слову, сказал:

– Зато я воспитал тебя настоящим человеком!

– Ах «настоящим человеком»! – передразнил его Саша.

– Сашенька! – со слезами в голосе воскликнула мать.

– Настоящим человеком? От этого я, по твоим словам, «как обосранный» хожу? От этого забитый? Или, может, оттого, что мне за тебя стыдно? Ходишь со своей баночкой на свой завод, наливаешь самодельную настойку по праздникам и ешь всякую дрянь! Да ты даже себя не можешь убедить, что ты чего-то добился! Это ты никто! Юлия, мы уходим, одевайся! – обратился он к жене (её тоже звали Юлией).

– Больше духу твоего чтобы здесь не было! – сквозь зубы прошипел Владик, медленно встав с места. – Нет у меня сына!

– Владик! – пискнула Юлия-старшая.

Саша с женой через пару минут вылетели из квартиры.

– Пойду покурю, – почти обычным тоном сказал Пелехов, беря пачку и баночку из-под шпрот, которой он пользовался как пепельницей, когда курил в подъезде.

Когда он вернулся, Юлия стояла у окна и беззвучно плакала. Плечи её подрагивали.

– Шенок ещё! – сказал Пелехов. – Пока ещё не знает уважения к человеку труда. Ничего, пусть... жизнь попинает его немного, тогда поумнеет. – Он обнял жену.

– Геннадич, – тихо проговорила она, – не злись на него. Он же мальчик совсем. Он любит тебя.

– А я и не злюсь, Юляша. Это я так, в воспитательных целях. Пусть, одумается – придёт. Тогда мы с ним и потолкуем. Это же моё воспитание. Ну всё! Отставили слёзы. Идём за стол, – он налил полную рюмку себе и жене. – Давай до дна за семью! – Он взял вилкой мясо с тарелки сына. – Не пропадать же добру! Верно? – Пелехов снова повеселел и, подмигнув Юлии, добавил: – Пусть идет – нам больше достанется! Дай мне огурчика. И переключи канал. Скоро последние известия.

Владик II

Пелехов в то утро, когда всё с ног на голову перевернулось, шёл с работы домой. Необычно, но зато результативно. Он пришёл утром, а профсоюз говорит, что нужно документы какие-то из поликлиники принести, чтобы к лету ему путёвку, значит, выхлопотать в пансионат «Электрик». Владислав Геннадьевич, как положено, к начальнику цеха подошёл, объяснил. Тот его, ясное дело, отпустил. Пелехов, гордый и довольный, невзирая на то что сегодня придётся четыре раза пешком преодолеть расстояние от работы до дома, вышел через проходную. На улице был штиль. В воздухе витал запах ржавчины и пыли. В цеху неподалёку загружали вагон металлоломом.

По небу бежали белые облака. Пелехов повёл усами, как солдат из «Деревни дураков». Он решил даже не курить сразу, чтобы подышать свежим воздухом. Поликлиника была почти возле дома, так что он надумал по дороге и хлеба купить. Он любил хлеб покупать в магазине «Авоська», в центре, говорил всем, что булки там особо ароматные, так что к вечеру их полностью разбирают.

На самом деле хлеб в этом гастрономе был самый обыкновенный, бюджетный, из серой муки, выпускаемый на городском хлебозаводе. Но магазин нравился Пелехову тем, что устраивал всякие акции. Там возле входа стояла полка специальная. «Социальная» называлась, что ли... В общем, сердобольные люди могли купить какой-нибудь продукт и выставить его потом на «Социальной», чтобы нуждающиеся могли забрать его оттуда бесплатно. Иногда по праздникам хозяин магазина армянин распорядился выставлять туда побольше товаров. Вот тогда там и рис появлялся, и яблочки поштучно, и масло растительное в помятых поллитровых бутылках. Злопыхатели говорили, что хозяин выставляет там только просроченный товар, но ведь в других местах и так не делали, даты просто перебивали...

В общем, Пелехов всегда брал в этом магазине что подешевле, вроде булки хлеба, а потом прихватывал ещё и мешочек с рисом или гречкой «социальной». Делал он это спокойно, словно в супермаркете отоваривался. Иногда и два-три товара брал, считая, что это не подачка, а дополнительный налог на сверхприбыль этих дельцов. Уж коли теперь магазины сплошь частные, то должны же скопидомы эти делиться с рабочим людом.

Владислав Геннадьевич застегнул все пуговицы на своём светло-коричневом пальто, надвинул кепку почти на брови и закурил. Он уже подсчитал, что сегодня сбережёт вдвое больше обычного, не пользуясь общественным транспортом.

В «Авоське» возле полки с хлебом появилась надпись «После повышения цены на хлеб у нас для пенсионеров цены остаются прежними». Он пожалел, что ещё не заработал пенсию и заволновался, будут ли теперь появляться товары на социальной полке? Но там были товары и сегодня. Так что довольный Пелехов обзавелся бесплатным пакетом гороха. Маленький, конечно, но зато совершенно бесплатный. От этого стало так тепло и светло на душе, что Владик даже заулыбался.

Он вышел на улицу, закурил и пошёл домой необычным маршрутом – через центр. Возле красивого здания, где раньше размещался горком партии, собралась толпа. Настроение у Пелехова сразу испортилось. Он вспомнил давние времена, когда заходил сюда по рабочим делам, когда это здание было как бы и его отчасти. А теперь всё разбазарил Горбачёв, всё растащили хапуги и дельцы. И вот теперь здесь устроили какой-то офис или выставочный центр.

Господа, понимаешь, сюда приезжают, дамы. Машины дорогие свои ставят, как будто и улицы им принадлежат. Вот бы эти машины с шоферами поставить на маршруты, чтобы люди на них на завод ездили и обратно. А то возят там

кого попало. Небось, и разряда такого нет у этих молокососов, как у него! Ну, это пока так, потом будет социальная справедливость, государство развитого социализма. Вот недавно Пелехов услышал, что в Люксембурге весь общественный транспорт стал бесплатным. Вот это социализм! Видимо, Его Королевское высочество великий герцог Анри – настоящий коммунист, свой в доску человек. Выпить бы с ним, да о политике поговорить, да посоветовать, чтобы нашим чиновникам рассказал, как о народе заботиться.

Владислав Геннадьевич решил подойти поближе. Бывает, что какая-то компания новая в рекламных целях раздаёт свою продукцию бесплатно...

Но в этот раз ничего тут не раздавали. Правда, Пелехов сразу заметил, как «поддали» какому-то алкоголику, которого потом милиционеры под руки загрузили в свой бобик. Ну, Владик тут же смекнул, что если хлеба здесь не дожидаться, то зрелищ будет достаточно. Он постоял поодаль, осматриваясь. С одной стороны у лестницы стояли всякие разодетые «девки». Они устремили взгляды на какую-то «звезду», которая вешала с верхней ступени. Слева от лестницы выстроился ряд милиционеров, которые сдерживали натиск пролетариата, как Пелехов окрестил этот разночинный сброд. По всей видимости, протестовали недовольные тем, что происходило на лестнице, хотя там, в сущности, ничего и не происходило.

Покурив, Пелехов заметил, что стоит прямо посреди дороги. Тут же сзади кто-то стал оглушительно сигналить. Он повернулся и обнаружил за спиной шикарный мерседес. Точно такой же, какие, видимо, теперь развозят рабочих в Люксембурге, где деньги девать некуда. За какую-то секунду Пелехов успел возмутиться и глубоко задуматься: к какой же партии ему примкнуть?! Правые были хорошо одеты, сплошь смазливые, холёные рожи. Да и правым он никогда не сочувствовал. А вот слева были милые душе лица пролетариата, одетые в пальто и куртки, которые выпускались на той же фабрике, что и его коричневое пальто. Вот туда и повернул Владик, не страшась произвола со стороны правоохранителей.

Но левая толпа была уж больно странная. Тут люди ходили и с флагами, и с иконами, и просто с сумками, в которых были товары с социальной полки «Авоськи».

Владик повёл усами, не понимая, что же здесь происходит. Из подъехавшего лимузина показалась ослепительной красоты женщина лет сорока пяти. Фотографы со всех сторон зашёлкали своими затворами. Толпа справа стала восторженно повизгивать. Первые ряды пытались поселфиться на фоне машины и дамы. Кто-то махал бумажками и фломастерами, требуя автографа. Женщина в длинном чёрном платье, расшитом чёрным бисером, и меховом мантио не торопилась заходить внутрь, словно её не пускали. Она махала рукой в перчатке, улыбалась, вертелась, позволяя себя фотографировать. В сторону «левых» она не смотрела.

С появлением блистательной незнакомки толпа ещё больше зашумела. Особенно надрывалась толстая женщина, выступавшая в роли агитатора.

– Не пус-тим! Не пус-тим! – кричала она визгливо.

А толпа потихоньку подхватывала этот призыв и начинала его скандировать.

– По-зор! По-зор! – запускала женщина новый лозунг.

Когда люди стали самостоятельны и достаточно дружно возмущаться, она притихла, с трудом восстанавливая дыхание. Пелехов покрепче взял под мышку свою сумку и подошёл к ней.

– Что тут происходит? – поинтересовался он.

– А вы не знаете? – гневно ответила агитаторша. – Все знают, а он здесь как будто случайно. Не знаете Софию Шляпник?

– Не знаю, – честно сказал Пелехов.

Женщина отвернулась, видимо, не намереваясь больше разговаривать с эдаким невеждой. В этот момент дама стала благодарить кого-то со ступеней: спасибо за то, спасибо за это, я рада, что вы меня любите, я для вас и стараюсь...

Тут подъехало запоздавшее телевидение. Два оператора стали суетиться со своими треногами и камерами. Они хотели заснять, как София подъезжает на машине, но кто-то воспротивился такой инициативе. Пришлось им так обойтись. А оратору пришлось ещё что-то выдумывать, чтобы успели снять её ещё и на камеру на ступенях этих.

Толстая тётка ткнула его локтём, пока толпа с иконами бесновалась:

– Дай сигарету!

Он быстро рассчитал, сколько стоит одна сигарета, и успел пожалеть... На работе он обычно отшивал таких просителей.

– Короче, эта женщина настоящий дьявол! – выдала толстуха. – Пишет всякую дрянь и рекламирует её так, что в итоге она оказывается в каждом доме. Мужики её богатые, вот и раскручивают.

– Она попирает все законы христианской морали! – ввинтила какая-то бабулька в белой вязаной шапочке, стоявшая рядом и подслушивающая разговор.

– Можно и так сказать, – согласилась толстуха. – Получается так, что в своей новой книге «Освобождение» она призывает отказаться от всех моральных законов, которые наше общество создавало две тысячи лет. При этом она призывает просто жить себе спокойно, отказаться от стыда, от морали, самобичевания. Она это всё «рамками отцов» называет.

– Так она просто писательница? – переспросил раздосадованный Пелехов. Интерес у него ко всему происходящему стал пропадать. Он своих детей вырастил, а всё это разложение моральное затрагивает всяких буржуев, которым нечем заняться. Понятно же, что работать им не надо, вот и потекают своим низменным инстинктам.

Заметив безразличное выражение лица Пелехова, женщина схватила его за рукав.

– Подпишите петицию, чтобы не допустить этого безобразия! – серьёзно потребовала она.

– Извините, – сухо ответил Владик, – мне нужно на работу.

– А вам всё равно, что вашим детям будут в школе внушать, что гомосексуализм – это естественно?

– Я уже выучил детей.

– Ну внуков!

Пелехов удалялся, ругая себя за то, что потратил время на эту дребедень. Шли бы лучше работать все, чем тут время терять. Сколько могли бы продукции выпустить эти сотни людей? Раньше такого не было! Чуть было не позволил уговорить себя подписать что-то! Небось, мошенники, которые подписи людей собирают. Вот так подпишешь, а завтра раз – и оказывается, что ты квартиру свою продал этой толстухе или Свидетелям Иеговы каким-нибудь!

Владик III

– Так и было! – говаривал Владислав Геннадьевич, с трудом поглаживая свои пышные седые усы, с большим трудом садясь в просторное кресло, повернутое к окну.

В комнате было уютно, но обстановка была несколько аскетичной и старомодной. Наверное, так обставляли квартиры лет пятьдесят тому назад. Даже

телевизор в углу на полке был старинный – пузатый AIWA, который можно было найти только в музее.

– Я давно говорил своим товарищам на производстве, что добром это не кончится. Когда стали жиреть эти толстосумы, тогда и показался конец всему. Жена подтвердит! Правильно я говорю?!

– Правильно, – слышался женский голос откуда-то из-за спины.

– То-то! Сготовь-ка мне чаю. Да с ромашкой. Той самой, что я на отдыхе в прошлом году собрал! Помнишь, на поле? А?

– Да, помню!

– Вот и слушайте! Я детей так выучил и внуков так же учу. Пусть уважают рабочего человека. Это ведь только разговоры, что на заводе сейчас всё роботы делают. А мы как работаем? Мы что, роботы? – засмеялся он.

Владислав Геннадьевич вдруг словно очнулся, посмотрел по сторонам, перевёл взгляд на вешакку возле двери, на которой висел его старинный коричневый плащ и кепка. Увидев их, он успокоился.

– А обед собрала уже?

– Собрала, всё готово. В холодильнике стоит.

– Ну хорошо. Скажешь, когда собираться надо.

– Ещё не время, Владислав Геннадьевич.

Пелехов какое-то время вслушивался в речь диктора, доносившуюся из телевизора. По одному из центральных каналов шли новости.

– Во-от, – протянул он. – А я Сашке сколько раз говорил: в частном секторе нестабильность. К тому и пришли. Это он мне всё говорит, мол, пойду работать на частную фирму. А где они теперь, эти фирмы? – он потряс рукой в воздухе. – Я сразу предложил поговорить с начальником смены, чтоб место ему нашел нормальное. А то вчера закатил скандал, мол, на твоём сраном заводе работать не буду!

– Куда денется? – подтвердила женщина.

– Ну всё, пора на работу! – вдруг сказал он, пытаясь встать. – Давай обед. А то опаздывать нельзя. На проходной без пятнадцати уже фамилии записывают.

Женщина молча взяла сумку, повесила её на ручку инвалидного кресла, открыла дверь и пошла по коридору, толкая перед собой коляску. Пелехов говорил что-то, но она уже не обращала на него внимания... В лифте они спустились на первый этаж и, преодолев холл, оказались на улице. Над дверью висела металлическая табличка «Дом милосердия имени святой страстотерпицы великой княгини Анастасии Романовой».

Коляска покатила в большой парк, залитый приятным солнышком. Пелехов всё хотел закурить, но сиделка отвлекала его.

– А расскажите, Владислав Геннадьевич, как корабли повсплывали тогда? – попросила она с поддельным интересом.

Старик ухмыльнулся и погладил усы.

– Расскажу, расскажу. Тот день я помню отлично, не то что вчерашний, – усмехнулся он. – Я что-то с работы вышел. По поручению, что ли. А нет, нет, я в поликлинику пошёл. Мне тогда путёвку по профсоюзной линии выписали. Хорошо мы тогда с тобой отдохнули! Я вышел и через центр пошёл. Смотрю – там столпотворение. Подошёл, а там, оказывается, антихристианская демонстрация. Или движение атеистов, что ли. Что-то они агитировали там. Всё меня хотели подтянуть. Декрет какой-то подписать. Ох, слава Богу, я не дался! Там же потом теракт устроили. Вроде как религиозный фанатик. Да. С автоматом прошёл внутрь и давай палить! А я вышел оттуда – и домой через набережную, ну как

мы обычно гуляем с тобой, – он настолько оживился, что стал жестикулировать и поглядывать назад на женщину. – Иду, значит, где излучина эта, курю, никого не трогаю; как говорится. И тут чувствую, что не так что-то. Ага, вот так и было.

Коляска повернула на аллею, засаженную каштанами. Навстречу стали попадаться другие коляски и больные в казённых пижамах, решившие кости погреть на солнце. Кто-то сидел на скамейке. Сиделка, сопровождавшая Пелехова, кивала сотрудникам, перебрасываясь с кем-то парой-тройкой ничего не значащих слов.

– Я пошёл по петеле этой, где излучина, и остановился от удивления. Чувствую, что земля подрагивает. Нет, не как при землетрясении, а так, мелкой дрожью дрожит. Остановился, смотрю по сторонам. Не пойму, в чём дело, а глядя на воду – она бурая стала какая-то, грязная, как после дождя. Я рот открыл, чуть сигарету не выронил. Но это что, Юлька! Слушай дальше. – Женщина при этом начала разговаривать по миниатюрному мобильнику, но это не смутило рассказчика: – Земля под ногами дрожит, а вода кипеть стала! Представляешь? Тут вообще сказки начинаются. Обычно же в реке вода спокойная, а это какие-то потоки пошли, будто там, в толще воды, что-то большое передвигается. Ну, думаю, не может быть, чтобы подводная лодка американская аж сюда заплыла! Только я это подумал, как из-под воды появляется телескоп... – он осёкся. – Тыфу ты, блин, перископ! Я кепку сдвинул на темечко. Стою, с места не могу сдвинуться, а из воды тем временем рубка показывается. И не перископ это был, а труба, как оказалось, какая-то. Потихоньку-потихоньку из воды корабль появляется. Весь заржавленный, без стёкол, но корабль! Баржа, значит. И загружена металлоломом. Это даже представить трудно, какая сила нужна. Эта баржа, Юля, затонула тридцать лет тому как! Вот какое дело. А из-за этого катаклизма она вверх и всплыла. Вид какой был... За ней, гляжу, метрах в двухстах ещё пароходик появляется. Стоят как вкопанные! То тут, то там металл плавает. Короче, всё, что на дне было, всё и всплыло! – он оглянулся на женщину, которая закивала головой.

– Вот это чудеса, действительно! – с готовностью сказала она. – И вы, Владислав Геннадьевич, тому свидетель!

– Вот так вот! А я стою и думаю, – продолжает старик, – как бы весь этот металл в плавильный цех наш отправить? Если переработать его, то сколько сырья для промышленности нашей будет! Потом, ясное дело, хозяева найдутся и этой баржи и всего, что повсплывало! Но они наверняка страховку получили. Зачем им теперь отдавать все? Это уже наше, то есть народное! Надо бы узнать, что стало с этим добром? А? Может, письмо от имени коллектива цеха составить в обком партии?..

Пелехов снова стал спрашивать, где его папиросы, а сиделка, чтобы его отвлечь, поинтересовалась:

– Так вот, я никак не андрстенд... эээ... не пойму, что случилось в тот день? Отчего это всё происходить стало? Это ведь что-то случилось! Говорят, что, может быть, это связано с той книгой, которая по всему миру разошлась.

– Да брехня собачья! – отрезал Владик. – Ну сама подумай, Юлька, при чём тут книга? Как материалист подумай! Где книга, а где сотни тонн металла! Я читал в «Труде», что это катаклизм произошёл такой... Учёные выяснили, что Земля наша в тот день как бы перевернулась. Люди в большинстве необразованные. Скажут, мол, как перевернулась? А Земля, известно где, – в космосе. А там что? Там нет низа и верха. Понимаешь?

– Йеп!¹ – не подумав, ответила женщина.

– Что говоришь?

¹ От канадского «Уер» – да.

– Ой, да, говорю, понимаю!

– Так вот, наша Земля перевернулась в тот день. Прямо в то время, пока я с работы вышел. Магнитные полюса там. Надо статью эту перечитать. Я вырезал. Наверное, пока переворачивалась, эти корабли и всплыли. Так их, коммерсантов этих! Это их земля уже держать не может!

Женщина уже дошла до конца аллеи. За деревьями показалась стоянка. Прямо напротив остановился огромный чёрный джип «БМВ». Из него вышел высокий коренастый мужчина, которому было не больше тридцати лет. Увидев женщину, он помахал ей рукой и пошёл прямо по газону.

– Хай, Джес! – крикнул он издали и махнул рукой.

– А вот и Дэн, внук ваш приехал! – обрадовано сообщила сиделка.

– Внук? – удивлённо переспросил Пелехов.

– Ну здорово, дед! – приветствовал парень Владислава Геннадьевича.

Пелехов недоверчиво вглядывался в незнакомое лицо.

– Санёк?!

– Привет! – повторил мужчина. – Ну как он? – обратился он уже к Джесике.

– Да всё гут. Главное, что аппетит гут. Тиви смотрим. Гуляем вот. Ой, тиви бы как-нибудь сченьджить¹! У него и так зрение вик², так на этом кирпичоне³ совсем жуть⁴.

– Можно трайнуть⁵, конечно. Но ласт тайм⁶ что было!

– Что вы там чирикаете не по-нашему? – возмутился Пелехов. – Юлька, кончай!

– Хорошо, дед, пошли шахматы посмотрим. Тебе ведь нравится шахматы смотреть?

– Память такая же? Из старых дней вспоминает только? – спросил он снова, с трудом подбирая слова.

Женщина заулыбалась.

– Что?

– Вы как актёр этот из «Ивана Васильевича...». «Паки, паки...»

– Что это? – мужчина удивленно посмотрел на неё в упор.

– Это фильм ретро. Извините. – Она снова стала говорить официальным тоном. – Старые времена помнит отлично. Мне бы так. А вот короткая память никуда не годится. Часто о папе вашем спрашивает. Может, всё-таки привести его?

Парень отвернулся и со злостью добавил:

– Ты же знаешь, что он запойный у нас! Депрессии постоянные. Из дома не выходит. Заказывает всё по доставке и лежит, уткнувшись в стену! – он плюнул на чистый асфальт. – Это раньше нужно было о нем вспоминать, когда он папаном в его поддержке и добром слове нид⁷.

– Нуждался, – подсказала она.

– Ну нуждался! – резко ответил мужчина.

– Не сердчайте, он ведь поэтому и живёт в том времени, что переживал очень сильно тогда. Эмоции влияют на нашу память. Что вызывает переживания, то и запоминается.

Они подъехали к рядку каменных столов, за которыми на деревянных скамеечках сидели старички и играли в шахматы.

¹ Англ. «Change» – менять.

² Англ. «weak» – слабый.

³ Кирпидон – грубый и угловатый предмет, например, устаревший девайс.

⁴ Жуть – выражение восторга или недовольства. Произошло от совмещения слов «жест» и «жуть».

⁵ Англ. «try» – пробовать.

⁶ Англ. «last time» – в прошлый раз.

⁷ Англ. «to need» – нуждаться.

– Приветствую, Геннадич! – с улыбкой прошамкал один из игроков, приподнимая при этом над головой фетровую шляпу.

– Здорово, здорово! – отозвался Пелехов и попытался посмотреть на сиделку. Та уже знала, что он хотел спросить.

– Семён Семёнович, – тихо сказала она на ухо.

– Всё время забываю! Как жизнь, Семён?

– А что? Доживаем.

– Говорят лучи эти очень вредные стали, – тихо сказал Дэн сиделке. – И воздух поизонед. Как это? За-сран?

– Загрязнён.

– Вот. Так что смотри перед выходом все показатели. Пусть сидит лучше в каморке своей.

– Не переживайте. У нас за этим специальная служба следит.

– Врач врачом, а ты тоже следи. Я за это плачу.

– Я понимаю, не переживайте.

Мужчина лёгонько похлопал Пелехова по плечу.

– Будь, дед! Бывай, то есть! Я поехал.

– А, Сань? На смену? На завод надо?

– Да, туда.

– Давай, давай, я тоже сейчас туда пойду. Сам знаешь, без четверти нужно уже в проходной быть.

ОКСАНА I

– Ксюшенька, посмотри, какое платьице мама сшила! – весело щебетала молодая женщина, наряжая белокурую девочку. – И бантики!

Личико девочки было хоть и кукольным, но недовольным. Она надула губки и опустила голову. Когда её подвели к зеркалу, она даже замахала ручонками от негодования.

– Не пойду!

– А как же детки? – удивилась женщина. – Ксюша! Они же ждут тебя. Друзья твои все. Утренник сегодня.

Но девочка уже не слушала. Из голубых глаз закапали слёзы. Мама взяла малышку на руки, та забилась в истерике. Она сорвала банты и бросила их на пол.

– Ну не плачь, солнышко моё! Мне главное, чтобы ты улыбалась. Ты тогда такая красивая... Ну что ты хочешь?

– В парк! – скомандовала Ксюша, почувствовав извиняющийся тон матери.

– А маму на работе ругать будут...

– Не будут! В парк! – капризно требовала девочка, готовая вновь разреветься в любой момент. – Позвони!

– Ну хорошо, лапочка моя. Мы успеем погулять. Немножко только. Хорошо? Девочка молчала, насупившись.

Женщина пошла в коридор и набрала номер.

– Да, – послышался её голос, – у меня тут проблемы дома. Извините! Я постараюсь за полчаса успеть! Спасибо!

Теперь Ксюша была довольна. Она рассчитывала прийти в сад с мороженым, шариками и леденцом на палочке. Так и получилось, только в сумочке у неё было ещё два десятка конфет, которые она собиралась раздать друзьям.

Светлана часто корила мужа, что тот не хочет покупать дочке дорогие платья и игрушки.

– Козлов, – говорила она, – дочка у тебя одна вроде бы, а ты всё деньги считаешь! Ребёнку надо всё лучшее обеспечить. Ты должен понимать, что это её детство, что она потом всю жизнь будет строить, исходя из сегодняшнего положения.

Степан был человеком прямолинейным и открытым, потому и решил, что нужно больше зарабатывать, в результате вляпался в какое-то тёмное дело. Сначала деньги появились, но Козлов стал угрюмым и замкнутым. Жена ни о чем не спрашивала, считала, что зарабатывать деньги – это мужское дело. Она даже порадоваться успела, но совсем недолго. Потом Степан пропал. Просто не пришёл домой в четверг. Светлана навсегда запомнила тот четверг. Ждала его до ночи, не ложилась, не убирала ужин со стола, к двенадцати стала беспокоиться, но свекрови не позвонила. А муж не появился ни утром, ни к вечеру следующего дня. Она звонила по всем номерам, которые были у неё, но толку не было. Ещё день спустя пошла в милицию, написала заявление участковому и стала плакать.

И больше не было ничего, кроме хождения по инстанциям. Степан словно сквозь землю провалился. Не исключено, что так и произошло. Время было такое...

Светлана очень переживала за дочку, но Ксюша вела себя по-взрослому, даже не спрашивала, где папа, только несколько раз вспомнила. Но не по-взрослому она продолжала требовать у матери все самое лучшее.

Светлана работала как ломовая лошадь, радовалась любой помощи родственников и ждала мужа. В доме было и мясо, и сливочное масло, но чаще только для «куколки». Даже косметика и парфюм теперь были на двоих.

Она была не готова к ударам, которые судьба или дочка приготовили для неё, даже не сразу поняла, что случилось. Ксюша уже была старшеклассницей и все неохотнее говорила матери о родительских собраниях и прочей ерунде, всячески стараясь, чтобы мать не приходила в школу, училась, правда, на «отлично». Только потом Светлана поняла, что дочка стыдится её.

Но это было только начало... Едва дочка окончила школу и поступила в университет на дизайнера, она объявила, что переезжает с подругой на съёмную квартиру. Мать не перечила, хоть и не понимала зачем. Нового мужа она так и не нашла. Жили они вдвоём. Дочь в ежовых рукавицах не держала. Да и не смогла бы, может, она тяготится своей неполной семьёй, хотя средств, вроде, хватало на все. Ксюша всегда была внимательна, всё время звонила матери, целовала её при встрече. Старалась что-то принести.

Вскоре Светлана случайно узнала, что дочь теперь никакая не Козлова, а Соболевская, нет, она не вышла замуж, а просто решила сменить фамилию, чтобы расстаться с ненавистным прошлым.

Светлана начинала злиться. Когда Оксана пропадала надолго, Светлана беспокоилась, даже злилась, но, когда та звонила, говорила своим звонким и сладким голосочком, мать начинала себя ругать...

Для себя женщина решила, что это психолог (к которому, как оказалось, давно ходит дочка) надоумил её поступить так. Ксюша случайно проболталась про «специалиста». Она показала матери «карту будущего» у себя на кухне. На ней была машина, квартира, дорогая шуба, поездка в Венецию, прыжок с парашютом, позиция топ-менеджера в компании, семья.

Причём семья была размещена где-то высоко и сбоку, как бы после всего. Психолог учил её избавляться от негатива в жизни: не общаться с теми людьми, которые вызывают отрицательные эмоции, не читать книг и не смотреть фильмов с негативным оттенком, не работать на работе, которая не нравится, и даже избегать негатива в разговоре и переписке.

* * *

Светлана вспоминала, что Ксюша хорошо занималась. Самым большим счастьем для неё были похвалы родных и учителей. «Какая наша Ксюшенька молодец! – вскрикивала истеричная классная Вера Васильевна. – Одна у нас умница, а вы все бестолочи недоразвитые!» В такие минуты сердце Оксаны переполняли гордость и самолюбование.

Однажды Ксюша пришла недовольная. Мать сразу определяла это по выражению ее лица. Она переоделась и села за накрытый стол.

– Ну как в школе? – участливо поинтересовалась Светлана, разливая фасоле-
левый суп.

– Хорошо, – последовал лаконичный ответ.

– Пятёрки?

– Да.

– А я думала, четвёрку поставили, расстроили мою розочку!

– Мама! Я же тебя просила не называть меня розой. Роза – это другое имя!

– Ну хорошо, котёночек! Будешь василёчком!

Девочка едва скрывала раздражение.

– А знаешь, мама, – с претензией начала она, – две наши девочки сегодня пришли в новых шубках. Прелесть! Помнишь, мы видели на рынке? Ты ещё сказала, что они для взрослых. Помнишь?

– Помню, – Светлане стало неловко.

– А они пришли. Кстати, очень хорошо смотрятся эти шубки. А эти двоечницы совсем не ценят. Бросают их прям в шкафчик.

Женщина помолчала, посмотрела в окно. Есть расхотелось.

– А может, и тебе купим такую же? Ты уже почти совсем взрослая!

Девочка подпрыгнула, как от удара током, бросила ложку, подбежала к матери, обняла, прижалась головой к груди.

– Мапочка! Как же я тебя люблю! Ты у меня самая хорошая. Ты для меня так стараешься! Спасибо, спасибо, спасибо! Я тоже для тебя буду приносить одни пятёрки! И по кухне тебе помогу.

Светлане было приятно, хотя она даже не представляла, где возьмёт денег. Видимо, придётся отнести в ремонт свои старые сапоги и проходить в них ещё зиму.

Оксана балаболела не переставая:

– Пришла сегодня ещё Наташа с золотыми серьгами и колечком. Она хвасталась прям перед всеми. Вот так пальчик выставила и ходила (Ксюша показала, как именно она ходила). А я ей говорю (как ты мне объяснила), что незачем в таком возрасте носить золото! Потеряешь, или снимут с тебя в подворотне. Девочке это ни к чему! А она не понимает. Дура...

* * *

Оксана в тот день была очень довольна: по её мнению, она строила жизнь так, как хотела. И всё получалось. А подарки были сюрпризами от жизни, которые ей преподносились за то добро, что она для других делала. Найти мужчину, который будет терпеть все закидоны и потакать всем желаниям, пусть и симпатичной, но несносной девушки, оказалось сложно. Современные романы пролетали мимо и заканчивались на дорогих букетах, дорогих духах, мобильных. Максимумом (в одном из романов) была слегка подержанная, как сама Ксюша Соболевская, Мазда-6, часть денег на которую скопила она сама.

Не желая даже думать о том, что причина кроется в ней самой, идеальной, она пришла к выводу, что причина – в мужчинах ее Родины. Дело оставалось за малым – открыть странички на англоязычных сайтах знакомств.

Предложений было много. Ксюша сама не ожидала такой популярности. Вначале это была просто переписка, потом она быстро смекнула, что нужно брать быка за рога. Знакомство она совмещала с отдыхом в стране проживания возлюбленного. Вскоре на холодильнике появились магниты из Турции, Австрии, Голландии, Франции, даже Болгарии и Румынии. В некоторых странах Соболевская побывала по несколько раз. Но вот свадьбой ни одна поездка не закончилась. Мужчины оплачивали гостиницу и нехитрые подарки, а потом оказывалось, что они не директора фирм, а просто продавцы в магазинах, что у них есть семьи, которые те совершенно не собираются оставлять.

Но Ксюша не расстраивалась, делая отметки на своём «плане жизни», постигая психологию мужчин, чтобы получать от них всё, что захочешь. В 30 лет в поисках любви и места для отдыха она напишет своему старому «воздыхателю» из Испании. Но Георгий (так она называла Хорхе на русский лад) в этот раз не ответил. Вместо этого ей пришло сообщение от некоего Юлиуса, который предлагал ей провести отпуск под Мадридом в какой-то деревушке. Ксения сначала возмутилась, написала, что ей будет скучно, что она в отпуск едет для развлечения, хорошего времяпровождения, шопинга, а не для прозябания в деревне. На это испанец ответил, что её адрес дали ему друзья, объяснив, что она проститутка, которая оказывает эскорт-услуги за номер в гостинице и нехитрые подарки. Он не собирается её развлекать, готов поселить у себя на месяц, чтобы она скрашивала его вынужденное пребывание в тихой деревушке, пока рабочие под его руководством будут ремонтировать дом одного богатого дона. Он готов ей великодушно перевести 1000 евро, но больше не предложит ничего, поскольку она уже не первой свежести, жить ей придётся в том же доме.

У Ксюши тогда случился нервный срыв, она удалила все аккаунты в соцсетях, разорвала свой план на 5 лет. Психологу понадобилось больше месяца, чтобы вернуть ей прежний бодрый настрой, оптимизм и деланое радушие.

Оксана II

В воскресенье Ксения была у Юлия Михайловича, своего психолога. Он поздравил её новым уровнем личностного роста: она научилась удалять из своей жизни негатив и наслаждаться самим процессом жизни. Он заявил, что освобождение от рамок собственного восприятия сделает её счастливой. Сама Оксана этого не чувствовала, но не поверить Юлию Михайловичу не могла.

В день теракта она занималась вопросами организации праздничного корпоратива, заодно решила посетить маникюрный салон.

Нужно было срочно сделать для себя какую-нибудь приятную вещь, наградить себя за добро, которое она приносит людям. Это обязательно должно было улучшить ее такое переменчивое в последнее время настроение.

Выйдя из салона, Соболевская поморщилась от яркого солнца, показавшегося из-за соседнего дома. Глянув в сторону, Ксения заметила толпящихся журналистов. Это её заинтересовало.

Соболевская прошла до угла дома, и сердце её взволнованно застучало: она увидела своего кумира, ту, которая стала примером для подражания, которая помогала ей больше, чем позитивный настрой и психолог, вместе взятые. Всего в нескольких метрах от неё стояла София Шляпник собственной персоной.

Ксения сама не заметила, как оказалась в первых рядах. И вот камеры снимали уже не только её кумира, но и её. Заметив яркую Соболевскую, к ней тут же подбежала корреспондент.

– Скажите, пожалуйста, что для вас значит выход нового романа Софии Шляпник?

Ксения была не в курсе, что это за роман, но охотно решила ответить. Как будто при делах.

– Для меня это праздник. Когда читаешь книги Софьи (именно так, пусть создастся впечатление, словно они близкие подруги), снова обретаешь себя. Не сомневаюсь, что это будет бомба!

Улыбается так широко, в камеру смотрит. А корреспондент одобрительно кивает головой, мол, понимаю, верно говоришь.

– А как вам идея перевести это произведение на все языки мира?

– О, это ещё одно подтверждение того, что произведения Софьи бесценны. Думаю, что роман станет первым в своём роде произведением. До этого на все языки переводили разве что...

– Библию?

Ксения засмеялась.

– Кажется, именно эту книгу.

– Спасибо вам! – улыбнулась довольная девушка.

Ксения деловито достала телефон, вышла за линию, где предписано было стоять толпе, и стала делать селфи на фоне выступающей писательницы.

– Я тоже обожаю Софочку! – сказал высокий парень в чёрном пальто со стоячим воротником. – Она так ставит на место этих маразматиков! Вроде образованные люди, ан-нет! – Он кивнул в сторону протестующих. – Надо всё изгадить!

Ксения посмотрела на него с удивлением, тут же оценила стоимость его одежды, рост, возраст, социальное положение, манеру говорить и широко улыбнулась.

– Полностью с вами согласна! Религия нужна для серых людей, которых нужно ограничивать, чтобы они друг друга не ели и не насиловали. Интеллигентные люди в этом давно не нуждаются. Ксения, – она протянула ему руку с ослепительно поблёскивающим маникюром, продолжая улыбаться.

– Георгий Слепцов – писатель, сатанист, гей.

Соболевская онемела на мгновение. Даже неприлично вышло. В её мозгу произошёл сбой программы. Симпатичный парень, а такое городит.

– Ну... это ничего, – попыталась она замять неловкую ситуацию.

Ей стало не по себе, по всем установкам нужно было немедленно отгородиться от этого неприятного типа, но она добавила:

– Я считаю, что нужно для саморазвития личности освободить её от всех рамок, которые навязаны обществом, религией, семьёй.

– Вот-вот. Это трансцендентное и имманентное всё, – выговорил он непонятные слова. – Я вот недавно присоединился к петиции в Нидерландах, где люди выступают за легализацию половых связей с детьми.

Ксению снова покорило, но напиравшая толпа не давала возможности отойти. Она с тоской посмотрела на скандировавших «Позор», «Позор», на кордон полицейских, понимая, что усилия по нормализации эмоционального фона будут затрачены впустую, и решила, что обязательно возьмёт автограф своего кумира.

– Прошу всех заходить! – послышался голос из колонок.

Но это уже была не Шляпник. Софья, закончив фотосессию, прошла в здание. Возле микрофона стояла другая, не менее разодетая и сноблывая,

женщина. Она-то и командовала «парадом» на этой маленькой площади. Только коня не хватало для полноты картины.

Оксана поспешила отделаться от мрачного и подозрительного типа и в первых рядах вошла в холл издательства. Репортёры уже были внутри.

Посередине стоял массивный стол со стопками книг в глянцевой белой суперобложке. К нему уже выстроилась очередь. Несколько официантов в белых перчатках разносили шампанское.

Ксения стала в очередь за автографом. Ей прямо не терпелось получить этот росчерк. Она поняла, что это может «сделать её день».

Странный Григорий Слепцов задержался возле писательницы дольше всех. Он наклонился вперёд, что-то быстро говоря, пошутил, а напоследок даже поцеловал её ручку (конечность, значит). Соболевская, заметив это, брезгливо отвернулась.

Наконец пришла и её очередь. Она с достоинством протянула книгу автору, улыбнувшись точно так же, как и Софья.

– Поздравляю вас с новым бестселлером, – с достоинством произнесла она. – Уверена, что он произведёт фурор.

Шляпник какое-то мгновение рассматривала читательницу, с благодарностью склонила голову.

– Надеюсь, чтение принесёт вам истинное удовольствие и освобождение. Спасибо за тёплые пожелания. Кому подписать?

– Ксении.

Перьевая ручка с чёрными чернилами заплясала на развороте. Она писала быстро, но получалось красиво, витиевато: «Моей самой свободной читательнице Ксении от Софии». Соболевская довольная отошла от стола, но тут к ней опять подошёл восторженный гей-сатанист. Он держал подписанную книгу, как святыню. Наверное, с ней в тот день и предстал пред Создателем. Влажные, как у закоренелого наркомана, глаза горели нездоровым огнём. Ксения подумала, что он уже, возможно, принял каких-то антипсихотиков.

– Знаете, на что это похоже? – возбуждённо и отчего-то очень громко говорил он. Это, как история с Назореем, когда он позволил легиону демонов из одержимого вселиться в стадо свиней. А здесь, – он погладил книгу по белому гладкому корешку, – не легион, а целая армия, которая выпускается в это стадо. – Ксения молчала, боязливо поглядывая на этого касатика. – А Софа – она легат! И свиньи, ну я образно тут, вы понимаете, не побегут к обрыву, а обретут счастье. – Он сам улыбнулся своей идее. – И не будет больше козлов и овец. Будут одни свиньи!

Оксана III

Соболевская сидела в шикарном кабинете. На больших окнах стояли специальные фильтры, не пропускающие вредоносные космические лучи. С ней уже поработали визажисты и гримёры. Всё было готово для интервью. Время практически не было властно над ней. Она совсем не изменилась с ТОГО дня, хотя прошло столько лет! Ей вдруг стало настолько хорошо, что она даже зажмурилась и улыбнулась.

– Го, Лиза, лэт старт! – пригласила её Соболевская. – Пейте воду. Там есть все микроэлементы. Милое дело для кожи.

– Спасибо большое, Оксана Степановна!

Соболевская словно услышала скрип металла по стеклу.

– Кол ми просто Ксения, окей?

– Окей, – смущённо ответила девушка. – Мы готовим материал об успешных женщинах и обязательно хотим развёрнутую статью о вас. Без этого никак.

Вы же знаете, сколько лойсов и ретвитов материал набирает, если в нём ваше имя просто упоминается.

Девушка достала из кармана маленькую камеру с моторчиками и подкинула её в воздух. Устройство зажужжало и зависло над столом. Время от времени оно то приближалось к собеседникам, то отдалялось, меняя ракурс, объектив поворачивался на того, кто говорил.

– Говорите, пожалуйста, свободно. Потом скомпоную. Тел ми плиз, вашу саксесс стори¹.

Соболевская самодовольно улыбнулась.

– Моя стори успеха? Хм. Она на стене. Лук. Это мои таргет-листы, списки целей. Я их начала составлять ещё в институте. – Она указала карандашом на картинку, помешавшиеся одна над другой, на разной бумаге, по-разному оформлены, некоторые совсем старые. – Всё это сначала появлялось тут, потом воплощалось в жизнь. Это похоже на волшебную книгу, где ты записываешь свой вишлист², а взамен получаешь ачивки³. Но на самом деле за каждой ачивкой стоит упорный грайн⁴. С этим нужно свыкнуться. Только грайн поможет баффнуть⁵ и ганком⁶, но потом шейм⁷! Можно добиться всего, если ты ресpekt ёселф⁸. Так учила Софья.

– Экселлент, сэнкс.⁹ А вы не могли бы рассказать, как вы оказались на той, злополучной презентации?

– Абер¹⁰ этот день стал судьбоносным фюр миш¹¹, для всех нас. Я пришла на этот ивент¹², поскольку София вела меня по этому пути, – издавела начала Соболевская, указывая на свои карты желаний. – Этот путь на самом деле путь освобождения. Ай он май вей нау!¹³ – Я следила за её жизнью, была её полным фолловером¹⁴. Я сразу решила, что пойду, когда услышала про ивент.

Соболевская медленно встала, поблёскивая бриллиантами, грациозно прошла через кабинет к огромному шкафу со стеклянными дверями.

– Вот, – продвигала она с трепетом, открывая дверцу, и с великой осторожностью, как святую, взяла в руки томик. На обложке, заляпанной бурыми пятнами засохшей крови, значилось «Освобождение. София Шляпник». – Это мой алтарь, моя реликвия, мой джюз¹⁵. София сделала эту сигну¹⁶ всего за несколько мгновений до смерти. Как сейчас помню, с какой любовью она это выводила, её улыбку. Ее улыбка в моём сердце, как сигна в этой книге.

– Потрясающе! – восхитилась неподдельно взволнованная журналистка. – Эти споты – это что, кровь? Это её кровь?

– Конечно! – горячо заговорила Ксения. – Именно зетс вай¹⁷ эта книга станет сакраментом¹⁸ для свободных людей цукунфта¹⁹, как некогда гвозди стали таковыми для христианства. Соня криэйтер оф нью релиджн²⁰!

¹ Англ. «tell me please» – скажите мне, пожалуйста; «success story» – история успеха.

² Англ. «wish list» – список желаний.

³ Ачивки – на компьютерном сленге «достижение».

⁴ Гринд – однообразная и нудная работа (комп. сленг).

⁵ Баффнуть – получить временные преимущества (комп. сленг).

⁶ Ганкнуть – добиться целей подлыми методами (комп. сленг).

⁷ Шейм (англ.) – стыд.

⁸ Англ. «to respect yourself» – уважать себя.

⁹ Англ. «excellent, thanks» – отлично, спасибо.

¹⁰ Нем. «aber» – но.

¹¹ Нем. «für mich» – для меня.

¹² Ивент – мероприятие.

¹³ Англ. «I'm on my way now» – я на своём пути.

¹⁴ Фолловер – последователь, подписчик в соцсетях.

¹⁵ Англ. «jewel» – драгоценность, драгоценный камень.

¹⁶ Сигна – картинка-подарок. Здесь имеется в виду подпись.

¹⁷ Зетс вай (нем.) – поэтому.

¹⁸ Англ. «sacrament» – священный символ, таинство.

¹⁹ Нем. «Der Zukunft» – будущее.

²⁰ Англ. «creator of the new religion» – создатель новой религии.

– Вы можете здесь остановиться поподробнее, – попросила корреспондент.
 – Герн¹! Продвижение по лестнице своих целей напрямую коннектится с освобождением. Я не могла устроить свою приват лайф², пока не освободилась от стереотипов.

– А как вам удалось избавиться от ограничений Бога?

– Это было изи³. По правде сказать, его и не было ин май лайф⁴.

– А тогда что было сложнее всего? – лицо девушки выражало неподдельный интерес.

– Родители. Но я справилась и с этим. Мне сегодня сказали, что не стало моей матери. Но вы видите, что это не мэйк ми хёрт⁵. Я научилась убирать негатив.

Девушка задумалась на мгновение, потеряв нить разговора. По-видимому, она была не столь «свободной», как интервьюируемая особа. Задумалась и Соболевская.

Она вспомнила, как проклинала себя за то, что припёрлась на эту грёбаную презентацию, когда молодой парень, спокойно войдя в холл, где толпились люди, достал из сумки короткоствольный автомат и открыл стрельбу. Конечно, главной его целью была Софья. Она, возможно, ожидала чего-то такого, потому что уж слишком быстро сориентировалась. Когда никто ещё не понимал, что происходит, она вскочила и попыталась перевернуть стол, потом бросилась за баннеры, на которых красовались её огромные фотографии, но было поздно. Первая же очередь попала точно в цель. Террорист с дикими глазами вскочил на тот же своенравный стол и заорал на весь зал: «Сдохни, отродье дьявольское! Вот тебе возмездие от рук воина света!»

Далее началась настоящая бойня.

Оксана дрожала, как осиновый лист, не выпуская из рук полученной книги, поскольку верила, что может произойти чудо, и шальная пуля, предназначенная ей, застрянет в этом толстом фолианте с добротной обложкой. На карачках она пыталась заползти за кожаный диван. Вокруг табуном носились люди. Кто-то больно лягнул её в бок, об неё запнулась какая-то раненая женщина, чья алая кровь из-под одежды капала на пол. Несколько капель попали на лицо, руки и книгу Соболевской. Ксения была в таком глубоком шоке, что не чувствовала боли. За диваном, как обнаружилось, уже не осталось места. Она поползла по головам. Кто-то завершал, когда она локтём опёрлась на чье-то лицо. Опасность прошла, стрелок переключился на людей, выбегающих на улицу. Наконец, очухались полицейские. Одна из их пуль попала террористу в ногу.

Через три минуты огонь стих. Но те, кто оставался в помещении, уже не могли совладать с нервами. С ужасом поглядывая на безжизненное тело стрелка, сквозь разбитые вдребезги окна выпрыгивали на улицу. В то же время, испытывая непреодолимую тягу к исполнению профессионального долга, из укрытий появились журналисты с фотокамерами. Один из них и запечатлел Ксению, которая в чужой крови, с томиком «Освобождения» на подгибающихся ногах выбиралась во двор. Её лицо выражало столько ужаса и отчаянья, что снимок стал лучшим фото года по версии журнала «Нэйшнл джиографик».

В первые дни после происшествия у неё тряслись руки и ноги, дрожал голос. При одном упоминании о нем Оксана начинала плакать. Она даже подумывала, что это, возможно, наказание за ее непутёвую жизнь. Но репортёры стали

¹ Нем. «gern» – охотно, с удовольствием.

² Приват лайф (англ.) – частная жизнь.

³ Англ. «easy» – легко.

⁴ Англ. «in my life» – в моей жизни.

⁵ Англ. «make me hurt» – приносит мне боль, ранит меня.

разыскивать фанатку Шляпник, которая даже в смертельно опасный час не расставалась с томиком любимой писательницы. Пошли предложения дать интервью, приглашения принять участие в съёмках популярных ток-шоу, и в голове Соболевской стала зарождаться мысль, что на самом деле ей нужно не жалеть себя и трястись от страха, а радоваться и скакать, поскольку настал её звёздный час.

– Я, может быть, сейчас вывалю маргарин¹, но в этом вопросе я нуб². Тем ми плиз, что вы думаете об утверждении, что эта фантастика началась, когда в свет вышла книга?

Соболевская засмеялась. Искренне, заливисто. В её хохоте даже звенели нотки злорадства.

– Это нонсенс. Может рэднеки³ так думают отсталые или сектанты какие-то. Но мы люди оф калчер энд сайенс⁴, как говорится. Мы не можем себе этого позволить. Думать о том, что полюса местами поменялись, появились эти НЛО в небе и корабли повсплывали, окрасив воду в бурый цвет из-за книги, пусть и такой, как «Освобождение», мра-ко-бесие.

– Мракобесие? И напоследок. Когда же исполнится мечта Софии, и книга будет переведена на все языки Земли?

– Мы над этим работаем. В течение стольких лет непрерывного труда мы приблизились к этому вплотную.

Камера по сигналу корреспондента зажужжала и подлетела совсем близко к лицу Соболевской. Она довольно улыбалась.

Эпилог

Часы показали полночь. Они только на одну минуту опережают Часы Судного дня в Чикаго⁵.

Но вот новый день уже точно начался. Значит, есть ещё микрошанс изменить что-то в лучшую сторону... Хотя бы в своей жизни.

Забавно, что никто ещё не знает, что эти часы обозначают наступление Судного дня и никак не связаны с ядерным оружием.

Мы привыкли равнодушно относиться ко всем трагедиям и катаклизмам, которые нам показывает телевидение. Они далеко, как и всё зло мира, а в моём мирке я почти что навёл порядок. Пусть где-то убивают и мучают людей, пусть гремят взрывы, пусть раскалываются церкви, попираются нравственные основы жизни. В моём мирке этого нет, я не сопричастен этим преступлениям, нет.

В тот день, когда Земля содрогнулась после теракта, Часы в Чикаго сами собой скакнули на минуту вперёд. Это тоже мало кто знает. А потом их решили не передвигать назад, поскольку какой-то политик резко выразился насчёт какого-то РСМД или иной подобной ерунды.

Учёные до сих пор ломают голову над тем, что же случилось, почему металл вёл себя так странно, ракеты повзлетали сами собой, появилось что-то необъяснимое в небе!..

Им невдомёк, что это лишь ЗНАКИ. Знаки того, что осталась всего одна минута, чтобы сотворить хоть какое-то добро.

¹ Вываливать маргарин – нужно рассказывать что-то.

² Нуб – новичок.

³ Рэднеки – презрительное прозвище провинциалов в США.

⁴ Англ. «of culture and science» – культура и наука.

⁵ Часы Судного дня – проект журнала Чикагского университета «Бюллетень ученых-атомщиков», начатый в 1947 году создателями первой американской атомной бомбы. Периодически на обложке журнала публикуется изображение с часовой и минутной стрелкой, показывающих без нескольких минут полночь. Время, оставшееся до полуночи, символизирует напряжённость международной обстановки и прогресс в развитии ядерного вооружения. Сама полночь символизирует момент ядерного катаклизма.

Фантомные тени чинар

Вика ОСАДЧЕНКО

Забываемый город, изменный ландшафт,
где смертельно прерывна любая черта.
Обходимы все те, кто не может дышать,
не желает терпеть, не умеет считать.

Карту города пряча в сыром рукаве,
проходи по столице, не глядя наверх.
Ты не смотришь домам и деревьям в глаза.
Ты не можешь ни слова в защиту сказать.

Остаются молчать за твоею спиной
(и назад не смотри, и руки не тяни)
незнакомая улица, край неродной,
пни чинар в отболевшей фантомной тени.

Лишь один балкон в том доме не заложен кирпичом.
Он открыт навстречу лету, звонким солнцем освещён,
привечает робких горлиц и отчаянных стрижей
на восьмом, на поднебесном, предпоследнем этаже.

Только с этого балкона вид на город до краёв.
Только здесь горячий ветер так смеётся и поёт.
В синем небе, белом свете кто-то вечность отворил.
Хорошо стоять поэту с сигаретой у перил.

Хорошо ловить губами торопливые слова.
Хорошо на жарком небе белым дымом рисовать.
И стоять, стоять у края, как назначено судьбой:
сверху солнце золотое, снизу город голубой.

Вика ОСАДЧЕНКО. Родилась в Ташкенте. Окончила факультет журналистики НУУз. Член СП Узбекистана. Автор сборников «Пейзажная лирика», «Егоркины сказки», «Воздух», «Наяву и никогда», «Другие звери», публиковалась в республиканской и зарубежной периодической печати, альманахах «Преддверие», «Сегодня», антологии «Анор/Гранат».

Маленькие деревья выходят в город.
Робко трогают ветками незнакомый воздух.
Исподлобья, не поднимая головы,
смотрят на взрослых.

Мы тоже будем такими же?

Будете, куда вы денетесь.
Время – главный ингредиент алхимии,
к тому же он самый действенный.

Многое с вами будет, маленькие деревья:
и безводные лета, и холодные зимы.
Время вас искалечит, прежде чем вы повзрослеете,
и больше, чем необходимо.

Всякий, кому захочется, криво и неумело
станет вас перекраивать по своему разумению.
Только в бетонных улицах, словно в семье неласковой,
вы всё равно останетесь неисправимо прекрасными.

Сгорбленные и сломанные, пыльные и уставшие –
только вы оправдаете город, о вас не помнящий.
Маленькие деревья, вы остались за старших.
Мы придём к вам за памятью. Мы придём к вам за помощью.

Из городской земли, отравленной на локоть,
расти на Божий свет,
невзрачное дитя, на улице широкой,
где даже тени нет.

Баюкай на ветру обрезанные ветки,
гляди во всю листву
на сетку проводов и каменные клетки.
Я тоже здесь живу.

Акация, птенец, сквозь грохот автотрассы
неразличима речь.
Мой город, что тебя не пожалел ни разу,
не станет нас беречь.

Он хочет проводов, асфальта и бетона,
мигающих реклам, мелькающих машин.
Он терпит до поры тебе и мне подобных.
Он просто не спешит.

* * *

Некрупный человек размера S
умеренный имеет рост и вес,
по улицам неторопливо ходит
и проявляет к ценам и погоде
умеренный, некрупный интерес.

Я обитаю у него внутри,
где больше ни души. Покинут город.
Я зажигаю ночью фонари,
бреду вдоль покосившихся заборов
и нахожу за ними пустыри.

Мой человек не то чтоб очень плох.
Но иногда становится так тошно,
что думаю: на той неделе точно
какой-нибудь забор пушу на плот

и сплавлюсь по мелеющей реке.
Сплыву без сожалений, налегке
куда-нибудь, хоть к чёрту на рожен.
Но кто же фонари тогда зажжёт?

* * *

С тех пор, как разобрали гаражи,
повсюду бродит брошенная мебель:
какие-то разрозненные стулья,
какие-то пустые сундуки...
Шкафы лежат на сломанной спине.
Прибилась к детям чья-то табуретка
и временно работает столом.
На пустыре два старых красных кресла
блуждают неприкаянно в пыли.
То забредут на детскую площадку,
то снова ждут у бывших гаражей,
где голые фундаменты и мусор,
где, господи, настолько никого,
что даже кресла кажутся живыми.

* * *

Солнце тает на небесной сковородке.
Шестьдесят горячих дней до сентября.
Мне бы тоже лечь на дно подводной лодкой,
но в стране моей повывелись моря.

Под сияющей и плавящейся бездной
дни идут, как голубые поезда.
Я в чиллю побуду лодкой – поднебесной.
Только небо не отнимут никогда.

* * *

Когда я бездарно ною,
что вовсе меня не любишь,
то ты, повернувшись стеною,
невозмутимо молчишь –

но солнцем дороги устланы,
весне улыбаются люди,
и начинают музыку
уличные скрипачи.

Как бережно держат ветки
тончайшую ткань цветенья,
а небо твоё навеки –
текучая бирюза.

Под ним достаточно ветра,
чтоб птицы насквозь летели.
Под ним достаточно марта,
чтоб слово успеть сказать.

Мой старый и нежный город
с горячим каменным сердцем,
весна твоя кружит голову,
а память твоя горька.

Ты тени цветущих веток
разбрасываешь, как сети,
и мне ли просить ответа,
когда я твоя строка?

* * *

Мой светлый храм многоэтажный,
асфальт и белая земля
и неба тянущая тяжесть –
как эти пыльные пейзажи
во мне отчаянно болят!

Всего-то улица под солнцем,
где ровно тридцать пять в тени,
домов подтаявшие соты –
и в сотый раз или двухсотый
здесь ничего не изменить.

Но сквозь расшатанные плиты,
бетон, неон, дорожный шум
течёт какой-то свет размытый.
Ещё не всё в тебе убито.
Ещё немного подышу.

Баходыр ДЖУРАЕВ

ЗАЙКА

Рассказ

Мурадову Базару посвящается...

В городе, где я родился, где прошли мои детские и юношеские годы, больше полувека существует площадь «Пяти тополей», почти не изменившаяся с тех времён, когда я ребёнком увидел её впервые. Тогда по ней с шумом проезжали трамваи, троллейбусы, изредка машины, а чаще лошади. Окружали её дома сталинского типа, магазины, гастрономы, кинотеатр, и завершалась вся архитектурная композиция высотной четырёхарочной постройкой, центральным входом в парк. На крыше постройки стояла целая скульптурная группа трудящихся: рабочих, колхозников, военных в лётной форме и представителей научной интеллигенции с циркулем и книжками в руках. Меня удивляло, почему эти окаменелые люди так высоко на крыше, а не на земле. Хотя потом, уже позже, внутри этого чудесного парка с огромным озером, островами и горбатыми мостами, в густой чаше деревьев, на фоне лодок и качелей стояли побеленные скульптуры пионеров с горном и барабаном и удивительно красивые, легко одетые девушки, толкающие диски, ядра и копья. Но самой привлекательной в парке была детская железная дорога. На её конечной станции за кирпичным забором находилась территория музыкального детского дома, куда я попал в возрасте восьми лет. И в первое время, находясь уже там, гудки тепловоза разрывали мою душу, звали меня к другой, вольной, привычной, домашней жизни, и мне хотелось перемахнуть через высокий детдомовский забор, забежать в первый же вагон трамвая и уехать от всей той жизни, в которую я попал. Я всё время думал, тосковал, всей душой тянулся, рвался домой, к маме, бабушке, сестрёнке, мечтал приехать и увидеть свою родную улицу, открыть нашу толстую дубовую дверь, услышать её до боли знакомый скрип. Втайне, со слезами думая об этом, я представлял, как вбегаю в наш маленький двор, спешу через террасу в большую комнату, вхожу, и бабушка, удивившись, увидев меня, переполняется немыслимой радостью. И я её крепко обнимаю, глубоко вдыхая приятный запах её шерстяной кофты.

Баходыр ДЖУРАЕВ. Родился в 1950 г. в Ташкенте. Окончил отделение режиссуры ГТХИ (ныне ГИИКУз) и аспирантуру при нем. Прошел стажировку на Московском ЦТ. Работал в ведущих театрах Ташкента и на ташкентском телевидении. Автор сборника рассказов «Тишина падающего снега».

В один из прохладных, ясных, солнечных сентябрьских дней мама, ничего не говоря, отвела меня в ухоженный, чистый, зеленый двор с памятником Ленина. Отовсюду слышалась музыка: кто-то играл на рояле, кто-то на скрипке, где-то дальше пел хор и мягко звучал баян. Мы вошли в комнату, где сидела приятной полноты женщина лет тридцати, с красивым лицом, с тёмными приглаженными волосами, собранными в клубок на затылке, в очках в роговой оправе и строгом тёмном костюме.

– Здравствуйте, – мягко поздоровалась она, снимая очки. – Вы к директору?

– Нам нужна Вера Михайловна, заведующая музыкальной школой, – чуть смущаясь, сказала мама.

– А... – улыбнулась она. – Вы, наверно, от Фаи Соломоновны?

– Да.

– А я и есть Вера Михайловна, я вас дождаюсь. Идёмте в музыкальный класс. Я соберу педагогов, они проверят вашего мальчика.

Мы вошли в ближайшее здание с длинным коридором, где было множество дверей, за которыми звучала музыка. Вера Михайловна привела нас в пустой тёплый уютный класс с широкими книжными полками с нотными книгами и несколькими портретами великих музыкантов. Комната мягко освещалась лучами солнца. В центре стоял рояль, зачехлённый в серую ткань, недалеко от него – письменный стол и несколько стульев.

– Проходите, не стесняйтесь. Я сейчас, – сказала заведующая и вышла.

– Мама, что сейчас будет? – со страхом спросил я.

– Ты, главное, не бойся и не волнуйся. Придут учителя музыки и проверят музыкальный слух, твоё пение, чувство ритма. Ты вспомни, как ты пел на праздничных утренниках в детском саду и в школе, как с тобой работала Фая Соломоновна. Это она хвалила и порекомендовала тебя заведующей и директору этой школы. Они ищут талантливых детей и учат их музыке. Представляешь, когда ты станешь большим, наденешь чёрный костюм с белой рубашкой и бабочкой, выйдешь как музыкант на сцену, тебя увидит твой отец и скажет: «Эх, зачем я бросил когда-то такого сына?» – мама отвернулась и посмотрела в сторону, мимо меня, жалким, мечтательным взглядом и неожиданно заплакала.

– Мама, – заволновался я, – сейчас кто-нибудь войдёт. Неудобно будет.

– Да-да, конечно, – она быстро смахнула платком слёзы. – Ты, сыночка, постарайся, покажи себя. У тебя есть талант. Фая Соломоновна зря говорить не будет.

– Мама, я не хочу сюда. Здесь же детский дом.

– Да это так называется. А на самом деле это хорошая школа, ты здесь будешь кушать каждый день горячие обеды, будет ужин и завтрак. А дома что ты ел? Одну-две тарелки супа за всю неделю и забивал голод чаем и хлебом! Нет, сыночка, надо постараться попасть в эту школу, и у меня появится возможность лучше кормить и одевать твою сестрёнку. У неё ни пальто, ни ботинок, ни портфеля нет, а ей на следующий год в школу идти.

Мне стало до боли жалко маму, обидно за нашу семью, к горлу подкатил жёсткий комок, и я покорно замолк. Тут появилась Вера Михайловна и три пожилых преподавателя. Они поздоровались с нами, один из них сел за рояль, отодвинул чехол и открыл крышку.

– Ну-ка, малыш, подойди-ка ближе, – сказал он.

Я посмотрел на длинный ряд белых и чёрных клавиш и заволновался.

– Не бойся, – тихо сказала мама, чуть похлопав меня по спине.

Я робко подошёл к роялю, учитель улыбнулся.

– Ну, как тебя зовут? – добрым голосом спросил он.

– Дунаев Боря, – осторожно ответил я.

– А меня зовут Григорием Николаевичем. Мы слышали: ты любишь музыку, хорошо поёшь и даже умеешь танцевать, и нам интересно, сможешь ли ты разгадать наши музыкальные загадки. Вот давай попробуем разгадать первую загадку. Ты сейчас от меня отвернёшься, я нажму на клавишу рояля – услышишь звук, ты его запомнишь и, повернувшись, нажимая на клавиши, самостоятельно отыщешь его. Понял?

– Мне тоже придётся играть на пианино?

Мои слова вызвали у всех улыбку.

– Перед нами, Боря, стоит рояль, а не пианино, – любезно стал объяснять Григорий Николаевич. – Это родственные инструменты. Пианино размером меньше, а рояль, видишь, какой большой! Но клавиатура у них одинаковая. Есть только разница в звучании. Итак, я даю звук, а ты должен найти его. Тебе всё понятно?

Я кивнул головой и отвернулся. Григорий Николаевич дал звук, я повернулся и быстро его нашёл. Эта музыкальная загадка повторялась несколько раз, и я её без особого труда разгадывал. Потом он хлопал ладошками, задавая различные ритмические рисунки, и с этим я справился. Затем на рояле он проиграл несколько мелодий, я их тоже с большой точностью пропел. После этого Григорий Николаевич посмотрел на мои пальцы и сказал рядом сидящему педагогу:

– Владимир Ефимович, он ваш.

Этот человек тяжело поднялся со стула, подошёл ко мне, тоже внимательно рассмотрел мои руки и пальцы и, обращаясь к Вере Михайловне, сказал:

– Да, это не виолончель, а класс скрипки. Пальцы небольшие, округлость очень хорошая.

– Ну всё тогда, – сказала Вера Михайловна, вставая со своего места, и подвинула исписанный лист бумаги к краю стола.

Преподаватели в нём расписались и ушли, а мы с этой бумагой отправились в канцелярию и в кабинет директора, где за большим письменным столом сидел лысоватый, небольшого роста человек с очень приветливыми и умными глазами, за его спиной висел огромный портрет Ленина. Он внимательно ознакомился с результатами прослушивания, рассмотрел подписи педагогов.

– Ну что ж, Дунаев Боря, хочешь стать музыкантом? – спросил он, хитро и шутиливо прищутив глаза. Я кивнул головой. – Только ты сразу усвой одно, – продолжал он, – чтобы стать хорошим музыкантом и радовать людей хорошей игрой на скрипке, надо много трудиться.

Он тоже расписался, и мы вышли из его кабинета. В приемной сидела женщина в белом халате лет тридцати, черноволосая, с короткой стрижкой, с белым полотенцем в руке, видимо, дожидаясь нас. Она тут же встала и подошла к нам.

– Вот, Ева Григорьевна, ваш новый воспитанник, а это его мама, – представила нас Вера Михайловна. – Послезавтра принимайте его в свою группу. А вам, – обратилась она к маме, – надо его привести ровно к десяти часам утра.

Она тепло попрощалась с нами и ушла, а мама ещё долго разговаривала во дворе с женщиной в белом халате. Я стоял в стороне и чувствовал себя скованно, стеснялся взглядов мимо проходящих детей. Они с любопытством разглядывали меня и тихо хихикали. А я удивлялся их одинаковой серой одежде и не понимал, почему у девочек и мальчиков на ногах одинаковые чёрные ботинки. Наконец мы вышли из детского дома на узкую улицу, на остановке сели в троллейбус и поехали домой. Прямо у ворот я радостно и громко объявил:

– Бабуля, меня приняли в школу! Я буду музыкантом!

Весь следующий день я беспокоюсь, как играть на скрипке, если там белых и чёрных клавиш нет. Куда нажимать пальцем, если никаких отметок, нарезок нет и гриф скрипки чистый. «Ничего не поделаешь, – вздыхая, думаю я, – это надо не только мне, но в первую очередь моим родным.

На следующий день я прибыл в детский дом. Нас встретила воспитательница Ева Григорьевна, и мы с ней вместе проводили маму до ворот. Когда я прощался с мамой, мне показалось, что я вижу её в последний раз. Видно, мой взгляд пронзил её сердце, и она заплакала.

– Ну что вы, мамаша, нельзя так, – успокаивала Ева Григорьевна. – Вы ещё сами будете довольны, что ваш мальчик учится в нашей школе.

Мама крепко обняла меня:

– Я буду часто приходить, ты только старайся учиться и слушайся старших. Хорошо?

Я, опустив голову, молчал. Она попрощалась с воспитательницей и быстрыми шагами скрылась за поворотом узкой улицы.

Ева Григорьевна повела меня в так называемую рабочую комнату, где дети выполняли по расписанию домашние задания по общеобразовательным предметам. Я шёл, взволнованно думая о полной неизвестности жизни, перед глазами никак не исчезало лицо расстроенной мамы...

– Стоит мне только выйти, – строго обратилась к ребятам Ева Григорьевна, – как вы сразу начинаете галдеть.

Я оглядел комнату и увидел среди ребят, сидевших за столом, Вовку, мальчика, с которым вместе учился в первом классе в городской школе. Он улыбнулся мне и кивнул головой. Я почувствовал себя увереннее и тоже кивнул ему. Ева Григорьевна представила меня классу, потом подозвала девочку Любу с косичками и синими бантами, которая стала помогать мне подписывать дневник и тетради. Я усердно выводил каждую букву, старался писать красиво, но рука не слушалась и дрожала. Ева Григорьевна посмотрела на первые строчки заполненного дневника.

– Ой, Боря, – нагнувшись ко мне, тихо произнесла она, – почерк у тебя неважный. Но ничего, – ещё тише добавила она, – завтра мы займёмся чистописанием. А сейчас, Люба, – обратилась она к девочке, помогавшей мне, – пожалуйста, заполни ему всё.

К часу дня мы строем пошли в столовую. Это большое помещение показалось мне неприветливым и неудобным. На стенах висели красные плакаты, утверждавшие: «Учиться, учиться и учиться», «Чтобы стать коммунистом, надо овладеть всеми теми знаниями, что выработало человечество».

Дежурные стали разносить полные тарелки с гороховым супом, потом картофельное пюре с маленькой котлеткой, стаканы с подслащённым чёрным чаем. Мне, проголодавшемуся, казалось, что я ел быстро, а получилось, что из столовой вышел последним.

Во дворе меня дождался Вовка. Мы с ним прошли по всей территории детского дома. Удивили порядок и огромное количество деревьев, на ветках которых висели маленькие фанерные таблички с фамилиями учеников, отвечающих за чистоту своих участков. Но больше всего впечатлил задний двор, куда категорически запрещалось выходить. Это овраг, представляющий собой огромную заброшенную яму со скопившейся на дне водой, сверху обнесённую забором. Небольшое озеро было таинственным и загадочным, зеркально чисто отражало небо, движение облаков. По крутому склону росли покрытые мхом деревья, ближе к воде волнами

шевелилась от ветра густая камышовая трава. Вовка бросил камушек – его «плюх» несколько раз эхом повторился внизу, вырвался в небо и растаял.

– Идём отсюда, – сказал он. – Если нас увидят здесь, будут ругать и могут наказать дежурствами.

Он привёл меня в класс, где все готовились к занятиям по общеобразовательным предметам.

– Ты пока устраивайся на задней парте, – сказал Вовка. – А учительница потом может пересадить тебя на другое место.

Я направился к самой последней парте, вдруг дорогу преградил рыжеволосый мальчишка плотного телосложения.

– Ну что, новенький, – с ухмылкой остановил он меня, – будешь со мной драться?

Я растерялся, не зная, что ответить. Класс на мгновение затих, все повернулись в нашу сторону.

– Что молчишь? – ещё напористее продолжал парень. – Испугался? Трусил?

– Крылов! – послышался голос девочки, помогавшей мне подписывать дневник и тетради. – Ты что, забыл, как недавно махал шваброй в столовой? Смотри, я скажу Еве Григорьевне, как ты снова начинаешь хулиганить.

– А ты что, Стрельцова, – он отошёл от меня и приблизился к ней, – в новенького влюбилась, что ли?

Класс рассмеялся. Люба подошла к нему ближе и, когда все стихли, твёрдо сказала:

– Представь себе, Крылов, влюбилась!

Все удивились и стали перешептываться, я не знал, куда девать глаза... Люба как ни в чём не бывало весело мне подмигнула, улыбнулась и прошла к своей парте.

* * *

Дни мелькали: уроки, репетиции, уборка территории, помещений и всякого рода дежурства. Кроме основного инструмента – скрипки, – я два раза в неделю брал уроки по общему фортепиано у приятной молодой женщины Раисы Иосифовны. Она приходила на урок в длинном пальто и тёмном платье ниже колен, набрасывала на плечи шерстяной платок, поправляла свою небрежную причёску, потом снимала зелёные туфельки и надевала тёплые домашние тапочки. Когда она садилась рядом, я ощущал аромат сирени. Её домашний тёплый вид, тихий мягкий голос создавали атмосферу душевного покоя и уюта. И разбирая сонатины Моцарта, небольшие пьесы Чайковского, Шуберта и других композиторов, я чувствовал, что Раиса Иосифовна – женщина из того времени, когда создавались эти замечательные произведения.

Но больше всего мне были по душе уроки игры на скрипке. От ноты «ля» я быстро научился самостоятельно настраивать скрипку и до прихода Владимира Ефимовича разогревал руку гаммами и упражнениями. Он тихо заходил в класс и делал рукой знак, чтобы я не останавливался и продолжал играть.

Любое программное произведение, будь то этюд или пьеса, он обязательно проигрывал на моей скрипке и тут же спрашивал: «Ну как?» Если нравилось мне, его включали в работу. И уже на третьем или четвёртом уроке он спрашивал, что я чувствую, что вижу, исполняя это произведение. И я ему рассказывал, а он внимательно слушал. Эти моменты урока мне были особенно интересны. «Любое музыкальное сочинение, – говорил он, – о чём-то говорит, чувствует, размышляет...» После урока я всё думал над тайнами и загадками этих произведений, о чём они могли говорить, что чувствовать, о чём размышлять.

Уроки музыки меня отвлекали от постоянно ноющей тоски по дому. Хотя я и привык к детдомовской жизни, всё же чувствовал себя на этой большой благоустроенной территории в неволе. По воскресным дням приходила мама и пыталась хоть на несколько часов отпросить меня домой. Но по разным причинам меня не отпускали: то разговаривал в столовой во время обеда, то санитарный день, то вовремя не убрал листья на своём участке.

По субботам в группе проводились собрания, на которых обсуждались успеваемость и поведение каждого ученика за прошедшую неделю. И, если неделя проходила без единой задоринки, воспитанник условно получал звёздочку, это давало ему право в субботу и воскресенье вечером смотреть телевизор, а если за ним в воскресный день приходили родственники или родители, то его могли и домой до вечера отпустить. На счастливчика все смотрели с завистью, спрашивали, чем его угощали дома.

Житейская жесткость и полная изоляция школы нередко вызывали возражения у родителей и даже некоторых воспитателей – безрезультатно. Автором этих порядков была старшая воспитательница Анна Семёновна, женщина лет сорока, ниже среднего роста, с горбатым носом, маленькими глазами, светлой короткой стрижкой и с постоянным выражением правильного, требовательного и самодостаточного человека на лице. Дети ее недолюбливали, а воспитатели боялись. Мне тоже она не нравилась, я даже побаивался ее.

На большом собрании, посвящённом окончанию первой учебной четверти, Анна Семёновна меня удивила. В присутствии всей школы за празднично накрытыми столами она смело и бойко выступила с трибуны, громко и выразительно говоря о заветах Ленина, о грядущем коммунизме. Я слушал её длинную речь и думал: неужели она смогла выполнить все заветы Ленина, овладеть всеми теми знаниями, что выработало человечество, и стать коммунистом? И как она с этим справилась? По окончании речи я, как и все, хлопал что было сил. Анна Семёновна важно сошла с трибуны, подошла к накрытому столу и села рядом с директором, высокомерно оглядывая весь зал.

После долгих аплодисментов торжественный вечер продолжился вкусным ужином. Вместо постоянной молочной каши нам дали по маленькой тарелке плову, вместо серого хлеба и двух кусков рафинада – кусочек пирога с яблоками и шоколадную конфету «Чайка» со стаканом чёрного чая.

Я с нетерпением ожидал осенних каникул, надеясь, что проведу их дома, увижу бабушку, сестрёнку, маму и расскажу им много интересного о детском доме. Но, как и многие дети, остался в школе. Чтобы как-то унять тоску, после ужина я незаметно уединялся, уходил на задний двор. Там рос старый высокий тополь, по его веткам я быстро взбирался на самую верхушку, где меня, как птицу, раскачивало ветром в разные стороны. Оттуда была видна вся территория детского дома, крыши хлебозавода и мясокомбината, часть парковой территории с чёртовым колесом, качелями и детской железной дорогой и, самое главное, хорошо просматривалась освещённая площадь. В основном ради неё я поднимался так высоко, чтобы видеть, как двигаются по ней трамваи и троллейбусы. И когда они двигались в сторону моего дома, цепко провожал их глазами, пока они не растворялись в вечерней темноте. А ветер раскачивал меня в разные стороны, пугая мимо пролетающих и громко каркающих ворон, и, глядя на них, я завидовал их вольной, свободной жизни, которую дают им крылья.

А в спальне, когда дежурная воспитательница уже гасила свет, лёжа в кровати и глядя в окно, я долго не засыпал, мечтая о воле. И, когда появлялась луна и

отчётливо светили звёзды, думал, что они так же освещают не только меня, но и мой дом, старался представить, что лежу у себя дома на своей кровати и вижу эту же луну и звёзды. С этой мыслью я закрывал глаза, полные слез, и засыпал.

В первые дни ноября начались заморозки. Листопад завершался, свой участок во дворе убирать становилось легче, каждодневная работа вошла в привычку и ладилась. Даже когда шли затяжные дожди, мне хотелось посмотреть на свои три дерева и четыре куста. К ним меня тянуло, как к близким друзьям. Они же безмолвно раскачивали под ветром ветками, о чём-то шептались, волновались, сочувствовали и помогали пережить тоску по дому.

Каждый восьмой день надо было дежурить в спальне. Восемь коек, столько же тумбочек, один большой зеркальный шкаф, два больших окна с широкими подоконниками и просторная большая комната.

День дежурства в спальне начинался с раннего утра, с подъёма. С хорошо промытой тряпкой в ведре с ледяной водой я нырял под кровати, рукой доставая до самых отдалённых углов. Закончив с полами, вытирал пыль даже там, куда не могла протиснуться рука взрослого человека. Небрежно заправленные кровати некоторых ребят приходилось заправлять заново, выравнивая складки, подушки, накладки, висевшие полотенца, положение тумбочек. Чистка зеркального шкафа и окон с подоконниками завершали уборку. Оставалось главное – оценка труда дежурной воспитательницей и медсестрой. В десять часов утра начинался обход сначала всей территории, потом спален корпуса, придирчиво проверялось качество уборки, записывались в тетрадь замечания и выставлялись оценки. За двойку и тройку приходилось повторять дежурство.

Чаше всего не везло тем, кто попадал в дежурство и обходы Анны Семёновны. В поисках грязи и пыли, она приходила на проверку с влажной марлей, проверяла указательным пальцем, тыча им куда только возможно. И если даже ничего не находила, то говорила: «И всё же здесь что-то не так...» – и ставила четвёрку.

В её дежурство чаще всего попадал кучерявый грек Колакис. Как-то он подошёл ко мне, вытащил из кармана два куска сахара и предложил поменяться днями дежурств. Ничего не подозревая, я и без сахара согласился и рассказал об этом Вовке.

– Ну и напрасно... – сказал он мне. – Его дежурство попадает под обход Анны Семёновны.

– А как это он вычислил? – спросил я.

– Идём покажу.

Вовка подвёл меня к окну канцелярии: из окна был виден на стене график дежурств воспитателей на текущий месяц. Отказываться было уже неудобно, я продежурил и на удивление всем, а в первую очередь Колакису, с четвёркой проскочил дежурство.

Жизнь в коллективе для меня была непростой, больше всего я общался с Вовкой, из девчонок – с Любой. Она помогала мне в учёбе, особенно по арифметике, тут я хромал на обе ноги, и казалось, что она действительно ко мне равнодушна. Это вызывало ответное чувство. На уроках я смотрел на её красивый, аккуратно причёсанный затылок, на профиль, на правильные черты лица, чуть вздёрнутый носик и ощущал себя счастливым. Она чувствовала мой взгляд, резко поворачивалась, какое-то мгновение мы смотрели друг на друга особым взглядом. Глаза её излучали радость, на губах появлялась чуть заметная улыбка, потом она отворачивалась.

В классе царил дружеская атмосфера, которую никто не нарушал, кроме Крылова. Его мать, симпатичная молодая женщина, работала в детском доме уборщицей, и это давало её сыну возможность вести себя вольготно и часто безнаказанно. Он не учился музыке, а как бы временно пребывал в нашей школе. Среди ребят ходили разговоры, что его мать выгнала отца за пьянство и вышла замуж за другого человека, и теперь внука забирает к себе бабушка в город Оренбург. Может, поэтому он своё несогласие изливал на физически слабых ребят и часто задевал девчонок.

Однажды на большой перемене он пристал к Вовке, оттолкнул его, я подбежал к нему, он и на меня замахнулся, хотел ударить, но я толкнул его так, что он смешно залетел под парту. Весь класс захохотал. Тут прозвенел звонок, все заняли свои места, конфликт был исчерпан. Но я понимал, что Крылов теперь меня не оставит в покое.

Через день вечером, перед отбоем, когда все укладывались, он вдруг подошёл к двери, швырнул в меня свой грязный ботинок и запачкал мои постель и майку. Я быстро встал с кровати, взял его ботинок и запустил в его сторону. Но в это мгновение открылась дверь, появилась Анна Семёновна, и грязная обувь Крылова угодила ей прямо в грудь. Она вскрикнула и застыла на месте. Стоявшая рядом с ней молодая воспитательница от ужаса широко раскрыла глаза. А Крылов быстро шмыгнул в постель.

– Ах негодяй, – очнувшись, гневно сверкая глазами, зашипела Анна Семёновна, – вот ты какой, оказывается...

– Анна Семёновна, он не виноват, – быстро заговорил Вовка. – Это Крылов в него запустил свой ботинок, а он ответил тем же...

– Молчать!!! – крикнула она так громко, что зазвенели окна. Все от страха замерли. Я думал, что это конец моему пребыванию в детском доме. – Я тебе покажу, – вновь зашипела она, – как себя надо вести и уважать старших! – Она подошла ко мне и правой рукой резко ухватила моё ухо так, что оно хрустнуло, потащила меня в одной майке и трусах в коридор и поставила в угол. – Будешь стоять всю ночь. Я сегодня дежурю и буду приходить проверять. Сдвинешься с места – вылетишь из школы как пробка.

– Анна Семёновна, может, ему одеться? – несмело произнесла молодая воспитательница.

– Нет! – вскрикнула Анна Семёновна. – Пусть только попробует на себя что-нибудь надеть! Завтра же вышвырну из детского дома.

Быстрыми шагами они удалились.

Со стороны входной двери и от цементного пола пробирало холодом. Корпус стих. Прошло некоторое время, и двери нашей спальни приоткрылись, оттуда выглянула голова Вовки.

– Ты чего стоишь? Заходи, – тихо сказал он.

– Ты же слышал, мне нельзя... – ответил я.

– Дурачок, она ушла и больше не вернётся.

– А если вернётся и меня тут не увидит, утром сразу отчислит.

– Она пошла в женский корпус дрыхнуть.

– А если она ночью проснётся и придёт сюда? – Вовка призадумался. – Нет, буду стоять до утра. Ты же знаешь, мне никак нельзя возвращаться домой. Потом... кто-нибудь из ребят может ей настучать...

– Ты оденься хотя бы. Не то простудишься, заболеешь, умрёшь.

– Вовка, – совсем тихо произнёс я, – незаметно от Крылова мои туфли брось. Ноги заколечены.

Минуты через три Вовка вышел как будто в туалет, пряча мои туфли под курткой, быстро передал их мне и скрылся за входными дверями. А когда вернулся, близко подойдя ко мне, сказал:

– Я завтра с ребятами договорюсь, мы Крылову устроим тёмную. Отомстим за тебя. Так что держись!

* * *

Я до боли растирал ноги, двигался по коридору, делал руками всякие упражнения, отгоняя этими движениями подкрадывающееся желание войти в спальню и лечь в свою кровать.

В сумерках этого холодного коридора я собирал все силы и готов был выдержать все самые тяжкие испытания, чтобы остаться в школе.

В голову лезло всякое: думал о доме, перед глазами появлялись его тёмные комнаты, ночной двор. На память вдруг пришла покойная мать Вовки и то время, когда он учился вместе со мной в городской школе. Вспомнилось, как она не смогла найти ему кисточку для урока рисования и, будучи тяжело больной и обречённой на смерть, сделала эту кисточку из своих волос. Потом беспокоили слова, сказанные Вовкой, что ребята будут бить в темноте, под одеялом, Крылова... Если Крылов не будет знать, кто его бил, он снова может указать на меня, и мать его всё сделает, чтобы меня исключили из школы. «Нет – решил я, – его трогать нельзя. Даже если он будет приставать и провоцировать драку».

Потом я стал непроизвольно засыпать, вздрагивал, просыпался, снова начал ходить и размахивать руками, с нетерпением ожидая рассвета. И когда чуть посветлело, я встрепенулся, отчётливо услышав шаги за дверью. Через секунду она открылась и появился дядя Ваня, наш мастер музыкальных инструментов. Он протянул руку к выключателю и увидел меня, глаза его удивленно округлились:

– Ты что здесь стоишь? – спросил он жестко тихим голосом.

Я ему сквозь слёзы всё рассказал.

– Немедленно иди спать, – по-военному приказал он.

– Не пойду. Она меня выгонит из школы, – ответил я, вытирая безудержно катившиеся по щекам слёзы.

– Иди, иди, – сказал он мягко. – Она с вечера ушла домой. А если что, скажешь, что дядя Ваня велел.

Я не двигался. Он подошёл ко мне, поднял на руки, отнёс в кровать и укрыл одеялом. Я проводил его взглядом до дверей спальни и, как только она закрылась, сразу провалился в сон.

* * *

Прошло чуть меньше часа, вновь послышался голос дяди Вани. Он вошёл в спальню, включил свет и объявил подъём. Затем подошёл ко мне и с сочувствием сказал:

– Ну что, согрелся? Хотя немного поспал? – Я благодарно махнул головой. – Вот, ребята, – обратился он ко всем, – Дунаев всю ночь в майке и трусах простоял в коридоре, геройски отбывая своё наказание. Но это не значит, что нужно шалить. Правильно я говорю, Дунаев? – Я кивнул головой. – Вот и хорошо. А с Анной Семёновной я поговорю. Не переживай, – сказал дядя Ваня и вышел из спальни.

От последних, при всех сказанных, слов стало легко и хорошо. Я понял, что со мною ничего не случится. И все ребята, кроме Крылова, ко мне подошли со словами поддержки: кто-то сказал «ну ты даёшь», кто просто «молодец»,

а Вовка назвал героем. И с того дня авторитет Крылова рухнул, и никаких последствий этот случай для меня не имел.

Дальше всё шло своим чередом. Только вдруг со мной начало что-то непонятное происходить. У меня появилось заикание. Оно усиливалось, и в борьбе с ним я ничего не мог поделать. Однажды Ева Григорьевна меня повела к медсестре. Мы вошли в кабинет к Дине Георгиевне, а там уже сидел дядя Ваня. Дина Георгиевна прослушала меня фонендоскопом, попросила покашлять, потом приставила ухо к спине и груди, затем посмотрела горло, измерила температуру.

– Всё в норме, – сказала она встревоженно.

Меня отпустили. Я вышел во двор, следом вышли и они, но сразу не разошлись, о чём-то долго и тревожно говорили. Очевидно, речь шла обо мне и о той ночи, которую я провёл в коридоре корпуса.

На следующий день меня вызвали с занятий, и я с Диной Георгиевной пошёл в городскую поликлинику. За три с лишним месяца мне впервые выпала возможность выйти за пределы территории детского дома. Глаза мои с жадностью ловили движение трамваев, троллейбусов, машин, я с интересом смотрел на прохожих, на витрины магазинов и универсама – всё это напоминало совершенно другую жизнь, и мне становилось легко и хорошо.

– Мне что, будут делать укол? – со страхом спросил я у Дины Георгиевны в поликлинике. Мой вопрос услышала врач, полная женщина в белоснежном халате и высокой белой шапке на голове.

– А ты что, мальчик, боишься уколов? – хитро прищутив глаза и улыбаясь, спросила она мягким голосом.

– Боюсь, – осторожно ответил я.

– Не может этого быть, не верю, – сказала она игриво. – Ты всю ночь простоял в коридоре и ничего не боялся, а тут – уколов боишься!

– Так там только холодно и темно было, – доверчиво, не заикаясь, начал говорить я с ней.

– Ты у нас герой, ничего не боишься, и уколов мы тебе делать не собираемся. Ты нам только почитай вот это стихотворение.

Она протянула книгу стихов Пушкина. Я читал одно и то же стихотворение несколько раз то быстро, то медленно, то совсем медленно, то громко, то тихо. Я снова стал запинаться, останавливаясь почти после каждого слова. Врач прервала меня. Потом я вышел в коридор, минуты через две-три вышла Дина Георгиевна. Она посмотрела на меня и печально улыбнулась.

* * *

К концу учебной четверти мне уже было сложно отвечать на устных уроках. В классе надо мной посмеивались, кто-то говорил, что притворяюсь, а Вовка с Любой сочувствовали. Я горько переживал свою беду, начал замыкаться. Учительница Дженетта Вартановна, видно, знала, что со мной произошло. С ней как-то разговаривали Дина Георгиевна и дядя Ваня. Она относилась ко мне с сочувствием и пониманием. Реже стала вызывать к доске, а если и спрашивала, то помогала проговорить труднопроизносимые слова, и чаще получалось так, что на свой вопрос отвечала сама же. Вторая четверть завершилась успешно. По музыке все полугодовые экзамены сдал отлично и получил заветную звёздочку. Под Новый год после школьного концерта Ева Григорьевна отпустила меня домой.

Я вышел с мамой за школьные ворота, крепко держа её за руку и не веря своему счастью. Раза два оглянулся назад, чтобы убедиться, что нет никого, кто мог бы

окликнуть, остановить, вернуть меня назад, в детский дом. С облегчением вздохнул я только в троллейбусе: «Теперь уж меня никто не догонит и не вернёт!»

За окном троллейбуса в вечерней предновогодней темноте на фоне ярко горящих уличных огней, магазинных витрин с дедами Морозами и Снегурочками кружились сказочные снежинки. Они падали безмятежно и медленно. Я прислонился к маме и смотрел в окно, держа её за руку, чувствуя её всем сердцем, и был бесконечно счастлив от этого.

Скоро мы доехали до нашей остановки. Вот и наш узкий переулочек, заваленный снегом. Я не выдержал и побежал вперёд, открыл нашу дверь, вбежал в родной дворик, потом на террасу, быстро сбросил с себя обувь, одежду, увидел бабушку, бросился к ней, обнял и почувствовал до боли знакомый запах её кофты. Сзади подбежала сестрёнка и с криком «Ура-а-а! Брат вернулся!» обхватила меня и бабушку своими маленькими ручонками.

* * *

Московские куранты давно уже пробили двенадцать, и Новый год шагнул в мою жизнь пушистым снегом и домашним теплом. Все спали, а я всё не мог заснуть. После длительной разлуки с родными не верилось, что я дома и лежу в своей кровати, а за окном сердцу близкие деревья, крыша соседского дома и небо – совсем другое, не такое, как в детском доме.

С первых же минут моё заикание было замечено и мамой, и бабушкой, они с удивлением и тревогой переглянулись. Заметив это, я тут же умолк.

– Очень интересно. И что дальше? – сказала мама, как бы не придавая значения моей неожиданной паузе.

Я больше ничего говорить не мог, крепко обнял её и отчаянно заплакал.

– Ну что ты, – успокаивала она, – не надо, перестань. Это не стоит слёз. Такое у детей бывает, а с возрастом проходит.

– Со временем залечится, – подтвердила бабушка, хотя глаза её были явно расстроены. Она налила в чашку компот и поднесла его мне. Я с удовольствием выпил и успокоился. – Ты же у себя дома, можешь спокойно говорить как тебе удобно, – сказала она. – Мы тебя всегда до конца слушаем.

После этих слов, я не стеснялся уже заикания и разговаривал как мог. Ближе к наступлению Нового года мы дружно стали накрывать на стол. По радио звучали эстрадные песни, шли поздравления... Бабушка испекла пирожки с картошкой и пирог с яблоками. Я очень обрадовался пирогу и рассказал, что и в детском доме на праздник тоже давали по маленькому кусочку пирога с яблоками.

– И когда я его съел, мне очень захотелось ещё, – рассказывал я.

– А мы с мамой твоё желание разгадали, – сказала бабушка и, отделив от разрезанного пирога большой кусок, положила на мою тарелку.

Я ел пирог, слаще и вкуснее детдомовского, и запивал его чёрным чаем, слушая по радио очень красивую песню, слова которой запали мне в душу: «Подставляйте ладони, я насыплю вам солнца, / Поделюсь тёплым ветром, белой пеной морской...»

Бабушка, слушая эту песню, ворчала:

– Надо же, зимой, под Новый год, поют песню о море, о солнце...

– Эта песня не только о солнце и море, – возразила ей мама. – Эта песня о человеческом тепле, добре, о счастье, которым надо делиться с людьми.

После маминих слов я призадумался. «Если по радио поётся такая песня, – размышлял я, – значит, есть такие люди, которые готовы поделиться своим счастьем.

* * *

Снег шёл не прекращаясь. Каждое утро я брал деревянную лопату и чистил от снега узкий переулок и наш двор. Соседи хвалили меня. Через день мыл полы, вытирал пыль, чистил в снегу наши старенькие коврики и приводил в порядок обувь – всё делал с особым усердием, показывая произошедшие во мне перемены, и очень радовал и удивлял маму и бабушку. И если они пытались помочь и присоединялись к работе, я строго произносил: «Я сам!» Они, улыбаясь, отходили.

Мама, как и раньше, работала санитаркой в городской больнице и, чтобы заработать чуть больше денег, оставалась на дополнительные дежурства. Результатом этих дежурств были продукты, заранее купленные к каникулярным дням.

Однажды после дежурства она принесла килограмм айвы. Зима, снег – а тут вдруг айва!

– Ох, дорого, наверно, заплатила, – качая головой, переживала бабушка.

– Дорого не дорого, а главное, хватило, – быстро проговорила мама, снимая пальто и платок с головы. – Будем варить варенье, – радостно сообщила она.

Мы с сестрёнкой стали так громко радоваться, что бабушка нас еле успокоила:

– Если будете шуметь, варенье получится невкусным, – строго сказала она.

– Как же варенье может получиться невкусным, если оно сладкое? – возразил я.

– А вот под ваше баловство я могу ошибиться и недоложить сахару. Вот оно и получится невкусным.

Мы замолкли.

Я бодро встал, набросил на себя куртку, вышел в плотно потемневший двор, взял снегу, обтёр им лицо и посмотрел на бледно-розовое небо... «Как хорошо, – с радостью подумал я, вдыхая полной грудью свежесть зимнего вечера, – что до детского дома есть ещё время».

* * *

В последние дни каникул мама тоже повела меня в больницу к какому-то очень хорошему врачу. Он не заставлял меня читать стихи и долго разговаривать, а спросил, не испугало ли меня что-нибудь очень сильно в детском доме, не перенёс ли я там унижение или какое-нибудь наказание. Конечно, мне хотелось рассказать про Анну Семёновну, про ночной холодный коридор, но я понимал, что моя правда вызовет только скандал, и положение моё в детдоме ухудшится.

После каникул в первый же день по прибытии в детский дом мама встретилась с моей воспитательницей Евой Григорьевной и очень долго разговаривала с медсестрой. Дина Георгиевна сказала ей, что моё состояние, по определению осматривавших меня врачей, связано с новыми условиями жизни, что со мной два раза в неделю теперь будет работать логопед, и всё само собой образуется и со временем пройдёт.

Мама ушла домой успокоенная, а я со следующего дня начал посещать занятия логопеда. Приходила из поликлиники молодая девушка в очках, вежливо и терпеливо работала со мной: снова стихи и чтение прозы. От этих встреч мне было нехорошо. На занятия приходил дядя Ваня. Мы с ним крепко сдружились, он переживал за меня всей душой, его расстраивали результаты работы с логопедом. Я продолжал терять нормальную речь.

И вот в один из мартовских дней он взял меня за руку и вывел в город. Мы поехали на трамвае в сторону Госпитального рынка, вышли на остановке возле православной церкви и вошли в её просторный двор. Нас встретила женщина в платке бирюзового цвета с очень милым, добрым и красивым лицом.

– Вот, Борька, знакомься, – сказал дядя Ваня, – это моя жена, Клавдия Ивановна. Она тебя отведёт к народному целителю, отцу Елизару. Он тебя обязательно вылечит.

Я посмотрел на Клавдию Ивановну, на её чуть улыбающиеся, выразительные, удивительные светло-зелёные глаза и непроизвольно спросил:

– А Елизар – это ваш папа?

Они весело рассмеялись и объяснили мне, что это церковное имя этого человека, а Клавдия Ивановна помогает ему по хозяйству в церкви. Меня за руку повели в большое здание с золотистым куполом. Пройдя по длинному коридору, мы шагнули в большую комнату с множеством полок с книгами и домашними растениями. За письменным столом сидел длинноволосый крупный человек с бородой. Он увидел нас и мягким бархатным голосом пригласил войти. Мы вошли и присели на указанные стулья. Он подсел ко мне и посмотрел на меня своим глубоким спокойным взглядом:

– Я всё про тебя знаю, – сказал он своим проникающим в душу голосом, – и обязательно тебя вылечу.

Настал апрель, радующий ласковым солнечным теплом, нежной вечерней прохладой и, главное, пробуждением после зимней спячки насекомых, деревьев и растений. Жизнь детского дома оживилась. Дети сажали возле стен корпусов хмель, ровно натягивали до крыш шпагаты, и на глазах хмель набирал высоту и своей листвой закрывал белые стены. Я быстро выполнял работу на своём участке, незаметно предупреждал Еву Григорьевну и в назначенное время исчезал, шёл к трамвайной остановке, где меня уже поджидал дядя Ваня. Мои встречи с отцом Елизаром происходили два раза в неделю. А с врачом-логопедом из поликлиники я больше не встречался. Дина Георгиевна её больше не приглашала. Речь моя заметно улучшилась, я и сам удивлялся этому. Отец Елизар ничего особенного со мной не делал. Я приходил, садился на стул, он подходил ко мне, присаживался рядом, затем Клавдия Ивановна приносила в очень красивой большой чаше воду, он отстёгивал с груди свой крест и несколько раз обмакивал его в чашу с водой, крестил воду и что-то тихо приговаривал. Потом крест снова водворял на грудь, клал свою большую мягкую тёплую ладонь на мою голову и начинал шептать то, что изгоняло из меня болезнь. Я напрягал слух, чтобы хоть что-то уловить. После пяти-семи минут он обдавал меня святой водой, я выпивал из маленькой красивой чашечки глоток этой воды и уходил. И мне становилось легко, свободно и просторно на душе.

Всё шло своим чередом, как вдруг где-то к концу апреля во время занятий пионервожатая Поля Бабичева заглянула в класс, вызвала меня и повела в канцелярию, усадила на стул, а сама вошла в кабинет Михаила Соломоновича. Из директорского кабинета слышался требовательный голос Анны Семёновны. Меня это очень взволновало. По отдельным словам я сразу догадался, что речь идёт о моём лечении в церкви. Минуты через три приоткрылась директорская дверь. Поля пригласила меня войти в кабинет. Я вошёл: за директорским столом сидел с озадаченным видом Михаил Соломонович, здесь же сидели Анна Семёновна и учительница по алгебре Тамара Георгиевна, а напротив них – Ева Григорьевна, Дина Георгиевна и испуганная Поля.

– Вы обе, – Анна Семеновна резко повела правой рукой, указывая и на Дину Георгиевну, – совершаете преступление по отношению к этому маленькому человеку, – указала она на меня и замолчала.

Михаил Соломонович вытер платком вспотевший лоб, посмотрел на меня и устало улыбнулся:

– Ну что, Дунаев, как дела?

Я чётко, не заикаясь, сам удивляясь этому, ответил:

– Идут нормально, хорошо.

– Дунаев, ты же нормально говоришь. А все говорят, что ты заикаешься! – обрадовался Михаил Соломонович.

– Бывает, – коротко ответил я.

– Дунаев, ты нам вот что скажи, – прищуриль глаза, включилась в разговор Анна Семёновна, – почему ты с Иваном Фёдоровичем ходишь в церковь?!

– В церковь? – переспросил я.

– Да, в церковь, – резко ответила она, продолжая сверлить меня глазами. – Я видела, как вы входили туда.

Помолчав немного и делая вид, будто что-то вспоминаю или думаю, чуть заикаясь, я тихо произнёс:

– Не знаю. Мы выходим на остановке, там стоит церковь, потом идём в больницу.

Михаил Соломонович пригнулся, сочувственно посмотрел на меня и сказал:

– Ты, Дунаев, не нервничай, говори спокойно, мы тебя обязательно выслушаем. Ты нам скажи, как выглядит этот врач, как он одет.

– В белый халат, – я посмотрел на медсестру, – как Дина Георгиевна.

– Анна Семёновна, – осторожно обратилась к ней Ева Григорьевна, – у Ивана Фёдоровича, как участника войны, имеющего ранения, есть доступ в военный госпиталь. А церковь-то находится рядом с госпиталем, на одной остановке.

– Действительно, – тут же подхватил Михаил Соломонович, – там и госпиталь, и церковь, и базар, множество людей, вы могли и обознаться.

Анна Семёновна упорно делала вид, что во всё это не верит.

– Дунаев, – вдруг резко начала она, – ты октябрёнок?

– Да, – ответил я.

– А октябрюта – это примерные ребята. Они врать не могут и говорят только правду. Я уверена, что ты, как октябрёнок, в конце концов скажешь нам правду. Ведь ты ходишь с Иваном Фёдоровичем в церковь?..

Я пожал плечами и молчал, хотя после этих слов внутри у меня что-то дрогнуло.

– Я уверена, – продолжала она, – что ты скоро будешь пионером, потом комсомольцем, а когда вырастешь, станешь примерным гражданином нашей страны, можешь и коммунистом стать, как я.

– Я не смогу быть коммунистом, – спокойно, не заикаясь, ответил я.

После моих слов лицо у Анны Семёновны вытянулось и приняло выражение крайнего удивления, полного непонимания и ужаса. Все пугливо переглянулись.

– Ты не хочешь стать коммунистом? – строго спросила она, будто я совершил тяжкое преступление.

А я спокойно, чуть заикаясь, ответил:

– Я не смогу овладеть всеми теми знаниями, которое выработало человечество.

– Вот видите! – вдруг радостно воскликнула Анна Семёновна. – Не зря я эти плакаты повесила в столовой. Наш воспитанник, восьмилетний ребёнок, разговаривает с нами словами Ленина. Правильно ты говоришь, Дунаев, правильно. Но, если ты будешь прилежно учиться, из тебя может что-то получиться.

После этих слов все облегчённо вздохнули.

– Анна Семёновна, дорогая, – заговорила Дина Георгиевна, – вы сами поговорите с Иваном Фёдоровичем, и ваши опасения прояснятся.

— Нет, я с ним не буду разговаривать, — категорично заявила она. — Он человек тяжёлый. Одним словом, товарищ директор, я вас предупредила. Если Иван Фёдорович не прекратит визиты в церковь, я вынуждена буду обратиться с письмом куда надо...

— Это ваше право, — тихо произнёс Михаил Соломонович, — будем считать разговор оконченным. А ты, Дунаев, останься.

Из кабинета все вышли, я продолжал стоять. Михаил Соломонович дождался, когда закрылась дверь, потом медленно вышел из-за большого письменного стола, подошёл ко мне, погладил меня по голове и присел рядом на корточки.

— Ты мне скажи, Боря, ты действительно с дядей Ваней ходишь лечиться в церковь? — Я посмотрел на его утомлённый вид и опустил голову. — Ну-ну, не расстраивайся, — он тяжело привстал и сел на ближайший стул. — Иди отдыхай, — сказал он и устало улыбнулся.

Я вышел из кабинета с чувством большой тревоги за дядю Ваню и Михаила Соломоновича. Я понимал, что для Анны Семёновны моё лечение у обращённого к Богу человека, служителя церкви, удобная причина не только показать себя высокому начальству, но и как следует насолить дяде Ване, а возможно, и Михаила Соломоновича сместить с должности. Такие разговоры ходили в коллективе. Да и сама она своим высокомерным видом и самоуверенностью подчеркивала это. О разговоре в кабинете директора дядя Ваня узнал на следующий день, но никак не отреагировал. Мы как ходили к отцу Елизару, так и продолжали ходить.

Вскоре подошли майские праздники. Девятого мая были приглашены на школьный концерт участники Великой Отечественной войны. Я выступал со школьным хором, пел со всеми вместе песни военных лет и видел, как дядя Ваня в военной форме простого солдата сидит в почётном первом ряду, и вся грудь по пояс усыпана боевыми орденами и медалями. Рядом с ним сидел Михаил Соломонович и несколько приглашённых участников войны с боевыми орденами и медалями, среди которых были и женщины. С ними живо общалась Анна Семёновна. Я впервые увидел её в нарядном вишнёвого цвета платье. Мне подумалось тогда, что она, наверное, может быть и другой — доброй, простой и человеческой.

Однако к середине мая нас всех вызвало к себе высокое начальство. В назначенное время мы вошли в приёмную, всех, кроме меня, тут же провели в кабинет. Из-за двойной двери глухо доносились голоса, но слов не было слышно. Скоро вызвали и меня. Я решительно вошёл в кабинет с желанием защищать дядю Ваню и Михаила Соломоновича. Но, увидев напротив, за большим письменным столом, пожилого, красивого, с седой головой улыбающегося доброй улыбкой человека, смотрящего на меня с большой нежностью и интересом, остановился в удивлённом ожидании.

— Ну, герой, как тебя зовут?

Чуть заикаясь, я рассеянно ответил:

— Дунаев Боря.

— Расскажи нам, Боря, как тебя лечит в церкви отец Елизар? — глаза его прищурились, но продолжали улыбаться. Я подробно рассказал. — И это всё? — удивился он. — Я кивнул головой. — А целовать крест, читать молитву или за ним какие-то слова повторять не заставляет?

— Ничего я не повторял и никого не целовал, — сразу ответил я.

Он засмеялся, все присутствующие заулыбались.

— Значит, тебе такое лечение помогает? — Я несколько раз кивнул головой. — А как ты чувствуешь себя после этого? — с нежностью посмотрел он.

– Я почти перестал заикаться и чувствую себя хорошо, – отвечал я смело, не спотыкаясь, с удовольствием ошущая со стороны этого человека полную доброжелательность.

– Ещё осталось три-четыре сеанса, и это у него совсем пройдёт, – добавил дядя Ваня.

– Хорошо. Удивительная вещь эта народная медицина и, кстати, очень мало изучена профессиональной медициной. Вот на фронте у нас был медбрат. Так он, чтобы сэкономить медицинские препараты, незажившие раны, пулевые царапины излечивал только травами. Или другой пример: в прошлом году мой пятилетний внук заболел свинкой, жена привела пожилую женщину, нашу соседку по переулку, мы живём с ней рядом. Эта женщина положила внука головой на порог нашей входной двери, сняла чулок с правой ноги и, чуть дотрагиваясь этой ногой до вспухшей шеи внука, как бы изгоняя эту болезнь, несколько раз произнесла какие-то слова. Потом повернула внука в другую сторону и снова всё повторила. И, как в сказке, – он сделал паузу, посмотрел на Анну Семёновну, которая предельно внимательно слушала его, – к вечеру свинки как не бывало, общее состояние нормализовалось, шея пришла в прежний нормальный вид.

– Но, товарищ Мурадов, – осторожно, как бы извиняясь, начала говорить Анна Семеновна, – это не значит, что детей надо водить в церковь.

– А вы мне покажите закон, который запрещал бы людям ходить в церковь, мечеть или синагогу! – После этих его слов в воздухе повисло напряжённое молчание. – Иван Фёдорович, – обратился он к дяде Ване, – вы как водили мальчика к отцу Елизару, так и продолжайте водить до полного излечения. А, если кто обратится в вышестоящие инстанции с жалобой, вы смело в устной или письменной форме можете говорить или писать, что на это вам разрешение дал лично первый секретарь райкома партии товарищ Мурадов.

На этом собрание закончилось. Все были довольны, только Анна Семёновна, поникшая, мрачная, как туча, отделилась от всех, и не поехала на школьном автобусе. После этого разговора неделю ее не было видно в детском доме. Все подумали, что она уволилась, но оказалось, что она на бюллетене.

* * *

После всех этих событий прошло несколько лет. Я так и не доучился до конца и не стал музыкантом. После окончания восьмого класса был вынужден уйти из детского дома по причине болезни матери. Нужно было заменить её, кормить семью. Я устроился на завод имени Чкалова разнорабочим и продолжил учёбу в вечерней школе.

В выходные дни часто приходил в детский дом, встречался с учителями и воспитателями, с ребятами из своего класса. Учителя по музыке, особенно завуч Вера Михайловна, сожалели, что мне пришлось оставить музыку. Руки мои огрубели, на них появились мозоли.

– С такими руками за рояль не сядешь и скрипку не возьмёшь, – с грустью произносил мой педагог по скрипке Владимир Ефимович.

А дяди Вани уже в школе не было. Он вышел на пенсию, и мы приходили к нему домой с Любой. Мы втроём дружно чинили его лодку с двигателем и жили мечтой, что летом поплывём в те места, где косяками ходит рыба. Но, когда лодка была готова и мы должны были спустить её на воду, дядя Ваня вдруг занемог, долгое время болел и вскоре умер. Мы с Любой организовали его похороны.

Скоро я завершил учёбу в школе и был направлен руководством завода, как лучший сборщик летательных аппаратов, в Киевский институт гражданской авиации. Дома меня заменила сестрёнка. Она вечером училась в мединституте, а днём работала, как когда-то мама, в больнице. А у Любы оставался ещё год учёбы в музыкальном училище. Мы любили друг друга, и я надеялся, что летом она, сдав выпускные экзамены, приедет ко мне, и мы поженимся. Но, к моему горькому сожалению, этого не случилось. Она прислала письмо, где писала, что с самого детства любила и продолжает любить только меня, но произошла глупость: она забеременела и теперь с этим человеком, отцом будущего ребёнка, уезжает в Сибирь на стройку электростанции. Я тут же написал, что ничего плохого не произошло, что я как любил её, так и буду любить, и её ребёнок будет и моим ребёнком. Но никакого ответа не последовало. Через месяц моё письмо вернулось обратно.

* * *

Прошли годы, десятилетия, целая жизнь, и, когда я слышу звуки скрипки, невольно вспоминаю время, прошедшее в детском доме, людей, с которыми я сроднился и по сей день не могу с ними расстаться. Они остались и живут в моей памяти такими, какими были тогда, в те далёкие пятидесятые годы. Приезжая в родной город, я обязательно посещаю родные места. Давно уж нет нашего семейного жилища, моей улицы с узкими проездами и тупиками, ничего не осталось от детского дома. Только площадь Пяти тополеи, хоть и пережила большие перемены, но все ещё упорно продолжает жить. Радует глаза и душу парк. В нем почти всё сохранялось: озеро и горбатые мосты, лодочная станция, качели, карусели, тир и комнаты смеха. Огорчает только детская железная дорога... Может, для современных детей сегодня она никакого интереса не представляет, а для нас, детей пятидесятых годов, проехать на этом поезде было событием жизненно важным. Мы тщательно готовились к этому: чистили парадную одежду, гладили галстуки, под звуки горна и барабана строем подходили к железнодорожной станции, организованно садились в вагоны...

Жители города в знойное лето приходили в парк насладиться прохладой, заполняли вечерами рестораны, кафе, летний кинотеатр и площадку музыкально-драматического театра, участвовали во всяких играх и аттракционах. А осенью, в период листопада, там было сказочно красиво, приходили художники со своими мольбертами, красками и часами рисовали. Именно в это время года я, ученик последнего класса вечерней школы, и Люба, студентка музыкального училища, стали встречаться по выходным дням возле центральных ворот парка. Сначала мы шли в детский дом, навешали учителей, воспитателей, ребят из нашего класса, потом через задние ворота школы выходили в парк на главную дубовую аллею, которая незаметно приводила нас на безлюдный берег, откуда как на ладони было видно почти всё озеро, окружённое высокими деревьями, безмятежно колышущими золоченой листвой. Мы садились на скамейку и долго смотрели, как от нас и от озера уходит день, садится солнце, отражённые на водной глади облака плывут, скользят по озеру и постепенно гаснут. И в один из таких осенних дней мы с ней признались друг другу в любви...

Сегодня по долгу службы я часто летаю в Иркутск, каждый раз любуюсь бескрайними таёжными лесами Сибири, голубыми лентами рек и думаю, что где-то там живёт моя Люба. И, хотя прошло много времени и многое изменилось, я чувствую всем сердцем, всей душой, если бы я её встретил, взял, как когда-то, за руку, эта минута была бы святой, самой счастливой минутой всей моей жизни.

Маски

Малика ДАНИЯР

Лучший мир

Закрой глаза. Ты видишь тишину?
В век беспокойный трудно увидеть
Вокруг покой. Но всё же я рискну
Тебе о лучшем мире рассказать.

В том мире нет войны и бед,
Забьются в нем люди друг о друге,
Любовь у них – от всех невзгод ответ,
Ценны в том мире добрые заслуги.

В нем даже враг тебе помочь готов,
Хотя вражде не место в этом мире.
В порыве чувств не сносят там голов,
И души там раскрыты шире.

И люди благодарны всем за всё!
За то, что светит солнце, и за выюгу,
Что рядом есть надежное плечо,
И может кто-то протянуть другому руку.

Что можно без оглядки доверять,
Осознавать: тебя в беде не бросят!
Что можно с счастьем за руку гулять,
И им делиться, если вдруг попросят.

Закрой глаза. Послушай темноту...
Ты слышишь свет, что был сокрыт за ней?
Тебе о лучшем мире расскажу...
Где бед и слез нет в жизни у людей.

Малика ДАНИЯР (Маликахон ОБИДОВА). Родилась в 2000 г. в Ташкенте. Студентка факультета журналистики Белорусского государственного университета. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

Убьем любовь

Давай убьем эту любовь!
Возьмём и разорвем на части,
Чтоб не страдала впредь я вновь
И обошли тебя напасти.

Давай убьем ее за раз!
Не дрогнув, резко, безвозвратно.
Чтоб не смешать любовь и грязь,
Закончим всё, но аккуратно.

Давай стрелять в любовь в упор,
Чтобы в неё, никак не мимо!
Сорвём бессмысленный весь флёр,
Хоть будет больно нестерпимо.

Ну что? Согласен? Ты готов?
Решившись, медлить будет поздно
Эмоции без берегов,
Но мы настроены серьёзно.

Тяну что сил есть тетиву:
Стрела всё судит справедливо –
Её назад не отзову.
Любовь убита.
А мы живы.

Чужой

Без сердца, кожи и души
Бредет Чужой среди глуши.
Он не красив и не богат,
Избавиться от мыслей рад.

Он непонятен для людей,
И не похож он на зверей.
Чужим же сделал его ум,
В плену у сотен тысяч дум.

Чужой не плох и не хорош –
Его ты просто не поймешь!
Ты можешь крикнуть «Он больной!»,
Но нет. Всего лишь он другой.

Безлик он и лишен души,
Чужой шагает по глуши...
Вот только не один такой:
В любом из нас живет Чужой...

Два льва

Когда ты смотришь на меня,
Во мне сражаются два льва:
Один смущенно взгляд отводит,
Другой глядит всё на тебя.

И в этой битве всякий раз
Мой первый лев кричит: «Я пас!» –
И я, поддавшись искушенью,
Тону во мраке твоих глаз.

А ночью я, горя огнем,
Робею перед первым львом:
Я оказалась снова слабой,
Растаяв в омуте твоём.

Маски

Маски, маски, маски, маски!
Жизнь – театр, карнавал.
Не хватает людям ласки,
Всюду крик, обман, скандал...

Маски, маски, маски, маски!
Нет уж честности сердец,
Все плетут друг другу сказки,
Мастер врать – для всех мудрец.

Маски, маски, маски, маски!
А за маской – пустота,
И стеклянные глаза,
Нет ни жизни в них, ни ласки.

Маски, маски, маски, маски!
Все вранье, и даже смех
Потерял всю яркость, краски.
Быть собой – огромный грех.

Маски, маски, маски, маски!
Вымирает все святое...
Черты все пустились в пляску,
Веры нет. Царит плохое.

Маски, маски, маски, маски!
Жизнь – театр, карнавал:
На глазах у всех повязки,
Масок конкурс стартовал!

* * *

О музыка души, звучи!
Твоих прекраснее нет звуков!
Ты теплая, словно лучи,
Зовешь к сердечным перестукам.

Ты согреваешь разум, тело
И таешь в пальцах, словно дрожь,
Давно уж сердце так не пело,
Его ты счастье не тревожь.

Мелодия сердец, играй!
И с кровью разливайся!
Пусть не покинет душу май,
Цветком из рая распускайся!

Так позови людей за чудом!
Прекрасных благ не обещай,
Ты для любви служи сосудом,
Сердца людей не покидай!

* * *

Ответь мне на вопрос, прошу:
За что бывает Жизнь жестока?
Тебя душою всей спрошу,
Почему счастье так далеко?

Все ищут счастья и любви,
Но есть ли путь к ним без обмана?
Необходима ль жертва, кровь,
Иль это лишь глава романа?

Ответь мне на вопрос, прошу:
Зачем же люди так жестоки?
Душою не кривя спрошу:
Иль это Жизни лишь уроки?..

Вздыхают люди, слыша правду,
Зачем ее тогда искать?
Все видят в правде лишь преграду,
Боятся в жизнь ее впустить...

Зачем же люди лгут в глаза,
Взамен лишь правды ожидая?..
От истины в глазах слеза
Искрится. Болью отзываясь...

* * *

Любовь отнюдь не маска падших,
И не людей, кто слаб, порок.
Любовь живет и в душах наших,
Она не Жизни злой урок!

Любовь – не ложь, она – спасенье
От Жизни лжи, и словно мед.
Любовь не только вожденье –
Любовь растопит сердца лед.

Любовь совсем не маскарад,
Так мыслят только лицемеры.
Любовь – осенний листопад,
Любовь – рождение святой веры!

«Любовь – мечтателей удел!» –
Возможно, скажут реалисты,
Но у мечты есть свой предел,
А у любви пути лучисты.

Так вот я вам скажу друзья:
Любовь – не ложь и не игра,
Любовь – твои друзья, семья,
И счастье с привкусом добра!

* * *

Как много тех, кто смотрит и не видит,
На чьи сердца упала пелена.
Кто просто так вокруг всё ненавидит,
И оттого душа его бедна.

Как много в мире тех, кто отвергает
Ту истину, что вложена в завет,
Кто правду ложью заменяет,
Приняв закат за пламенный рассвет.

И много тех, кто видит, но бессилен,
Кто понимает мир и суть его,
Но так страшится на пути извилин,
Что прочь бежит, не сделав ничего.

И мало тех, кто видит всё и слышит,
И вместе с тем готов идти вперед,
Кто знает жизнь и то, зачем он дышит,
Кто путь свой с верой до конца пройдет.

«ОДНОКЛАСНИКИ»

Рассказ

Игорь ЭРНСТ

У неработающего пенсионера много свободного времени – Павел Николаевич пристрастился к интернету. Он с удовольствием читал новостные ленты, заменившие газеты, посещал так называемые сомнительные сайты, посмеивался над глупыми анекдотами и по примеру молодых сотрудников на старой работе даже поинтересовался порно, что ему совсем не понравилось по причине примитивности и откровенного скотства. Вскоре он открыл для себя социальные сети, но и там ему быстро наскучило, поэтому он удалил свою страницу отовсюду, кроме «Одноклассников».

«Одноклассники» устраивали цветовой гаммой, простотой оформления и ненавязчивостью, да и само название вызывало какие-то сентиментально-ностальгические чувства. Что ни говори, а школьные годы незабываемы, и через пятьдесят лет они как бы возвращаются заново – со всей свежестью и новизной переживаний. А сейчас – так определенно вернулись: уроки выполнены, экзамены сданы и впереди бесконечные утомительные каникулы.

Павел Николаевич разыскал нескольких знакомых и «подружился» с ними; тут вдруг один «мальчик», с которым он учился в восьмом классе, предложил дружбу. Павел Николаевич ответил согласием; мысли его приняли новое направление, а название «Одноклассники» наполнилось истинным смыслом.

Родители его в свое время часто переезжали. Павел Николаевич сменил несколько школ – одноклассников было много, но вот друзей... Были ребята в старших классах, с которыми он общался и вместе прогуливал уроки, но назвать их друзьями сложно – эгоистичные, завистливые, искренние только в недоброжелательности. Девочки? Павел Николаевич по очереди влюблялся в одноклассниц и так же по очереди разочаровывался. В десятом классе он обратил внимание на Наташу Лопехину, стройную темноволосую девушку с жгучим взглядом, державшуюся незаметно и особняком, острую на язык и начитанную (она читала, например, Бальзака и Вольтера, до понимания которых Павел Николаевич, как он сам осознавал, ещё не дорос). Иногда она поглядывала на него, однако ему и в голову не приходило начать ухаживания: Наташа взрослее – ей не будет с ним интересно. В иерархии класса

Игорь ЭРНСТ. Родился в 1946 году в Шахрисабзе. Инженер-электромеханик. Поэт, прозаик. Неоднократно публиковался в журналах и альманахах Узбекистана.

она занимала высокое место, может быть, даже первое, однако утверждать это трудно, так как школа была открыта в только что заселённом микрорайоне, где народ собрался разный; новая общность еще не сложилась, поэтому каждый считал себя чем-то исключительным. И дети, проучившись вместе с восьмого по десятый классы, не сдружились, а, окончив школу, разбежались навсегда.

Тем не менее каким-то образом в течение полугода Павел Николаевич сохранял отношения с двумя девочками-одноклассницами, в том числе и с Наташей; с ней он даже ходил в кино. К зиме связи оборвались, и Наташу он больше не встречал. Но что-то особенное было в этой девушке: в душе Павла Николаевича осталось неосознанное чувство большой утраты. Потом он слышал, что она вышла замуж за человека намного старше ее.

Он запросил на «Одноклассниках» фамилии парней, которых помнил, — никого не нашёл. А вот Наташа Лопахина обнаружилась.

Павел Николаевич даже растерялся от удивления. Он ожидал увидеть царственную особу, но аватарка представила обыкновенную кроткую старушку: гладко зачесанные назад волосы, круглые глаза. Осень, сад, одета Наташа в лёгкую шерстяную кофточку, а в руках тарелка с едой.

В рубрике «Друзья» у нее несколько фотографий — все женщины, хоть и разного возраста, но немолодые. Из мужчин только симпатичный мальчик, внук, похоже...

Но точно ли это та самая Наташа?

Павел Николаевич обратился к возможной однокласснице не очень вежливо, опасаясь нарваться на грубость в случае ошибки:

«Школа № 26, на втором квартале Северного?»

Через сорок минут пришло сообщение:

«Да, она самая, и я тебя очень хорошо помню».

Павел Николаевич отметил, что в ответе после знаков препинания не было пробелов, а в конце фразы не поставлена точка.

Потребовались сутки, чтобы в голове у него наступил какой-то порядок, но и второй запрос оказался неуклюжим:

«Наташа, расскажи о себе. Я помню, как мы с тобой ходили в летний кинотеатр на Пионерской смотреть чёрно-белый американский фильм о чикагском пожаре. Подружimsя?»

У Павла Николаевича разыгрывалась фантазия. Он составлял тексты все новых и новых сообщений, в которых, не торопясь, назначал свидание на Центральном бульваре, на скамеечке возле декоративных японских ворот, выстраивал будущий диалог, размышлял, где там нынче продаются цветы, ясно видел, как, не робея, прогарцует на вороном коне перед скромной бабулей...

Но ответа не получил ни через день, ни через три — вообще не получил.

Павел Николаевич расстроился. Ведь о Наташе Лопахиной у него остались самые хорошие воспоминания, овеянные очарованием несбывшегося: проходя мимо и коснувшись краем своих одежд (как он читал в одной книге), она подарила ему... ..что ж она ему подарила? Да, собственно, ничего, кроме двух-трёх мимолетных свиданий, сознания непостижимости молодости и вообще всей жизни.

Да и что за свидания это были? Каким образом они пошли в кинотеатр, Павел Николаевич не помнил, от самого фильма остались в памяти кадры

падающей на героев горящей стены; не помнил он и того, проводил ли Наташу домой – она жила в нескольких остановках от кинотеатра.

Той же осенью они втроем – он, Наташа и одноклассница Надя – оказались возле своей школы (подробностей он не помнил). Тихий вечер. Он сорвал несколько цветков какого-то выющегося по ограде растения и протянул Наташе.

– Жёлтые цветы дарят к разлуке, – с досадой отметила Надя.

– Знаю, – со смехом ответил Павел Николаевич, будучи твёрдо уверен, что Наталья Лопахина для него так и останется недоступной.

Проводил ли он Наташу, Павел Николаевич сказать не мог, но целоваться точно не лез.

Было ещё несколько случайных коротких встреч. И всё.

И всё!

А ведь она ему даже иногда снилась...

Как сложилась жизнь у Наташи Лопахиной? Павел Николаевич несколько раз открывал её страницу, просматривал скудную информацию, воображал разные картины, но на этом все и кончалось.

Почему же она не приняла предложение дружбы? Сообщения Павла Николаевича не очень, конечно, изысканны, но ничего оскорбительного в них нет; причина, по всей вероятности, кроется в прошлом...

«Чем я её задел? – спрашивал он себя. – Что в моём поведении было не так? Что я такого сделал, что обо мне остались неприятные воспоминания?»

Ему казалось, что в самом порядке слов «И я тебя очень хорошо помню» отражались неприязнь и забытая обида.

Павел Николаевич недоумевал, ведь он был простодушным и по-собачьи дружелюбным... Неужели она этого не замечала?

И всё же почему у неё такая замкнутая и одинокая старость?

«Жизнь чужая, да и наша, как человеческая душа, – потёмки», – с грустью подумал Павел Николаевич.

Простая мысль, что Наталье Лопахиной совершенно безразличны скудные воспоминания, что она равнодушна к неловким юношам из далёкой юности, хоть и приходила ему в голову, почему-то не стала для него убедительной и всё объясняющей.

ГРЕХ

Рассказ

Зульфия КУРАЛБОЙ-КИЗИ

Даврон караулил гумно.

Время косить пшеницу... С утра до ночи два комбайна один за другим возвращаются, пыhtят с заполненными бункерами. Машины не успевают перевозить зерно, хотя стараются изо всех сил. Уставшие, вспотевшие комбайнеры не ждут грузовых машин, ссыпают пшеницу на землю и уезжают.

Задача Даврона – караулить пшеницу, оставленную на земле. Бригадир предупредил: «Ни шагу с гумна, пока не закончится сезон!»

Сначала ему не нравилась эта работа. Днём-то ладно, как-нибудь потерпит, но как можно спать в таком безлюдном месте? Все в кругу семьи... а он один-одинешенек ночами считает звёзды!..

Когда явился бригадир, он даже нагрубил ему немного. Сказал, что ему не подходит такая работа. Как может такой здоровый мужик весь день только караулить? Всячески пытался, но не смог он убедить бригадира. Бригадир отговорился тем, что это, мол, большое доверие.

Даврон же всё не хотел смириться, даже уходил иногда, махнув рукой, когда бригадир его слушать не желал. Но...

В тот день он разговаривал с шофёрами грузовых машин в тени ивы. В трёх шагах был бетонированный арык. Вода в нём грязная, но в жару и такая в удовольствие. Даврон каждый день купался в этом арыке и в тени ивы беседовал с шофёрами грузовых машин.

В тот день погода была безветренная, жарче обычного. Даврон вспотел, хотя уже два раза искупался с товарищами.

– Может, окунемся ещё разочек? – предложил он мужикам. – Жара страшная!..

Шофёры не согласились:

– После рейса искупаемся.

– Я не буду вас ждать!

Машины отправились в путь. Даврон немного позавидовал шоферам: «Всё же они не такие бездельники, как я».

Он разделся, хотел повесить одежду, но внезапно увидел женщину, идущую вдоль арыка. Он торопливо оделся.

Зульфия КУРАЛБОЙ-КИЗИ. Родилась в 1966 г. Окончила факультет узбекской филологии Джизакского педагогического института. Работает редактором в «Узбекино». Автор нескольких сборников рассказов, двух романов.

Когда девушка в белом платке, прикрывающем лицо, подошла, он увидел, что она молода и красива. Брови с изгибом, как крыло ласточки... Горящие глаза, незаметно подкрашенные сурьмой...

Даврон порадовался, что не успел прыгнуть в воду: вот бы опозорился!..

– Сосед... – обратилась к нему женщина нежным голосом. – У нас закончилась чистая вода. Дайте в долг полведра, пожалуйста...

– Воды?! Вот в чайле в баке, берите!

Женщина улыбнулась.

Даврон отвёл взгляд. Через 2-3 минуты женщина, набрав воды, вышла из чайлы.

– Вот, взяла полведра, – сказала она, приблизившись к стоявшему, как памятник, Даврону.

– Могли бы больше взять. Это же мало. Давайте мне, я сам наберу вам. – Даврон протянул руку к ведру.

Женщина отступила назад.

– В баке уже мало воды. Вы без воды останетесь.

Искренность женщины придала смелости Даврону.

– Вы здешняя?..

– Да, мой муж посадил арбузы, вот там за холмом наша земля и чайла.

– Вы тоже, значит, сторож?

– И сторож, и кетменём работаю... – сказала она, глядя в землю. – С мая пропалываем траву на грядках, никак, проклятая, не кончается...

– Первый год дехканствуете?

– Да, муж был учителем, никак дела не шли. Решил в этом году попробовать себя в дехканстве.

– Арбузы поспели, наверное?.. – поинтересовался Даврон.

– Нет ещё, – женщина взяла ведро в другую руку. – Дынь посадили одну грядку – они созрели. Муж на базар повёз дыни. Кстати, вы, наверное, знаете моего мужа, Абдурасул зовут...

– Наверное, знаю, – сказал Даврон сделав вид, что задумался. – Абдурасул... Абду... А из какого вы кишалака?

– Из Равота.

– Не знаю Абдурасула из Равота, но теперь буду знать.

– Спасибо за воду.

Женщина собралась уходить.

– Погодите, подождите немного! – Даврон вбежал в чайлу и вынес бак с оставшейся водой. – К нам приедет сейчас водовоз. Хватит на неделю, если полностью все ёмкости.

Несмотря на сопротивление женщины, Даврон перелил воду в её ведро.

Вода брызнула на одежду женщины, она отпрянула назад. Вода пролилась на землю.

– Жаль... столько воды... – посетовала женщина.

– У вас большой недостаток воды?

– Да это я, проклятая, много расходую воды.

– Для стирки и мытья могли бы использовать воду из арыка.

– Грязная она, портит кожу лица... ладно, я пойду, разговорилась.

Женщина с трудом подняла ведро с земли.

– Давайте я отнесу. Идти далеко...

Даврон встал напротив женщины.

– Нет, сама... не тяжело...

– Ну давайте же... – он забрал у неё ведро, не дождавшись согласия.

– Сама бы отнесла. Интересно как-то получилось...

Женщина шла рядом не поднимая головы.

– Как вас зовут?..

– Бахорой.

– Весной родились, что ли? – улыбнулся Даврон.

– Нет, в зимние морозы. Отец меня так назвал. Ну... в этой жизни всё так противоречиво. Отец очень ждал мальчика. Но родилась девочка. Мать хотела назвать меня Ёркиной, но он назвал Бахорой. А я... Вот так вот!.. А вас как зовут?

– Даврон.

– А жену?

– Холдон. Но я называю Холидой. Она сердится, требует, чтоб я называл ее своим именем. Но я всё равно называю Холидой. Вот так вот!..

– Почему?!

– Не знаю...

Оба замолчали.

«Сейчас спросит, сколько у нас детей, – подумал Даврон с тревогой на сердце. – Вот шевелятся губы... Вот-вот... сейчас!..»

Но ошибся.

Бахорой сменила тему разговора.

– Арбуз сорта лалми вкусный, но такого тщательного ухода требует! Вы раньше сажали арбузы, дыни?

– Нет, только пшеницу...

Бахорой искоса посмотрела на Даврона. Почему-то в самый разгар разговор прервался.

Обойдя холм, Даврон увидел на краю поля чайлу.

Женщина, остановившись, обратилась к Даврону:

– Всё, дальше я сама...

Даврон послушно поставил ведро на землю.

– Спасибо за воду. Вернём долг обязательно.

– Можете взамен дать арбуз.

– Хорошо. Как поспеет – обязательно.

– Сам приду арбуз покушать, можно?..

– Как пожелаете...

Попрошались с улыбкой.

Шли дни.

Даврон стал почему-то задумчивым, перестал, как раньше, общаться с водителями, едва улыбался их пошлым шуткам, мыслями витая в облаках, вернее, мысли его бродили в чайле за холмом неподалеку от гумна. Он едва сдерживал себя, чтобы не побежать в ту сторону.

«У меня есть жена. У неё – муж... и дети, наверное, есть. Есть ли дети?.. Не похожа она на рожавшую», – думал он ночами, бродя вокруг гумна.

Ночь света и безлюдна. Сияют звёзды. Слышно лишь ночное стрекотание кузнечиков. В такой таинственный вечер душа трепещет, ищет приключений. К сожалению...

Женщина за холмом ничего не знает, спит... и она не одна! Рядом, наверное, здоровый муж...

Даврон почувствовал жжение в груди. «Да, так трудновато жить», – подумал он.

Однажды...

В полдень.

Однажды, собирая рассыпанное зерно, Даврон увидел женщину на холме. Он не мог понять, куда она смотрит, – сюда или в другую сторону?

Но женщина стояла там!

Сердце Даврона ёкнуло.

Солнце пекло нещадно.

Кроме Даврона, никого не было.

Вдали слышался шум комбайнов.

Даврон бросил лопату, стряхнул пыль с одежды, расчесал пальцами волосы и поспешил в сторону холма.

Приблизившись, он увидел, что женщина смотрела не на него, а на дорогу. Разочарованный, он сник, но ему и в голову не приходило вернуться назад.

– Не уставайте, соседка!

Женщина, прикрывая рукой, как зонтиком, глаза, вглядываясь в дорогу, посмотрела на него, и на лице ее появилась улыбка.

– Идёмте, сосед.

– Увидел, что вы махнули рукой, стоя на холме, решил, что меня зовете, и прибежал, – пошутил парень.

– Никак нет! Не махала рукой! – мило возразила женщина.

Даврон почувствовал доброжелательность и продолжил:

– Внезапно увидел. Смотрю, кто-то машет рукой...

– Э, всё это неправда, вы меня смущаете. Я высматривала, не едет ли муж...

– Он куда-то уехал?

– Да арбузы спели. На базар повёз.

– Вы же обещали угостить меня, как поспеют арбузы.

– Да, говорила, помню. Ваш я отложила. Сейчас принесу из чайлы.

Бахорой стала спускаться с холма.

– Вы не затрудняйтесь, я сам схожу.

Бахорой остановилась и странно, искося, посмотрела на него.

Даврон понял смысл этого взгляда, однако сделал вид, будто ничего не заметил и безмолвно последовал за ней.

Но войти в чайлу не посмел, остановился чуть дальше...

– Я сейчас... – сказала Бахорой.

Спустя некоторое время в платке, соскользнувшем на плечи, она появилась с довольно-таки большим арбузом.

– Вот ваша доля...

Даврон и не представлял, что у женщины такое белое лицо. Замер от удивления. Но тут же взял себя в руки.

Приняв тяжёлый арбуз из рук женщины, положил его на землю. Не прошло и минуты, как он снова взял арбуз и протянул женщине:

– Я сюда не за арбузом... А вас пришёл увидеть, – сказал он заикаясь, едва владея собой.

Бахорой опустила взгляд.

– Это вам! – сказала она и вбежала в чайлу.

Мгновение Даврон стоял в нерешительности. Огляделся. Убедившись, что поблизости никого, с сильно бьющимся сердцем пошёл в сторону чайлы. Но, приблизившись к ней, испугался и отступил. Огромный пёс, выскочивший из-за чайлы, лаял и кидался так, будто сейчас цепь порвёт.

Бахорой вышла и успокоила пса.

– Ох и злая... – сказал Даврон, посмотрев на собаку с красным высунутым языком.

Бахорой стояла возле чайлы, а Даврон поодадь. На обоих почему-то напала паника.

– Муж... сейчас приедет... – сказала женщина тихо.

– Гоните?.. – взглянул ей в глаза парень.

Бахорой отвела взгляд.

– Я бы хотел немного поговорить... – он приблизился к женщине.

– Муж приедет...

– Когда он уехал?

– Позавчера.

– И вы уже два дня одна?! Не боитесь?!

– Сиртлон же есть...

– Если бы я знал... то вчера...

– Не говорите так!

– Хочется сказать...

– Стыдно!

– Может, и так, но... – парень со смущенным выражением лица подошёл к чайле.

– Вы жену... не любите?.. – осмелилась спросить женщина.

– ...

– Почему вы молчите?

– Не знаю!

– Наверное, вы на днях поругались...

– Да, но это не причина.

– Тогда...

– Не говорите! – Даврон приблизился к женщине. – Молчите!.. Ничего не говорите...

От жаркого дыхания мужчины Бахорой потеряла самообладание.

Теперь он не скучал, карауля гумно. Целыми днями думал о Бахорой... Когда темнело, он кружил вокруг холма. Ждал, пока Абдурасул повезёт в мотоцикле арбузы на продажу.

– Соскучилась... – шептала ему на ухо женщина всякий раз при встрече.

– Целый день думал лишь о тебе... – слышала она в ответ. Потом, усмехаясь, он спрашивал: – Наш брат уехал с арбузами на базар?

– Не смейтесь над моим мужем, – просила Бахорой. – Он ради меня старается.

Даврон сердился:

– Как ради тебя? И оставляет одну в таком огромном поле?

– Вы ревнуете?

– Конечно!

– Знайте, он лучше нас.

Даврон ничего не ответил. Женщина была права. Он признавал это. «Есть ещё одна женщина, которая лучше нас, – хотелось сказать ему. – Интересно, – думал он, – спит со мной, а заступает за мужа!»

Эта мысль вызвала у него раздражение. И он оттолкнул женщину.

– Что случилось?.. За что?..

– Твой муж неделями торчит на базаре, говоришь, будто не догадываешься о том, что он делает?! Нашёл, наверное, одного поля ягоду... не знаю, сейчас с какой...

– Он живёт ради меня! – произнесла женщина уверенно.

Даврон оттолкнул ее и встал.

Бахорой заплакала.

Чёрные, как ночь, волосы раскинулись по её плечам.

Прошло два дня.

Обиды Даврона хватило только на два дня. Тем более сбор урожая подходил к концу, максимум через неделю-десять дней уже не нужно будет ничего караулить. Неизвестно, куда ещё отправит его бригадир на работу. Но отсюда он точно уйдёт. Так что... Даврон не мог забыть Бахорой, хоть и говорил, что в течение двух дней не будет думать о ней, но не думать не мог. Ни на минуту не покидали его мысли о Бахорой.

Бригадир разрешил ему однажды сходить домой, но он не пошёл. Специально не пошёл. Помня, что, перед тем как прийти сюда, он поругался с женой Холдон-Холидой. На самом деле ему просто не хотелось. А что если пошёл бы?.. Пойти, чтобы увидеть печальные глаза жены, терзающие душу? Это лишь оправдание, что они поругались... На самом деле и скандала-то не было. «Ухожу караулить гумно. Наверное, будешь приносить поесть?» – спросил он в тот день. Жена подумала немного и ответила: «Нет, не смогу, пожалуй...» – «Почему не сможешь? Так много дел, что ли?!» – рассердился он. А про себя обрадовался, что не сказал ничего лишнего. Что было бы, если бы он сказал: «Что, ребёнок есть, который будет плакать?!» Бог уберёт от этого. «Не хочешь – не приходи, я тоже не буду приходить домой!» Вот и всё, что было. Он хлопнул дверью и ушёл!

Он уверен, что жена встретила бы его как ни в чём не бывало. Но... Даврон не хотел идти.

Его мысли были о женщине за холмом, которая в слезах осталась в тёмной чайле. «Она становится неотразимой, когда распустит волосы, – думал он, представляя её белое лицо в сотый, даже в тысячный раз. – Я смогу забыть её лишь тогда, когда сойду с ума и потеряю память. Это правда, которую я понял за эти два дня...»

Даврона невольно тянуло к холму. Это было не в первый раз. За эти два дня раз пять-шесть он ходил туда!

Наконец вечером он, сам не заметив как, подошёл к холму, поднялся на него и спустился к чайле.

У Бахорой, которая сидела на коврике в тёмной чайле, от удивления широко раскрылись глаза.

Даврон отдышался.

– Я обидел тебя, знаю... Я такой, немного вспыльчивый, – торопливо заговорил он, упав к её коленям. – Если хочешь, сейчас же женюсь на тебе! Только... Только... Эх!

Даврон внезапно замолчал, склонив голову.

Бахорой побледнела.

– Я не обижена на вас... – сказала она спустя некоторое время. – Я сама виновата, не должна была что попало говорить. Но что поделаешь... – женщина прослезилась.

Даврон волновался... Сердце сильно стучало... Он не мог отвести глаз от её прекрасного лица...

– Собака привязана? – таинственно спросил Даврон.

Это был их «пароль». Если собака привязана, значит Абдурасул уехал на базар. Через три дня, возвратившись с базара, Абдурасул освобождал собаку.

Бахорой кивнула головой.

– Я бы хотел, чтоб ты развелась с мужем... – осторожно сказал тогда Даврон. – А я – с женой...

– У вас нет детей?

– Как ты узнала?..

– Да так, узнала... – женщина затихла. Опечалилась.

– Если хочешь – завтра же...

– Не могу...

– Не понимаю...

Женщина встала, зажгла свечку в углу чайлы. Опустился полумрак.

Через мгновение женщина подняла свечку. Теперь чайла осветилась. После этого Бахорой где-то нашла тугун и поставила перед Давроном.

– Что это?..

– Все деньги, которые заработал муж до сегодняшнего дня, вот здесь. Он даёт мне отчёт, за сколько продаёт утром, за сколько – вечером – обо всём. Честно, я его ни разу не спрашивала, почём он продаёт арбузы, и вообще ни о чем не спрашиваю! И заниматься дехканством я, проклятая, посоветовала. Учитель, который ни разу не брал в руки кетмень, по моему предложению взялся за чёрную работу. У него нет опыта, мучается, бедный... Боится, что я оставлю его!..

Наступило тяжёлое молчание.

Бахорой часто дышала, волнуясь.

Даврон, похоже, о чём-то догадывался.

– У вас тоже нет ребёнка... – Даврон не успел закончить.

Женщина откинула тугун и бросилась в его объятия.

– Я тоже хочу быть матерью!.. Я тоже хочу качать колыбель!.. – причитала она, дрожа и прильнув к нему. – Хочу узнать, как это – быть беременной... Хочу знать, как тошнит... Помогите сбыться мечте, брат!..

Даврон сильно прижал к себе женщину. Приник к дрожащим губам своими...

– Может... позже сойдёмся, – сказал он, – позже... если что-то изменится...

– Нет.

– Режешь, не задумываясь!

Женщина ответила спокойно и ясно, будто давно обдумала свой ответ и выносила строгий приговор:

– Да!

Они снова встречались.

Теперь женщина сама давала знать, когда уходил муж, встав на холм.

– На днях закончится работа по уборке пшеницы... – сказал парень однажды.

Женщина промолчала.

– Ты спишь?

Молчание.

– Скоро, наверное, я уйду отсюда. Может, договоримся? Ты объяснишь мужу, а я – жене...

– Нет, нет, нет! – возразила женщина с яростью. Луна, посылающая свет через камыши чайлы, отразилась на плечах Бахорой с раскинувшимися по ним волосами.

– А что будешь делать, если вдруг забеременела?

– Не ваше дело!

– С мужем ты тоже так разговариваешь?

– Не ваше дело!

Бахорой оделась и вышла на улицу.

Через некоторое время Даврон подошёл к ней.

Оба долго молча стояли у чайлы. Парень глядел на её волосы, длинное платье из нежной ткани, которое развевалось на ветру, и сердце его билось, как птица в клетке. Комок стоял в горле. В какое-то мгновение он даже дышать не мог. «О Господи, – подумал он, дрожа от волнения. – О Господи!.. Я был с такой очаровательной женщиной, она моя! Вот она стоит рядом!.. Что мне ещё нужно?! Независимо от того, где она и с кем, она есть!.. Я буду чувствовать каждое мгновение, каждую секунду, что она есть на этом свете!.. Что ещё мне нужно?..»

Даврон, кажется, понимал женщину. А Бахорой, делая вид, что не замечает его волнения, наслаждалась ветерком, дувшим ей в лицо.

В свете луны её лицо казалось ещё привлекательнее.

Парень обнял её.

– Поднимемся на холм? – шепнула женщина.

– И дальше пойдём... – ответил парень.

– Сначала немного посидим.

Бахорой взяла его за руку и повела в сторону холма.

Они долго сидели там, на холме, разделяющем две жизни, временами поглядывая друг на друга, и молчали. Перед ними простиралось в лунном свете бесконечное поле.

Ветерок бросил волосы женщины в лицо парня. Даврон опустил голову ей на плечо. Глубоко вздохнул.

– Сегодняшняя ночь особенная, да? – сказала Бахорой. – Посмотрите на небо, оно такое звёздное!

– Моя звезда в моих объятиях!..

– Завтрашний вечер уже не будет, наверное, таким.

– Почему?

– ...

– Что случилось? Почему молчишь?

– Завтра приедет муж...

– Уедет же снова через два-три дня!

– Нет. Теперь, наверное, надолго останется. Спелые арбузы закончились.

– Я приду, где бы я ни был!..

– Не обижусь, если вы не придёте.

– А не думаешь, что я обижусь?..

– Мы встретились в поле, в поле и расстанемся! Сердце чувствует, мы больше не увидимся!..

Даврон промолчал, испытывая странное чувство...

По предположению Даврона сезон уборки урожая должен был закончиться через три-четыре дня. Хоть он и чувствовал, что настало время прощания, но думал, что ещё есть возможность... Хоть ещё один день, ещё одна ночь!..

Но, услышав, что уборка кончается на следующий день, растерялся.

– Пару дней отдохни дома, затем выходи в поле, – разрешил ему бригадир.

Даврон всё кружился на гумне. Подошёл к холму, но не посмел на него взойти. Ему все казалось, что он вот-вот наткнётся на мужа Бахорой. И все же не удержался. Взбежав на холм, вглядывался в чайлу возле грядок. Бахорой не видно, наверное, в чайле. Кто-то бродил вдоль арбузных грядок, наверное, муж...

Постояв на холме на солнцепеке, он огорченно спустился. Его мельком увидел Абдуракул.

Ближе к вечеру Даврон вернулся домой.

Когда зашёл, у ворот его увидела выбежавшая жена. Но, прикрыв лицо платком, побежала в сторону кухни.

Удивлённый Даврон вошёл в дом.

Минут через пять вошла и жена. Её смуглое лицо побледнело, в глазах слезы...

Она тихо подошла и прильнула к груди мужа.

Руки Даврона задрожали...

– Хорошая новость... – сказала женщина, не отрывая головы от его груди.

– Что случилось?..

– У нас... будет ребёнок!.. – Холдон-Холида смотрела сияющими глазами на мужа. – Меня тошнит...

– Неужели! Правда?!

– Я предполагала, что так будет, поэтому сказала, что не приду на поле. А вы... Даврон в недоумении опустил голову.

От радости он то улыбался, то что-то вспоминал, и ему становилось неловко, он краснел, но мысли его были не здесь...

С утра пораньше Бахорой проснулась, испытывая страх и беспокойство. Внутри было как-то неприятно, першило в горле. Поднялась и прошла за чайлу. Её стошнило...

Абдурасул вынес жене халат и накинул на плечи.

– Не подходите сюда! Отойдите подальше!.. – махнула рукой Бахорой. Из глаз её текли слезы, лицо покраснело.

Абдурасул вошёл в чайлу. Но успокоиться не мог. Ему показалось, что не зря её тошнит... Сердце дрогнуло, он стал ходить по чайле из стороны в сторону.

Наконец, умывшись, Бахорой вернулась.

– С утра... Что случилось? Неужели произошло чудо?! Говори же скорее!

– Похоже, за ужином переела вчера. Желудок болит... – Бахорой старалась не смотреть в глаза мужу. – Я прилягу, желудок сильно болит.

– Хорошо, ложись. Но, по-моему, ты вчера не много ела.

– Ела. Много съела. И вдобавок миндаль ещё...

– У нас есть миндаль?!

– Вы же сами с базара привозили! – Бахорой легла и закрыла глаза.

Абдурасул, взволнованный, вышел на улицу.

Через некоторое время послышалось, как он рубил дрова возле чайлы и поливал землю.

Женщина лежала сморщившись, будто её мучила боль. Опасаясь, что внезапно зайдёт муж, натянула на лицо одеяло... Она улыбнулась! Потрогала живот, он вроде уже вырос. Осторожно провела пальцами вокруг пупка. Было незаметно, что там что-то есть. Женщина пыталась то втянуть живот, то надуть. «Говорят, что шевелится, – думала она. – Почему он... Когда тётушка Назокат была беременна, её ребёнок уже в первый же месяц шевелился... Будто бабочки в животе... Или я ошибаюсь?»

Ей стало душно, и она откинула одеяло.

Когда лежишь, незаметно, что тебя тошнит. Бахорой встала. Оделась. Поправила подушки, постель, её не тошнило.

Она огорчилась до слез.

Но ровно через пять часов, когда она собралась готовить обед и наливала в казан масло, ей снова стало не по себе, и её стошнило. Второпях сняла платок и прикрыла рот. После этого она немного успокоилась.

Кое-как пожарила картошку, оставила доходить и отошла от костра. Но ее преследовал запах масла. Будто все было пропитано маслом. Женщина вошла в чайлу. Ей всё ещё было не по себе, но глаза сияли!

К сожалению, и в чайле она недолго просидела. Не вытерпела запаха, шедшего от казана.

Пошла к мужу, который косил траву вдоль грядок. А здесь пахло болотом. Огромное поле источало неприятные запахи. Бахорой почувствовала, что и здесь ей неловко. Она боялась, что её стошнит возле мужа, и её тайна откроется.

– Я пойду за дровами, – сказала она.

– Сиртлона тоже возьми с собой.

Бахорой с собакой прошла на холм и спустилась вниз. Ступая по иссохшей траве, стала удаляться от поля. Дошла до места, где растут камыши, и немного успокоилась, вздохнула свободно. Хотела набрать дров, чтоб хватило на целый день, нагнулась и снова почувствовала что-то не то. В воздухе витал какой-то горький запах, её снова стошнило. Но здесь она никого не стеснялась. Вывала, полностью освободив себя. Ей полегчало. Теперь она убедилась, что беременна. Это обрадовало её. В первый раз она почувствовала себя женщиной. Впервые почувствовала, что она мать. Это было божественное чувство, лучше всех чувств на земле!

Будто в ней поселилось солнце, и оно греет изо всех сил – так ей было тепло.

Вокруг тишина. Вселенная наполнена розовым светом. Не слышно ни шелеста кустов, ни ветерка.

Женщина нагнулась, обратившись к востоку, шепнула со слезами: «Господи... Господи... – сердце билось, будто не вмещаясь, будто внезапно проснулся вулкан у неё внутри. – Господи... – еле шепнула женщина в третий раз. – Спасибо тебе!..» Минут пять она сидела, потом тихонько встала с места. Вернулась назад. Горло пересохло, но на душе было спокойно. Ей казалось, что она не идёт, а парит в воздухе.

Приближаясь к холму, она увидела цикорий, росший на краю дороги, и вспомнила, чему учила тётюшка Назокат: если испугать ребёнка в тёплой в воде с цикорием, то не будет никаких болячек. Она остановилась. Одна мысль мелькнула: «Сорви цикорий». Другая – «Остановись!»

Увидела возле чайлы мужа и ускорила шаг...

Шли дни.

Осень заканчивалась.

Муж и жена ждали, когда поспеют остальные арбузы.

Даврон приходил несколько раз, но в неудачное время, и уходил при виде Абдурасула.

Наконец, придя в последний раз, он застал Бахорой одну возле чайлы.

– Наконец-то наступил день, когда я вижу тебя! – Даврон взял её за плечи и повернул к себе. – Хотел не думать, но всё думал и думал о тебе. Не хотел приходить, а всё равно пришёл...

Бахорой удивилась.

– Я же говорила... можете не приходить!..

– Не соскучилась?... – повторил парень фразу, напоминающую летние вечера. Хотел поцеловать. Женщина отстранилась.

– Муж приедет.

– Когда уехал?

– Сегодня должен приехать!

– Когда?... Когда увидимся?! Соскучился...

– Было бы хорошо, если бы мы больше не виделись.

– Посмотри на меня! – мужчина взял в ладони её лицо и хотел заглянуть в глаза. Но Бахорой оттолкнула его и отошла. – Ты беременна?!

Бахорой заволновалась.

Парень повторил.

– Нет, – ответила Бахорой уверенным голосом. – Нет!

– Ты не такая, как раньше... Может, из-за этого...

– Женщина, которая не беременела 12 лет...

– Ну и что, вот... – Даврон еле удержался. А то бы...

– Уходите, – сказала Бахорой почему-то дрожащим голосом. – Уходите!..

В это время послышался звук приближающегося мотоцикла. Бахорой чуть не сошла с ума.

– Уходите! Сказала же вам, уходите! Вернулся муж! Сказано, уходи, надо уходить!

Даврон вышел из чайлы и пошёл к холму, но Бахорой всё ещё паниковала.

– Это нужно? Вам это нужно было?! Вы же опозорили меня!.. Ради Бога, уходите скорее!

Мотоцикл остановился, послышались шаги Абдурасула.

Дрожа и чувствуя, что роковые минуты её жизни близко, Бахорой села, прикрыв руками голову, будто с неба вот-вот камни посыплются. Закрыла глаза: будь что будет!..

Прошло пять-шесть минут, Абдурасул вошёл в чайлу, но ничего ужасного, вопреки ожиданию Бахорой, не произошло.

Женщина медленно подняла голову.

Абдурасул снял свой старый пиджак и повесил. Женщина увидела, что его смуглое лицо стало бледным, как у мертвеца. Она не могла встать с места. «Вот сейчас!.. Вот сейчас!..» – думала Бахорой, ожидая сильного удара в голову или плечо. Но...

– Покушать есть? – спросил Абдурасул, вымыв руки и иша взглядом полотенце.

Муж и жена молча поели.

На побледневшем лице Абдурасула были горечь и страдание, он не смотрел на жену, стараясь отвлечься, торопливо ел.

Поев, Абдурасул встал, взял только что снятый пиджак и пошёл в сторону холма. В эту ночь Абдурасул до утра просидел на холме.

На следующий день к вечеру они уехали к себе домой, в кишлак.

Абдурасул, оставив вещи на айване, опять вышел на улицу.

– Куда?.. – неуверенно спросила Бахорой.

– В чайлу...

По голосу нельзя было сказать, что он в гневе. Голос был очень-очень грустным. Грустным-грустным...

Женщина осталась в доме одна. Довольно трогала живот. Немного полегчало. Потом прошла по комнатам. Вышла во двор. Прошла в сторону сарая. Из-за того что они весной уехали на поле, везде было грязно, накопилось много дел, но Бахорой не хотелось даже ведро поднять, которое валяется на земле под ногами. Перед глазами ни на секунду не исчезало тяжёлое, уставшее, замученное лицо мужа, который не мог прямо посмотреть на нее и вылить весь гнев, сжигающий его изнутри. Чувство стыда охватило женщину. Оно было сильнее того, что её радовало. Сколько ни пыталась она себя отвлечь – не могла; это чувство не оставляло её в покое днями и ночами, не давало жить. Дошло до того, что Бахорой, чтобы освободиться от тяжёлого чувства, которое давило сердце... была готова на любую жертву.

«Я совершила ошибку!» – призналась себе однажды женщина. Я думала только о себе... Стыд!.. Неужели не смою свой грех будущими мучениями, болью?.. Веди я... я...»

Шёл к концу Декабрь.

Первый снег выпал поздно, дни были довольно-таки морозные.

Женщина поняла, что больше не может выдерживать холод в душе. И однажды... дрожащими руками сняла платок, которым был подвязан живот: «У тётушки Назокат был выкидыш, когда она нечаянно поскользнулась и упала...»

Бахорой прыгнула с возвышения во дворе вниз! Никаких изменений в себе не ощутила. Прыгнула ещё раз. И в этот раз ничего не произошло. Когда прыгнула в третий раз, поскользнулась и упала. В мгновение лицо стало синим. Но женщина не обратила на это внимания. Еле встала и с трудом села...

Через некоторое время появилась боль в спине. Боль была незначительной, постепенно охватывала живот... Потом проходила.

«Боль на мальчика бывает несильной, со спины начинается, так говорила тётушка Назокат», – вспомнила женщина. Снова возникла боль в спине. Бахорой удовлетворенно закрыла глаза. Это была родовая боль.

Вскоре боль настолько усилилась, что Бахорой не находила себе места. Еле сдерживалась, чтоб не кричать. В этом состоянии она пошла и заперла на замок ворота. Потом зашла в комнату и заперла дверь.

Боль становилась сильнее.

Женщина ходила туда-сюда по комнате, резко приседая от приступов боли. Сжимала зубы, до крови кусала губы. От сильной боли пот лил градом, но...

Не выдержав, залилась слёзами. Однако во взгляде её замерло удивление: «Как может быть боль столь приятной? О Господи!..»

Перевод с узбекского Наргизы ИБРАГИМОВОЙ.

Наргиза ИБРАГИМОВА. Родилась в 1982 г. в Навои. Окончила магистратуру при ТГПУ им. Низами и аспирантуру при УзГУМЯ. Литературовед, переводчик. Работает в НГПИ.

Бальзам для нашей боли

Юлия ТАВОЛЖАНСКАЯ

Ностальгия

Жить прошлым. Обратить свой взгляд туда,
Где мы с тобой наивностью богаты,
Жить в ностальгии, видеть провода,
Но не спешить принять сегодняшние даты.

Как птицы перелётные, туда
Отправиться, где всё на свете – в цвете.
От нынешних потерь, от сквозняка
Чужих историй и чужих соцветий.

Вот это значит стать самим собой,
Всё вспомнить разом, что дарило счастье.
Жить ностальгией – значит пред судьбой
Не кланяться и не просить участия.

Чувства

1

Минутная вспышка весеннего солнца
Игрой самоцветной на плечи прольётся.
Трапезией счастья приблизятся дали,
Мы ждали, мы звали. И небо в цвет стали
Одели дожди и косою иголю
Кольнули запястье, коснувшись судьбою
Души, что бывает открытой не часто.
Сквозь дождик – свечение весеннего счастья.
Столетия пройдут, только мы не заметим –
Так долгод след счастья, так светел.

Юлия ТАВОЛЖАНСКАЯ. Родилась в 1967 г. в Ташкенте. Окончила факультет русской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Работает преподавателем русского языка и литературы в школе.

Когда я расстаюсь с тобой,
Наступает с собою встреча.
Наступает беседа с судьбой,
И жизнь обнимает за плечи.

И не потому ли тревога
Льётся с небес и в звоне колоколов,
Что вот она, от тебя дорога,
Ведёт прямо в мир семи ветров,

Рассеявших наивность девочки,
Любившей книги и птиц с красивыми перьями.
Развеявших усилия женщины,
Обещавшей спасти всех детей потерянных.

И, может, давно меня-то и нет,
Есть только суть наших встреч и вечер,
И жизни уже не вернуть.
Но, когда окончена наша встреча,
Возрождается главная из примет –
Мой собственный путь.

За окном растает стая,
Ветра след в деревьях тает,
Это радость отлетает
В высоту печальных странствий.

И с ветвями в час разлуки
Я сплету покрепче руки,
И в траве проступят звуки
И подступят светлым царством.

Неприступным, незнакомым.
Царство манит светом новым,
То созвездием, то словом,
То цветущею строфой.

Я скажу тебе о важном,
Что недаром шаг наш сложен,
Что сегодня день вчерашний
Станет радостной строкой.

Радость

Когда возвращается жизнь,
Потихоньку, как бы на цыпочках,
Понимаешь её бесценность
И даже её невесомость.

Тогда тебя держит нить,
Но уже не хрупкая ниточка,
И проклёвывается смелость
И желание узнать новость.

И ворвавшееся ощущение –
(Как до боли это прекрасно –
Просто видеть цветы и деревья
И слышать капли дождя!) –

Приводит в то настроение,
Когда обиды и страх не властны.
Вот только тогда, без сомненья,
И можно познать себя.

Осень

1

Город янтарный роняет жёлтых осколков гирлянды.
 Словно обрывки молитвы, ветра дыханье над садом.
 Осень не хочет раздоров, осень в поклонах и в стане.
 Нити её паутинок не удержат на ладони.

Может, им больно и стыдно
 Гнаться за ветром по следу.
 Может, им гибнуть обидно
 Под колесом у мопеда.
 Как разгадаю их души?
 Мы и свои не сумели.
 Мы и себя не согрели.
 По голубому над елью
 Птиц косяки чёрной тушью.

2

Спадает жёлтый шёлк, деревьям стыд неведом,
 Распятьем к небесам – молитвенные ветви.
 Из позолоты крон прожилки цвета крови,
 И нити серебра понижут изголовье
 Земли. Опять её тревожат влага, пал –
 Магический кристалл вселенского присловья
 К заклатью колеса для возрожденья нови.

Творит планета дождь на веки и на слёзы,
 Сверкает фионит. Не темень и не грозы
 Не виноваты в том, что времени обозы
 Увозят за собой воспоминаний строй,

А в нём шипы ли, розы – всё скомкано рукой
 Земли в заглавной роли. А мы – случайный зал
 Без реплик и без воли. Так осень правит бал. –
 Бальзам для нашей боли стекает по стволам.
 Приникни и открой янтарь осенней доли.

3

Осень кошечкой рыжей пробежала по крышам,
 Словно перья жар-птицы опадают неслышно,
 Златовлаской-царицей в диадеме мечтаний,
 От тумана двоится, как волна, очертанье.

Осень красит румянами жёлтые щёки,
 Крылья бабочек кремовых сыплет в потоки
 Слёз ли, грёз, направляя нас к давним порогам
 Детских звёзд по-над бликами стылой дороги.

Осень в зеркало смотрит, глаза её строги.
 Это зеркало – мы. Наши жизни и сроки.

Расул БАБАЕВ

ПОЖЕЛТЕВШИЙ РИСУНОК

Рассказ

I

Старика Сакина в последнее время мучила бессонница. В эту ночь он, можно сказать, вовсе не спал. Как ни старался, не удавалось заснуть спокойным сном: в голове вертелись события минувшего дня, которые, приобретая затейливые материальные формы, тревожили его.

К тому же шум дождя, усиливаясь, не позволял успокоиться душе, и она одну за другой открывала страницы волнующих дум...

Ныне, возвращаясь с поляны, куда ходил, чтобы закончить очередную картину, он застал жену Мохину печальной, с опущенной головой сидящей за пустым столом. С приходом мужа она только вспомнила, что забыла приготовить ему поесть, и ее глаза стали еще печальнее.

Старик молча присел напортив.

– Сегодня Санам была, – произнесла она нарочито спокойным голосом.

– Как она? – спросил Сакин, долгое время не получавший вестей о дочери.

– Ничего, – ответила жена недовольно. – Сказала, что седьмого числа намерена женить сына Умида. Просила помочь заказать артиста Ахада, видимо, денег у самих нет. – После паузы с недоумением произнесла: – Не понимаю свою дочь, как можно женить сына, не зная на ком! Всего можно ожидать от незнакомых людей! Может, они непорядочные люди – таких нынче много в городе. Пропадет наш внук!

– Это хорошо, что хотят свадьбу сыграть, но нехорошо говорить такие слова перед свадьбой, – сказал старик. Ему хотелось успокоить жену, хотя сам огорчился, услышав о свадьбе внука, когда уже все было решено. – А что сама Санам?

– Она говорит, что согласилась потому, что молодые любят друг друга, – рукавом платья вытирая выступившие слезы, ответила жена. – Зря они играют с этой любовью – она сделает его несчастным, как его мать. Видимо, теперь так заведено – дети сами решают свою судьбу, а родители не у дел, бессильны что-то запретить.

Старик уважительно относился к старым традициям и обычаям, старался их соблюдать. Согласно обычаю, он с колыбели посвятил свою дочь Санам сыну знакомого отца. Дочь, на радость, выросла не только красавицей, но и трудолюбивой

Расул БАБАЕВ. Родился в 1967 г. в Ферганской области. Окончил Таджикский государственный институт мировых языков. Работал преподавателем. Публиковался в периодической печати Узбекистана. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

и послушной, что важно было для сельской жизни. Многие знакомые хотели бы увидеть ее у себя дома в качестве невестки, даже зная, что она засватана.

– Жаль, что она засватана, а то сосватал бы за сына, – не скрывая, однажды высказался уважаемый председатель. Он сказал это, чтоб проверить верность старика обряду.

– Ты ведь знаешь мое мнение, зачем затеваешь разговор?.. – недовольный словами председателя ответил он.

В кишлаке, у кого взрослая и тем более красивая дочь, хотят поскорее отдать ее в другие руки, боясь случайных нежелательных разговоров и слухов. Матери опасаются мужчин, особенно молодых, и предусмотрительно, на всякий случай, косо смотрят на них. Как только Санам повзрослела, Мохину занимала одна мысль – поскорее сыграть ее свадьбу.

Той весной старик случайно встретил прибывшего к ним в село молодого аспиранта, узнав, что ему негде остановиться, предложил пожить у них. Камал, так его звали, оказался добропорядочным человеком и вскоре стал для них как родной. Только Мохина была немного недовольна, опасалась чего-то, будто присутствие этого человека могло привести к чему-то плохому. Она как-то даже упрекнула мужа:

– Зря вы привели его в дом – не надо было.

– Что ты такое говоришь жена?.. – шепотом ответил он. – Разве можно так говорить о госте!

– Неужели вы ничего не замечаете? – с упреком спросила жена.

– Чего? – спросил старик, не понимая к чему она клонит.

– Я подозреваю, что наша дочь и Камал...

– Перестань говорить чепуху, – перебил ее старик.

– Их вместе видели на поляне, мне соседка сказала.

– И ты веришь этой сплетнице? – строго посмотрел он на жену. – Это я отправил ее с ним, чтобы она показала ему местность. Камал давно хотел, чтобы я повел его туда, а я никак не могу найти время, потому и попросил дочь.

Сакин не стал обращать внимания на слова жены. Посчитал правильным отдать дочь за того, кому она была предопределена с детства, судьбой! Его больше интересовал факт осуществления обряда, чем личность жениха или его семья. Решая судьбу дочери, он был уверен, что и она согласна с ним.

И действительно, Санам подчинилась воле отца – вышла замуж по обычаю. Муж был, как и все другие мужья: среднего роста, не отличался безобразием, не выделялся слабоумием. Говорил столько, сколько было необходимо, смеялся мало – всегда к месту. Все соответствовало норме. Отличие было в том, что после свадьбы он постоянно был рядом и иногда докучал ей.

Все так бы и продолжалось, если бы не ее сердце. Однажды отданное другому, более желанному, оно не воспринимало этого человека с самого начала, со временем отвращение усилилось. Как бы Санам ни угрожала своему сердцу, оно не слушалось ее, противилось, в нем не было места для ее мужа, не принимало оно его, не должен он был находиться рядом. Но человек, наделенный правом быть рядом, муж, не только находился рядом, но и желал ласки и внимания. Сердце от этого страдало. Иногда ему становилось так плохо, что оно готово было остановиться навсегда, покинуть этот свет и уйти в другой мир, но оно не могло так поступить: у него были свои заветные мечты и желания в этом мире. Тогда сердце решило заявить свое несогласие и избавиться от этого человека.

Муж ничего не ответил, когда услышал о желании развестись с ним, а только сел на стул будто упал на него. Он желал сохранить брак, чтобы не выглядеть недостойно перед родными и близкими. Но, когда почувствовал неминуемость развода, стал думать о том, как лучше, без материального ущерба развестись.

– С разводом понятно, – его слова были больше мыслями вслух. – А что скажем родным?

– Ничего. Думаю, со временем поймут и простят.

– А если не поймут? – с сомнением спросил он.

– Прошу, придумайте что-нибудь, чтобы поняли, мне все равно!

– А как поступим с жильем?

– Сниму квартиру в городе, устроюсь на работу, а Умида отдам в детсад, если вы не против.

– Да, конечно, – успокоившись, произнес он, когда узнал о ее намерениях.

Но куда же пропал родной и близкий ей человек? Где Камал? Почему его нет? Неужели он обманул ее, притворился влюбленным, порядочным! Невозможно, чтоб такой человек, пропал без причины. Выпущенное на свободу сердце Санам теперь, не находя родного человека, продолжало тосковать, но эта тоска была уже легкой, воздушной, тоской по любимому человеку, тоской, полной надежд.

Развод Санам больше походил на ее уход от супруга. Старику не хотелось верить, что дочь сама ушла от мужа, но факты доказывали это. В его голове один за другим возникали вопросы: «И что это за сила, которая оказалась сильнее его влияния на дочь?..», «Если это любовь?..», «Неужели я поступил неправильно, отдав ее замуж по обычаю?..».

Он вспомнил слова жены, на которые не обратил внимания. Вспомнил многое в поведении дочери и Камала, подтверждающее их правдивость. Он принял это за временное увлечение. Упрекал себя за то, что не обратил внимания на душевное состояние дочери, которая старалась скрыть свою любовь, дабы не проявлять неуважения к родителям, и, главное, к обычаю. Она страдала молча и глубоко – таково было ее воспитание. Теперь, по истечении времени, он считал, что поступил опрометчиво, с колыбели посватав ее незнакомому человеку и заставив выйти за него.

Вспомнил свою свадьбу, если можно было назвать это свадьбой – маленькое домашнее застолье с участием пяти-шести человек. Он женился на Мохи-не по желанию отца. Тогда они и не знали друг друга, не говоря о любви. Его отец даже не спросил, хочет ли он жениться.

Сам он, совсем еще молодой, не знакомый с азбукой семьи, учился жизни у других, оглядываясь по сторонам. Прожили без больших ссор и разногласий долгую семейную жизнь. Раньше семейные отношения были совсем простыми: жена во всем слушалась мужа, а он старался, чтобы ей жилось легче и лучше – вот фундамент, на котором строилась семья.

С тревогой вспомнил, что ему самому однажды пришлось нарушить обычай. В результате живет без сына, довольствуясь дочерью, а ведь по обычаю каждый благоразумный отец обязан после себя оставить наследника мужского пола! За то, что он нарушил этот обычай долгое время его семью терзали сестры – их не мало, целых шесть! – только он один, седьмой и последний ребенок у отца. Отец, не то что я, пока не появился на свет мальчик – не успокоился и не отстал от матери. Говорят, что после рождения третьей дочери, он изменился, стал избегать людей, даже родных. Дома с женой был груб, стал побивать ее по всякому поводу, бранить. Она все терпела, пока не родила сына. Мать хотела, чтоб его называли Хуршидом, так как он вернул в дом веселье и

свет в ее душу, но отец сказал, что это имя современное, и назвал его Сакином, разглядев в его глазах спокойствие.

Его сестры, когда приходили к ним, упрекали жену, что не может родить мальчика, ставили условие: если она не в состоянии исполнить то, что положено жене, надо уйти от мужа. Их гнев был направлен и на него. Как-то раз, собравшись, они объявили ультиматум.

– Как ты будешь жить без наследника? – говорили они. – Кто в старости за тобой смотреть будет, кто останется после вас в отцовском доме? Мы не хотим, чтобы здесь жил человек чужой крови! Если ты не решишь этот вопрос – мы сами решим, без тебя! Подумай.

Тогда он сказал себе: или сейчас, или никогда – и начал тверже отвечать им, не взирая на то, что они были старше его.

– Если еще раз поднимете этот вопрос и будете оскорблять мою жену, действительно некому будет жить в этом доме – я с женой уеду жить в другое место!

Он понял, что сестры испугались... Тогда он тоже нарушил обычай. Но во имя чего? Почему он не захотел развестись с женой? Неужели он испытывал, сам того не зная, любовь к ней?

Сейчас решалась судьба внука. Он думал не об обычаях, а о том, надо ли вмешиваться в его жизнь может, предоставить ему право решать свою судьбу?..

– Я думаю, что сейчас не все зависит от нас, Мохина, – посмотрел он на жену серьезно. – И это, возможно, правильно, если между ними действительно любовь.

Мохина не понимала перемен в муже, лицо ее выразило глубокое удивление. Сакин хорошо понимал состояние жены. Раньше, двадцать, даже десять лет тому назад, он сам бы не поверил своим словам. Ему трудно было произнести их, но он был вынужден. Как бы нежелательны они не были, произнося их, он почувствовал облегчение и покой.

II

Дождь перестал только во второй половине ночи. Изредка доносилось тиканье: на металлическую крышу падали скопившиеся на листьях яблони капли. Звук был монотонным, убаюкивающим: так-тик, так-тик...

Старик заснул на несколько минут.

– Вам пора вставать, – разбудила его жена.

Он открыл глаза – за окном светало. Листья яблони, намокшие под дождем, отяжелели, ожидая дуновения утреннего ветерка и появления солнца.

– Постарайтесь продать их подороже, – наставляла Мохина. – Надо, чтоб денег хватило для артиста – у нас других средств нет!

Старик смотрел на коробки с книгами и картинами, стоящие посреди комнаты. Прислоненная к стене, отдельно стояла картина, над которой он работал в последнее время. Она еще не имела названия. На ней – поляна. Он хорошо знал эту поляну у подножья горы – сейчас она похожа на пустырь.

Он все еще помнит, как в детстве здесь пас многочисленное стадо, которым владел его отец. Поляна всегда была разноцветной: цветов на ней было больше, чем травы. На ровной поверхности скалы, что за ней, было много наскальных рисунков, потому поляну называли Суратли – поляной Рисунков.

Позже часть этой скалы была разрушена. Посреди поляны был поставлен памятник шахтеру, погибшему при взрывных работах. Ныне шахта не работала – о ее существовании напоминало лишь заброшенное здание и завалы камней.

Сакин решил отобразить в своей картине былую красоту поляны, но был недоволен работой: сколько бы ни трудился над ней, чувствовал недоработку. Ему то казалось, что в ней слишком много темного, то стена, которую он восстановил по памяти, выглядела выше, чем на самом деле. Память подводила – он не помнил всех деталей, не мог восстановить все, что видел раньше. Сколько бы ни старался – не мог нарисовать поляну прошлых лет. И картина, страдающая не меньше, чем он сам, осталась в состоянии законченной и незаконченной одновременно.

III

Старик, покидал дом, но его не покидал образ жены Мохины – она, одинокая, стояла у больших ворот с заплаканными глазами, держась за поручень. И дом, построенный им самим, когда-то радовавший его красотой и величием, казался слишком громоздким, постарел, как он сам, стал капризным, требовал внимания и заботы: кое-где отвалилась штукатурка; крыша над гостиной протекает в сильный дождь; плохо закрывается входная дверь. А он в последнее время не в состоянии оштукатурить, починить самостоятельно. «Да, постарели мы с нею», – подумал Сакин. Он никому не говорил, но надеялся, что, когда внук окончит учебу, переедет жить к ним, будет заботиться о них и о доме – вот тогда все встанет на свои места. Хорошо, что не говорил об этом никому, а то засмеяли бы, узнав, что внук остается в городе.

Автобус, дымя, по-старчески дрожа, достиг перевала. Пассажиры, в основном пожилые мужчины, оставив кто в мешках, кто в ящиках свой товар, не спеша покидали транспорт, чтобы размяться, подышать свежим воздухом, попить родниковой воды.

Отсюда все выглядело иначе: крошечным казалось село, которое осталось позади, в густой зелени деревьев виднелись крыши домов избранных людей, чьи дома были выше остальных. Дом с красной крышей – Джаббара. Уже давно он пустует: после его повышения по работе, семья переехала жить в город. Хозяином другого высокого дома был бывший председатель. Старик не смог найти крышу своего дома. Село выглядело неприглядным и отсталым. Спереди протянулась степь. Она, овальная по форме, была ограждена в двух сторон горами: с севера – молодой скалистой, темно-синего цвета, острые вершины которой покрыты снегом; с юга – старой, невысокой, цвета потемневшей глины. Далеко за степью виднелись невысокие бугры, холмы, а за ними высотные дома, трубы с белым дымом. Городок даже отсюда смотрелся заманчивее, красивее, его яркость притягивала человека к себе.

– Красивый город, не правда ли? – заговорил мужчина средних лет с маленькими живыми глазами.

– Да. Слышал, что в последнее время преобразовался, но я давно не был там, – ответил старик.

– В таком случае вы не пожалеете, что едете туда, – мужчина протянул руку для знакомства: – Исак. Всего за два года город вырос. Говорят, запасами ископаемых интересуются теперь многие государства. Только люди там зажиточные и несколько недоброжелательные.

Сакин не стал продолжать разговор насчет людей, но мужчина настойчиво интересовался коробками.

– Там картины, мои собственные, да еще несколько книг, – ответил Сакин. – Хочу продать их, деньги нужны на свадьбу внуку.

– Понятно, – удовлетворенно произнес Исак. – Если честно, на свои книги не особо надеетесь, нынче люди не очень интересуются ими, а вот хорошими картинами интересуются многие, я знаю точно.

– Я вижу вы большой знаток картин, – оживился старик, радуясь случаю поговорить с кем-либо об искусстве. – А какие произведения вам нравятся?

– Честно говоря, я особо не разбираюсь в картинах, – смутившись от неожиданного вопроса, ответил тот. – Да, я занимался картинами, которые приобретал и перепродавал. Чтобы исключить возможные проблемы с реализацией, я всегда покупал работы известных художников: если фамилия известная, то продукцию всегда легко сбыть. А что из себя представлял мой товар – я никогда не интересовался. Думал, что и не надо.

Сакин пожалел, что задал свой вопрос. Он не понимал людей, которые были безразличны к красоте природы, к тому что окружает их, и видят во всем только средство обогащения. Он сам мог часами стоять возле какой-нибудь картины, погрузившись в раздумья. Правда, когда в последний раз был на выставке, был немного удивлен появлением множества новых, не совсем понятных ему направлений и течений. Он не стал отрицать их, подумав, что его непонимание – от старости. Отстает он, видимо, от стремительно убегающего времени.

Сейчас все куда-то спешат. Вот водитель тоже изо всех сил жмет на педаль, стараясь быстрее проехать степь, правда, заметив впереди стадо спустившихся с гор баранов, неохотно убавляет газ.

– Глупые животные, – крикнул он недовольно. – Что им надо в пустыне, не понимаю! На прошлой неделе при мне грузовик наехал на одного из них. А они опять тут как тут!

Животные спустились, чтобы утолить жажду, инстинктивно искали воду там, где ранее протекала речка. Они чуяли ее, но не находили, были в растерянности, не зная, что теперь вода течет по трубе. С каждым годом им тоже труднее становится обитать в этих краях...

Ровная асфальтированная дорога нитью простиралась по степи. Она напоминала Сакину его долгую жизнь, которая прошла незаметно быстро, оставляя одни воспоминания.

Он помнит, что, еще будучи студентом, часто возвращался по этой дороге домой. Тогда она выглядела по-другому: две глубокие колеи от колес указывали, что здесь ездят. Однажды поздно вечером его на этой дороге подобрал водитель грузовика. В кабине, кроме него, сидел еще один пожилой человек европейской внешности, загорелый, как азиат, с длинными волосами и короткой бородой с проседью. В детстве он слышал, что такие обросшие люди живут вдаль от людей, в диких северных лесах, знают толк в травах и растениях, могут лечить болезни без лекарств.

Длинноволосый после знакомства и недолгого разговора неожиданно сказал:

– Правильно делаешь, что рисуешь, – указывая на полотно, что торчало из сумки. – Картины играют важную роль в жизни.

– Леша, – представил его водитель, – по профессии геолог, а по призванию, можно сказать, предсказатель, русский вариант Ванги, – с улыбкой добавил он.

– Да какой я предсказатель, – отмахнулся попутчик. – Я просто чувствую, что его призвание в рисовании, оно помогает ему жить.

– Не скромничай, Леша, мы знаем тебя, – настаивал водитель. – Ты слова не молвишь, если душе неуютно. Раз начал разговор о парнишке, значит, тебе есть что ему сказать.

– Между прочим, я сказал самое главное для него, хотя он и ничего не просил. Большого сказать ничего не могу – он не пускает меня к себе, – неодобрительно заметил Леша.

– Все хотят узнать о себе, в том числе и молодежь, особенно по части любви да поцелуев на скамейке, – рассмеялся водитель, но тут же, прервав смех, добавил: – Поэтому ты лучше скажи, когда и на ком он женится, сколько детей будет иметь, не правда ли, молодой человек? – посмотрел он на Сакина.

Молодой Сакин кивнул головой сначала ему, потом Алексею.

Водитель, ловко объезжавший до этого все неровности дороги, попал в глубокую яму, так что все разом начали подпрыгивать на сидениях – Сакин ушибся бы, если не Алексей, схвативший его за локоть.

– Вот видишь, что может случиться, если не слушаться их, – сказал водитель, пальцем указывая в небо.

Он не знал, как подействуют его слова на Алексея. Но тот будто ждал этого, неспешно повернулся ко мне, осмотрел с ног до головы, а затем, взяв ладонь, стал долго изучать ее.

– Ну, что скажешь? – не выдержал долгого молчания водитель.

– Проживет долгую жизнь, сбудутся все его желания, правда, с некоторым опозданием, – он остановился, чтобы собраться с мыслями, и добавил: – Трех дочерей вижу, но почему-то они сводятся к одной. И жена, и дочь среди каких-то картин, рисунков, только на разных расстояниях. Сказав это, Алексей облегченно вздохнул и, облокотившись на спинку сиденья, закрыл глаза. Больше он не молвил ни слова.

Тогда Сакин серьезно не воспринял этот разговор, вскоре даже забыл, посчитав его за шутку русского над простым сельским парнем. Теперь, спустя не один десяток лет, он, мчась по ровной дороге, вспомнил разговор с Алексеем, его предсказания действительно сбылись: рождение трех дочерей, из которых лишь одна осталась в живых. Неужели его слова были случайным совпадением?.. То, что рисовал он, хранилось в подвале дома, никому не показывал, никому не продавал, потому никакого влияния на жизнь жены и дочери они не оказывали. В этом вопросе, видимо, Леша тогда, допустил неточность. Хотя в душе Сакин признавал, что одна его работа влияет на отношения с Мохиной. Называлась она «Лунный силуэт» и написана была, как говорится, на одном дыхании. Лунный свет, пробиваясь сквозь толщу облаков, падает широкой полосой на небольшой клочок земли. Яркий столб света на темном фоне высвечивал силуэт, фигуру и лицо молодой девушки, сидящей на ларе.

Многие знакомые считают, что эта картина посвящена жене Мохине и была создана после их свадьбы, хотя она была нарисована задолго до женитьбы на Мохине. Не споря, Сакин часто соглашался, что посвятил работу жене, которая действительно очень походила на сидящую девушку. Мохина не прочь была обмануться и, разместив картину на самом видном месте, часто и подолгу рассматривала ее и отходила всегда в хорошем настроении, находя определенное сходство с собой.

Только эта работа осталась дома – остальные он вез с собой.

Солнце то появлялось, то скрывалось за облаками. Ветер, гоня облака на восток, в сторону села, старался очистить небо над городом. И когда автобус въехал в город, повсю светило солнце, земля почернела после дождя, а воздух был чистым-чистым.

Сакин невольно посмотрел в окно: вдоль широкой городской дороги были посажены стройные деревья, высились фонари, дома были самые разные – высокие, стеклянные, с куполами и без – один лучше другого. Строились новые, еще более высокие. Люди – молодые, красивые в нарядной одежде, матери с детьми, отцы с сумками, многие просто прогуливались по тротуарам.

«Так вот в чем сила притяжения!» – подумал старик. Он понял, почему дочь не возвратилась в село, а теперь, возможно, внук тоже останется в городе.

IV

Однажды, поехав по делам в отдаленный кишлак, я вынужден был остаться там на ночь. Простые и добродушные жители, возможно, увидев мое бедственное положение и зная расположение к поэзии, привели ко мне своего односельчанина, увлекающегося стихами. Этот человек, тракторист по профессии, ничем не привлекательный, даже немного грубоватый для поэтической натуры, начав читать свои стихотворения, ошеломил меня. Они были на удивление выразительны, содержательны, поражали языковым богатством. Я бы никогда не поверил, что они сочинены человеком без образования, если бы не слышал их своими ушами! Их, без всякого сомнения, можно было разместить на первой странице любой литературной газеты или журнала. «Он гений, у него природный дар», – подумал я. Я попросил его поехать со мной в редакцию, чтобы показать стихи. В ответ, улыбаясь, он отказался, сославшись на работу и отсутствие времени.

«Кто этот человек?» – спрашивал я себя. Поэт или нет? Как можно назвать художника, артиста, поэта, погубивших свой талант мелкими житейскими делами?

Разложив свой товар на небольшой лавке, Сакин следил за снующими взад-перед людьми. Изредка подходили посмотреть его работы, а посмотрев, уходили, мельком взглянув на него самого, – он не был знаком никому, как и его картины. Теперь Сакин понял смысл сказанных Исаком слов и мысленно согласился с ним. Вдруг перед собой увидел его самого.

– Вот пришел узнать, как идет у вас торговля, – улыбаясь, сказал Исак. – Если честно, я немного беспокоился: вас могут обмануть, вы ведь, как я чувствую, никогда не торговали. Вот и подумал, может, я помогу вам с продажей картин по выгодной вам цене, если вы не против.

Старику ничего не оставалось, как отдать свои картины Исаку, оставив себе единственную картину о поляне, которую почему-то не хотел никому показывать. Теперь у него было достаточно денег, чтобы заплатить артисту.

V

Что ни говорили о роли случая, все же он кое-когда успевает внести свою лепту в судьбу человека. Нас всюду преследуют всякого рода случайности – ошеломляющие, приятные, не очень приятные, плохие, отвратительные, ужасные – их не перечесать. Скажем лишь, что в судьбах многих людей поворотные моменты произошли благодаря случаю!

Возвратившись домой, Камал искал старика, встречи с ним. Он уже не раз побывал в селе, хотя дом старика не посетил. Встреча эта произошла случайно, чего не ожидали оба. В таких случаях обычно говорят: их свела судьба! Да именно так.

– Сакин Сахович, это вы? – поспешно приблизился к Сакину мужчина.

– Да, это я. Давно к нему никто не обращался по отчеству. Разве только когда работал, но это было давно.

– Вы меня не узнаете? – с улыбкой спросил мужчина.

– Сожалею, но нет, – ответил Сакин, посмотрев на стоящего перед ним человека средних лет с правильными чертами лица. Было что-то знакомое в этих чертах, но разве сейчас вспомнишь!

– Я – Камал Сайтов, помните, жил, правда, давно, у вас, в селе?

Он помнил юношу, худощавого, с черными густыми волосами, а увидев перед собой мужчину средних лет...

– Ты очень изменился, Камал.

– А вы – ничуть, – опять улыбнулся тот.

Оба действительно были рады неожиданной встрече. Говорили обо всем, за исключением разговора о Санам: Камал не задавал вопросов о ней, а Сакин не стал сам говорить о дочери. Камал не отпустил старика даже тогда, когда тот сказал, что ему необходимо посетить дом одного артиста.

– Я отвезу вас, – решительно предложил он. – На машине быстрее. Скажите куда.

Отказаться не было повода.

– Не понимаю, как эта тетрадка оказалась среди картин. Мы с женой их отбирали и складывали в коробки по одной, – удивленно произнес старик и, показав Камалу школьную тетрадь, положил ее на заднее сиденье.

Они ехали по узкой и темной дороге, с плотно примыкающими с двух сторон домами, которые, как скалы, нависали над ней. В машине тоже потемнело.

– В Европе у меня было все: работа с приличной зарплатой, дом, семья. Слово «семья» Камал произнес еле слышно, чтобы не причинить боль старику. – Но мне все время не хватало чего-то, я чувствовал отсутствие близких, любимых мне людей. Тоска стала невыносимой, и я решил вернуться домой. По приезду поручили руководить этой организацией. Начал работу с реконструкции объекта, переоснащении техникой, провел кадровую работу...

Завернув направо, они оказались на широкой и светлой дороге.

– Сакин Сахович, – он посмотрел на него печально и строго. – Мой отец не был против моей женитьбы на Санам, напротив, услышав о моем намерении, обрадовался. Просто он любил науку и образование не меньше, чем меня. У него на меня были свои планы – хотел, чтоб я стал ученым, добился того, чего он сам не смог добиться. «На счет Санам ты не беспокойся, – сказал он, провожая меня. – Я обещаю, что съезжу к ним в село и поговорю с ее родителями о вашем будущем, ты только учись, сынок, не думай ни о чем». Однако, я вскоре услышал, что Санам была выдана замуж, и, обидевшись на родителей, долгое время не писал им, не приезжал домой, пока не услышал о болезни отца.

Теперь они ехали по местности, которая больше походила на застроенное село: в нем мало было глиняных домов – всюду строения из красного кирпича, с необычной конструкцией крыш. Дома были обнесены, без надобности для них, очень и очень высокими оградами.

– «Сынок, мы с твоею матерью не виновны ни в чем, – хриплым голосом сказал отец. – Мы были в селе, как тебе обещали, хотели встретиться и поговорить с родителями Санам, но не встретились, посчитав, что нет необходимости в ней, узнав у некоего Джаббара, что Санам и Далер с детства посватаны друг другу, и даже дата их свадьбы намечена».

Машина остановилась возле большого элитного особняка. У двери, на длинном ларе сидел худенький, маленький человек, примерно одного возраста с Сакином. Его лицо – широкое, с выступающими скулами и плоским носом – было знакомо ему.

– Ты, как и она, не виноват ни в чем, сынок, – произнес Сакин, оценив искренность Камала. – В этой трагедии больше виноваты мы, взрослые. Прошу, не осуждай нас за это... Время было такое.

– Я считаю больше виновным себя, отец! Надо было мне рассказать родителям об обычае. Я скрыл, подумав, что лучше будет, если они посетят ваш дом, не зная об этом. Надеялся, что они уговорят вас. Теперь чувствую, что допустил ошибку, прежде всего перед Санам. И не успокоюсь, пока не буду прошен Санам лично, – произнес Камал решительно. – Могу ли я увидеть ее хоть один раз, Сакин Сахович?

Сакин не смог открыть дверь автомобиля – ее заклинило. Ему помог Камал.

– Думаю, да. У тебя есть возможность самому объяснить все Санам. Старик протянул ему пригласительный на свадьбу внука. – Санам женит сына. Полагаю, что она будет рада видеть тебя среди гостей.

– Я обязательно приду, – твердо заверил Камал. – Какое обнадеживающее имя у сына Санам – Умид.

Покинув автомобиль, они подошли к воротам. Человек продолжал сидеть на ларе. Сакин заметил, что его лицо было бескровно-бледным, а когда-то живые, зверино беспокойные черные глаза, потеряв былую живость, были как помутневшее стекло.

На зов вышел молодой парень, невысокого роста, не по возрасту плотного телосложения, в яркой, прилипшей к телу, одежде.

– Это вы искали Ахадбека? – обратился он к Сакину и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я его помощник и родственник. Вы, наверное, по поводу какого-то мероприятия, не так ли, отец? – поправил он золотую цепь на шее.

– Верно, сынок, седьмого числа свадьба внука, хотели бы, чтоб Ахадбек присутствовал, – коротко пояснил старик, почувствовав, что собеседник не намерен долго возиться с ним.

– Все ясно, – сказал он, потом живо достал из внутреннего кармана пиджака небольшой блокнот и стал что-то искать в нем: – Так, четвертое число... это пятое... шестое... вот и седьмое. Он ткнул пальцем в блокнот. – Сожалею, но на этот день у нас планы: мы собираемся в горы, – и он демонстративно закрыл свой блокнот, выражая этим, что плохи дела у старика.

– А нельзя ли отменить поездку, сынок? Очень надо, чтоб Ахадбек был на свадьбе!

– Все так говорят, отец. Но Ахадбек у нас один! – он будто стал выше ростом, тогда как старик, наоборот, – уменьшился. Ему показалось, что собеседник несколько рад такому развитию событий.

– Ладно, я поговорю с Ахадбеком, – сделав вид, что пожалел старика, сказал он. Через минуту он вернулся с нарисованной на лице улыбкой: – Я уговорил его перенести поездку с условием, что вы возместите расходы.

– Я согласен на все ради внука, – ответил старик, поняв к чему тот клонит.

– Однако, вы деловой человек, отец, – еще шире улыбнулся парень и назвал сумму.

– Скажите, кем приходится этот человек Ахадбеку? – спросил Сакин, протягивая ему банкноты и указывая на сидящего мужчину.

– Его дед, Джаббар-ака, – ответил тот, – он уже давно ничего не слышит и не видит после инсульта. Куда только ни отвозили на лечение – все напрасно. С утра до позднего вечера сидит тут, иногда даже не обедает, ждет чего-то. Жалко, что не полюбовался домом, который построил себе. Так желал этого. Разве вы знаете его?

– Да, мы когда-то вместе работали.

– А как вас зовут? – заинтересованно спросил тот.

– Сакин Сахович, – ответил за него Камал.

Старик увидел, как при этом имени неподвижное тело Джаббара вздрогнуло, ожило, задвигалось. При этом, он потянул свою руку, ища что-то перед собой.

– Невероятно, что он сам встал с места! – удивленно произнес парень. – Возможно, он вспомнил старого товарища. Подойдите, пожалуйста, Сакин Сахович, поближе к нему, может, он что-то хочет сказать вам.

Сакин, приблизившись, взял за локоть Джаббара, а тот кончиками пальцев руки провел по его лицу сверху вниз – его рука замерла на подбородке – он узнал его. Дышал он часто и глубоко, губы шевелились, будто он хотел что-то сказать. Сакин немного нагнулся к нему.

– П-прос-ти, Са-акин за по-оляну ри-исунков, за Са-анам, е-сли сможешь, – с трудом выговорил Джаббар. После чего, еле переставляя ноги, пошел в сторону дома.

Сакин простил бы его за все, готов был простить. Но мог ли простить за дочь, судьбу которой тот перечеркнул, и за наскальные рисунки, которые лежали грудой камней? Наверное, не имел права.

– Как тесен мир, – сказал Сакин, задумчиво садясь в машину. – Я никогда не думал, что на свадьбе моего внука будет играть внук человека, которого я не хотел встретить в жизни еще раз. Жизнь всегда преподносит сюрпризы, и не только приятные...

– Насколько я понял, это его встретили мои родители, вместо вас в селе, Сакин Сахович, – с укором произнес Камал.

– К сожалению, это так. Он тогда жил в селе.

– А что он имел ввиду, когда просил прощения за поляну?

– Это другая печальная история, к которой он также причастен, – ответил Сакин.

VI

– Однажды поздним вечером меня вызвали на работу... – начал свой рассказ старик.

– Срочное совещание, вас ждут, – спешно сообщил посыльный.

– Собрание проходит в вашем кабинете, – информировал Сакина вахтер у входа. В кабинете сидело много людей. В глубине, в рабочем кресле сидел Джаббар, справа – двое в белых рубашках и галстуках. Сакин узнал их – видел пару раз в областном управлении.

– Что за необходимость в совещании в такой поздний час? – непонимающе обратился он к своему заместителю.

– Сейчас все узнаете, товарищ Толипов, – холодно и резко ответил Джаббар. – А пока садитесь, – он указал на единственный свободный стул, стоящий посреди кабинета.

– Насколько я понимаю, пока что я руковожу этим учреждением и, думая, что мое место занято преждевременно, даже если вы уже все решили без меня, товариш Джаббар Максадович, – строго сказал Сакин.

Джаббар, поняв некорректность своего поведения, побледнел, встал с кресла и сразу направился в сторону маленькой трибуны. Он с волнением открыл совещание и потому, не затягивая, передал слово одному из гостей.

Гость долго говорил о задачах партии и правительства перед министерством, о роли руководителей в организации работы учреждения и, наконец, подробно остановился на деятельности руководителя.

– У руководителя не должно быть проблем ни на работе, ни дома, ни у родственников, – гость внимательно посмотрел на Сакина. – А у нас есть сведения, что у Сакина Саховича не все в порядке в семье. Нас волнует судьба его дочери, которая...

– ...Собрание избрало новым руководителем Джаббара Максадовича. Я, несмотря на уговоры коллег, решил посвятить свою жизнь творчеству, живописи. Еще тогда я знал истинную причину моего отстранения. Она не была связана с разводом дочери! Причина тому – протокол собрания, с решением которого я, будучи членом районной комиссии, не был согласен и не подписал. Тогда наскальные рисунки за поляной были определены как не имеющие исторической ценности. Такой документ давал право на проведение всех работ, в том числе и взрывных в этой местности. После моего отстранения сделали так, как хотели.

– Кому-то очень нужны были эти камни, и многим пришлось закрыть глаза на такое ценное наследие! – с сожалением сказал Камал. – Но не все так плачевно. Во-первых, уничтожено не все, во-вторых, у меня есть фотографии скалы до уничтожения – на ней все наскальные рисунки.

– Неужели прямо все рисунки? – радостно и удивленно спросил старик.

– Да. Помните, я попросил вас отвести меня туда?

– Я даже помню, что вместо себя отправил дочь, – ответил Сакин.

– Да. Мне очень понравились рисунки, потому фотографировал все: чувствовал, что они пригодятся для моей будущей научной работы.

– Спасибо Аллаху за помощь, – старик провел руками по лицу.

– И это не все, отец, – продолжил Камал. – В ходе исследования рисунков мы с коллегами пришли к выводу, что если в левой части скалы изображены сцены боев, а в правой – трудовая жизнь, то в середине, теперь уже уничтоженной, были рисунки любви, семейной жизни... Наши предки указывали нам, что главное в жизни человека на земле – любовь, семья и очаг – это и составляет основу жизни.

– Я молюсь Аллаху, чтобы он даровал тебе силу и здоровье, сынок, ибо тебе предстоит непомерная работа, – произнес Сакин.

– Я, если честно, намерен начать работу именно с этих рисунков, – ответил Камал. – С ними связана не только история наших предков, но и нынешняя жизнь.

– А я с помощью твоей фотографии смогу закончить свою картину о поляне.

VII

«Что тут может быть в маленькой тетради, которую оставил старик на заднем сиденье машины. Передам ему при встрече», – подумал Камал, заметив тетрадку, и бросил ее на столик рядом с диваном.

Через некоторое время, он снова посмотрел на зелененькую обыкновенную школьную тетрадь с таблицей умножения на задней и несколькими прямыми

линиями на передней обложке. Всем знакомы такие тетради, многим когда-то приходилось месяцами носить их в школу и из школы. Все старались на первых страницах писать красиво, последние часто оставались пустыми. Потому, особенно в старших классах, многие любили на последних страницах записывать свои секреты. Кто-то рисовал красивую даму (она не была похожа на тайно любимую девушку из параллельного класса, но такой она виделась). Другие ничего не рисовали, но писали инициалы: например, К. К. С. Эти три буквы не были простыми буквами. Иногда в тайне от других по зову души хозяйка открывала эту страницу, и буквы околдовывали ее, открывали ворота в мир беспокойных переживаний, мечтаний.

Камал, открыв последнюю страницу тетради, был ошеломлен увиденным рисунком на пожелтевшем от времени листочке. Рисунок был выполнен простым карандашом длинными грубыми штрихами, навевал печаль и воспоминания о прошлом.

На первый взгляд изображение больше походило на сцену из любовной драмы с открытым финалом: на поляне у подножия горы высокий молодой человек стоял чуть дальше, чем это полагается, от возлюбленной, стоящей под ивой. В чистой одежде, приподняв ногу, будто вынужден был, несмотря на мольбу девушки, покинуть ее и уехать далеко-далеко. Девушка вполне земная, выросшая, скорее, в сельской местности, стояла твердо и независимо. Повседневное крестьянское широкое платье не могло скрыть красоту ее фигуры, выступающую грудь, линии ее бедер.

К этим грубым штрихам, возможно, позже были добавлены мелкие, более тонкие линии, которые придавали картине светлость и мягкость, благодаря чему при внимательном рассмотрении картина теряла трагичность, безысходность положения и безнадежность. Молодое красивое лицо выражало суровую необходимость покинуть возлюбленную, но не навсегда. Лицо девушки было исполнено мягкими мелкими штрихами, выражало безграничную любовь, не требующую взамен ничего, даже какую-то деревенскую покорность, женскую преданность. Возлюбленная готова была ждать сколько угодно.

Камал знал, кому принадлежала эта школьная тетрадь, также знал, что рисунок был нарисован ею после последней их встречи. Рисунок взволновал его, и он невольно прижал тетрадь к груди. Он помнит, что по возвращению с поляны они задержались у ивы на несколько минут. Тогда он воспользовался моментом, чтобы поговорить с Санам. На то была причина. Нет, он не сомневался в искренности своей любви к ней так же, как и ее к нему. За них говорили их сердца, глаза и думы. Его беспокоили другие вопросы.

Камал боялся, чтобы Санам, послушная, даже в определенном смысле преданная родителям, в угоду обряду не пожертвовала своей любовью, скрыв или утопив ее так глубоко, чтоб никто не мог подозревать о ее существовании. Ее разум мог упрекать Санам, что позволила себе влюбиться, будучи посватанной. Она могла из последних сил обмануть свое сердце и поступить согласно обряду.

– Неужели нет ничего такого, чтоб не понравилось вам у нас? – спросила она, услышав его хвalebные слова о селе.

– Хочется сказать нет, – ответил он, изучающе посмотрев на нее. – Но это будет неправдой. Если честно, мне не нравится подобный обряд сватовства. Считаю неправильным связывать судьбы с колыбели. Что вы сами думаете об этом?

– Это очень старый обряд, люди придерживаются его в знак уважения предкам, чтобы не забыли о нем, хотя он немного устарел для его применения.

– Тем не менее люди продолжают применять его, – произнес Камал. – От чего зависит судьба человека, полюбившего засватанную девушку?

– Это редкий случай в нашем селе, – с волнением ответила она. – В таком случае, я думаю, все зависит от его готовности идти на все ради любви. А вы готовы на такой поступок?

– Да, – решительно ответил Камал. – Потому что я безумно влюблен в вас! Надеюсь, услышать слова взаимной любви.

– Я пришла сюда, хотя и не на свидание, но это говорит о многом, если бы вы были мне безразличны, меня здесь не было бы. Большого я не могу вам сказать, – ответила Санам.

– А я благодарен Аллаху, что наградил нас любовью, но этот обряд... – он замолчал.

– Да, я посвящена человеку, которого в жизни еще не выдела. Также не могу сказать, как отношусь к этому человеку. В этом вопросе я полностью положусь на родителей – как они решат, так и будет. Теперь вам понятно мое мнение и мое положение. Все зависит от наших родителей.

Камал почувствовал некоторое облегчение, радость и уверенность. Он до последнего момента боялся услышать о ее полной приверженности к обряду.

– Санам, я никому не отдам вас. Обещаю отправить к вам своих родителей, которые, я думаю, решат с вашими родителями все разумно.

На лице Санам появилась легкая улыбка.

– Обещайте, что будете ждать меня, потому что я вынужден на некоторое время покинуть эти края, – еле произнес он.

Санам ничего не ответила, лишь вынужденно кивнула головой и побежала в сторону села. Теперь улыбка на ее лице иногда походила на боязнь.

VIII

Один мой знакомый искусствовед говорит, что в будущем доминирующая западная культура, поглощая малые и слабые, станет всеобщей.

Я долго размышлял над его словами, а когда представил себе новый мир с похожими друг на друга странами, народами, обычаями, мне стало очень не по себе. Сразу возникли вопросы: «Зачем мы подражаем другим?», «Зачем стараемся быть похожими на других?», «Разве не в разнообразии красота мира?», «Кому не нравятся цвета радуги?», «Какой цвет получится, если мы смешаем все цвета вместе?», «Может ли полученный цвет быть лучше всех остальных, которыми мы любимся каждый день?».

Как бы он не протестовал, в день свадьбы Сакина одели в неудобную одежду, предупредив, что так надо, попросили постоять у входа в ресторан – встречать и приветствовать гостей. Приходили, в основном молодые, веселые, которые даже не замечали его присутствия. Женщины красивые, нарядные, с пышными волосами, старались не трясти головами, дабы не испортить прическу... Он не понял, для кого он стоял.

Не понял он также, когда ему сказали, что необходимо войти в зал, чтобы посмотреть вальс жениха и невесты. В большом, ярко освещенном зале играла неизвестная ему мелодичная музыка. Молодые мужчины, большинство в костюмах, женщины в одеждах, обнажавших их шеи, руки и часть груди, кружились, не переставая, – сначала вместе, затем она вокруг него, как спутник вокруг Земли. В целом, все движущиеся по залу пары напоминали ему солнечную систему, где звездами были разнообразные лампы. Старик вышел на улицу, на прежнее место.

– Как вам свадьба, Сакинбай-ака? – подошел к нему Ахад с сигаретой во рту.

– Необычная, – ответил он. В действительности старик не чувствовал ничего необычного, ценного, интересного, а видел малосодержательную грандиозность и яркость.

– Я хотел спросить у вас, Сакин-ака, кем приходится вам Камал Курбанович? Родственник или друг семьи?

– Родственник и самый близкий друг нашей семьи.

– Я так и подумал, – Ахад выпрямился во весь рост. – Это видно. Он сегодня совсем другой – какой-то добрый, мягкий. С того времени как он возвратился, первый раз его вижу таким. Он даже станцевал с вашей дочерью. Вон они разговаривают.

Старик посмотрел туда, куда указал Ахад...

Камал, указывая рукой то на запад, то на восток пытался объяснить Санам что-то важное, существенное, а она, видимо признав его объяснения верными, радовалась, смеялась, глаза ее горели счастьем.

– Кстати, они хорошо смотрятся вместе, – заметил Ахад, уходя.

Во внешности Камала мало осталось от прежнего молодого красивого практика. С возрастом лицо его возмужало и огрубело. Прежними старик видел только искрящиеся глаза.

Сакин стал свидетелем любви, которая выдержала трудное испытание времени. Она была пропитана радугой чувств горящих сердец, родственных характеров, близких суждений и стремящихся душ. Он зауважал настоящую любовь, как уважал обычаи.

Старику не чуждо было все это – он выработал с годами необходимые правила поведения. Со временем в их отношениях с женой исчезла грубость, души сроднились, стали созвучными чувства. Он теперь не замечал в жене ничего неприятного ему. Даже ее седина, ее морщины ему были близкими, родными. Без таких чувств старик вряд ли смог бы прожить с женой сколько лет бок о бок. Он не знал, как их назвать, да и не хотел называть их одним словом, ибо они значили для него очень многое.

Сакин, сам того не замечая, борясь с собою, стал жить, неохотно воспринимая прихоти молодых, не слишком им возражая. Он стал меняться, трудно расставаясь со старыми привычками и воспринимая новое. При этом он все время опасался, переживал, боялся, что, если так пойдет дальше, молодежь выйдет из-под контроля, перестанет уважать старших, забудет о национальном прошлом... «А какая участь ждет обряд сватовства с младенчества в будущем?..» – задавался он вопросом.

– Вы не представляете, как мне хорошо! – подойдя к нему, произнесла Мохина. Ее лицо сияло от радости.

– Я рад видеть тебя в таком настроении, – ответил он.

– Я бы не поверила, если бы не услышала своими ушами. Мать нашей невестки, оказывается, очень порядочная женщина, она так похвалила нашего Умида, что мне стало немного совестно за то, что раньше думала о нем нехорошо. И это не главное... – она посмотрела на мужа. Ее беспокойные глаза горели от радости. – Главное в том, что наша будущая невестка учится на агронома. Ее мать сказала, что дочь и наш внук после окончания института намерены переехать в село, чтобы жить и работать...

Жена говорила еще много чего-то важного, но старик уже не слушал ее. Радостное волнение передалось от жены, охватило его существо, он впервые заплакал открыто при жене...

Кто он – мой читатель?

Алла ШИРОНИНА

Ты научил меня бесстыдной быть:
слагать стихи, на ключ не закрываясь,
писать – как двигаться,
дышать и говорить.
И так пишу...
дриадой не скрываюсь,
не падаю в забывчивости с ветвей,
лишь бы упасть
скорей,
скорей,
скорее,
как иступлённая –
в мистерии кровей.
И плакальщиц умением не владею.

Не возношусь на огненном хвосте
кометы, гаснувшей за горным перевалом,
и не влекусь тшетой по борозде
за впёртым в землю стёршимся оралом.

Судьба кому-то Океан пахтать,
раскручивать времён тугие свитки,
а мне – стихами лёгкими болтать
служанкой муз на жёсткой римской плитке.

Алла ШИРОНИНА. Родилась во Фрунзе (ныне Бишкек, Киргизия). Окончила ТашПИ (ныне ТГПУ). Публиковалась в журналах «Звезда Востока», «Дружба Народов», альманахах «Молодость», «Балтика», в коллективных сборниках «Многоцветие», «Встреча». Автор книг «Балансир», «Высокие глаголы», «Корни». Живёт в Калининграде.

Донна Флор

И греховна, и безгрешна,
с прошлых лет и до сих пор
плачет горько, безутешно
по Гуляке донна Флор.

– Ах как хочется к родному
приласкаться и прильнуть!
Где весёлый мой Гуляка?
Ни окликнуть, ни вернуть.

Вот же выпала недоля –
ни прогнать, ни перемочь.
Ни словами, ни делами
не утешить, не помочь.

Отзвенел бубенчик-счастье,
пожалейте кто-нибудь,
дайте мерку-невидимку
прошлой радости черпнуть.

Чтоб в её воспоминанье
сопричастно пить любовь.
Quantum satis. На прощанье.
И ещё... и вновь... и вновь.

Пишу, пишу...
Но кто он – мой читатель?
Рождён вчера
иль с будущим придёт?
Вхож в узкий круг
иль ждёт как соискатель?
Какую Парка нить ему спрядёт –
шелковую,
кручёную,
простую?
Уже люблю, уже его целую
и на его настраиваюсь лад.
Пишу... пишу...
Надеюсь, будет рад.

А женщина? Судьба её какая?
Счастливая,
унылая,
больная?
Где исказилась?
Чем потрясена?
Свои крыла над нею простирая,
замкну в кольцо:
– Будь счастлива она!

Никто любви не стоит. Она случайный дар.
Прими её достойно – как молнии удар.

Пульсирующей венкой и хрупкостью ключици
подобна легионам флиртующих девиц,
пути не разбирая, не зная слова нет,
как дура молодая, она ташилась вслед.

Доступной притворялась – так принято теперь,
скулила и ласкалась, таинственная зверь.
Московскими дворами, ташкентской мостовой
стелилась под ногами, пылила за тобой.

Никто в неё не верит, никто её не ждёт,
покуда проходимка до сердца не дойдёт.

Кони мои

* * *

Может быть, я долго запрягала,
может быть, чужие алфавиты
с нашим по ошибке сопрягала
и была за это жизнью бита.

Шубка молью трачена бывает,
жаль, но музам непонятно это,
ведь они под солнцем изнывают,
там у них мифическое лето.

Вот и я потрачена немало,
хорошо – хоть ритмами богата.
Может быть, я долго запрягала...
Может, кони вынесут куда-то...

Проснуться памятью в рапсоду,
стать рукописью без помет,
открыть глаза, увидеть свет
своей звезды на небосводе.
...Звезды, которой больше нет.
С последней судорогой тела
его покинуть и взлететь.
Так птица, покидая клеть,
сначала робко, неумело,
но уж торопится запеть,
себя предчувствуя свободной
на ветке осени неплодной.

* * *

Какая тяга жить
и ласточками гнёзда
под крышами лепить,
любить и спать не розно!

Какой бы ни был срок
судьбою нам отпущен,
завязан узелок
и механизм запущен.

Какой Азеф следит
за нашими ночами,
какой нам стол накрыт,
кто плачет за плечами?

Узнаем не теперь.
Узнаем слишком поздно.
Сквозит. Закроем дверь
и будем спать не розно.

ЗАНАВЕС ПОДНИМАЕТСЯ

Фрагмент из истории «Большой игры»

Владимир ФЕТИСОВ

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?*

Редьярд Киплинг. «Баллада о Востоке и Западе»

Выражение «Большая игра», обозначающее противостояние Британской и Российской империй в Центральной Азии, ввёл в оборот британский офицер Артур Конолли. Впервые оно появилось на полях копии письма, отправленного британским посланником в Кабуле губернатору Бомбея в 1840 году. Вновь Конолли упоминает о «замечательной Большой игре» в одном из личных посланий к своему другу майору Генри Роулинсону, ставшему впоследствии известным востоковедом, экспертом по проблемам российской внешней политики на Востоке. В обиход же словосочетание «Большая игра» вошло благодаря Редьярду Киплингу, использовавшему его в романе «Ким» (1901 г.). Главные фигуры этой геополитической игры находились в Лондоне, Калькутте, Петербурге и Ташкенте. Азия была огромной шахматной доской, на которой разыгрывалась партия. Но те дерзкие офицеры – разведчики, путешественники, что рисковали жизнью, шаг за шагом продвигаясь к неизведанному, – были отнюдь не пешками.

По-разному сложились их судьбы. Одни стали широко известны благодаря художественной литературе. К примеру, судьба первого русского посланника в Кабуле Яна Виткевича, его дипломатический поединок с британским агентом Александром Бёрнсом и таинственная гибель вдохновили сразу трёх писателей – Юлиана Семёнова, Валентина Пикуля и Михаила Гуса. Другие стали национальными героями, как, например, Чокан Валиханов. Как знаменитые путешественники, географы и натуралисты известны Семенов-Тянь-Шанский и Пржевальский. Те, кто встал на сторону большевиков, – например, знаменитый описатель Бухары генерал Логофет или выдающийся востоковед Андрей Евгеньевич Снесарев, – оказались востребованными и осели в советских штабах, в то время как заслуги Юденича и Корнилова из-за участия в Белом движении на долгие годы были забыты. Многие стали жертвами сталинских репрессий, а кто-то навсегда остался за границей, как прославившийся в Памирских экспедициях этнический поляк Бронислав Громбчевский – «Дервиш Гиндукуша».

Владимир ФЕТИСОВ. Родился в 1952 г. в Ташкенте. Окончил ТашПИ (ныне ТТУ). Работает в компании UCell. Известный очеркист, автор статей об истории края и судьбах ташкентцев.

Начало «Большой игры» некоторые британские историки связывают с началом второй половины XVIII века, когда англичане приступили к полному покорению Индостана. Другие (и я в их числе) принимают за точку отсчёта эпоху Наполеоновских войн, когда русский император Павел решил совместно с Францией потрепать британского льва за загривок, нанеся удар по английскому могуществу в Азии. «Естественно, напрашивалась мысль о тесном сближении двух государств ради совместной борьбы, чтобы окончательно завоевать Индию – главный источник богатства и военной мощи Англии. Так возник великий план, первая мысль о котором, без сомнения, принадлежала Бонапарту, а средства к исполнению были изучены и предложены Павлом I», – пишут в своей «Истории XIX века» французские историки Эрнест Лависс и Альфред Рамбо. Мечты правителей двух мощных держав имели все шансы воплотиться в жизнь. В Индию должен был отправиться 70-тысячный русско-французский экспедиционный корпус с лучшими солдатами того периода – ветеранами египетских и итальянских военных кампаний и закалёнными в боях и походах донскими казаками. Такой мощи не смогла бы противостоять ни одна армия той эпохи.

Подготовка к походу была тщательно засекречена. Даже информация, передавалась через курьеров устно. С французской стороны был назначен прославленный генерал Андрэ Массена, а с русской – атаман войска Донского Василий Орлов. Орлов, правда, был уже немолод, и в поддержку к нему был направлен офицер Матвей Платов, будущий атаман войска Донского и герой войны 1812 года.

Поначалу всё шло гладко, но внезапно грандиозная затея оказалась под угрозой. Вмешался шотландский офицер Джон Малколм, ставший впоследствии видным британским политиком. В разгар подготовки кампании он склонил к союзу с Британией сначала афганцев, заключив с ними договор, а затем и персидского шаха, еще недавно бывшего союзником Франции. Наполеон от похода отказался, решив дожидаться более благоприятных времён. В июле 1807 года он вернётся к этой идее во время встречи с Александром I в Тильзите, но тот, в отличие от своего отца, Наполеона не поддержит.

28 февраля 1801 года Донское войско отправляется на покорение Индии. В своём письме атаману Орлову Павел I пишет: «...туда, куда вы назначаетесь, англичане имеют свои заведения торговли, приобретенные или деньгами, или оружием. Вам надо все это разорить, угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она у англичан».

Экспедиция, однако, не была должным образом спланирована. Никакой информации о путях через Среднюю Азию у Орлова не было. В то время это была неизведанная страна. В поход выступили в конце зимы, и путешествие через калмыцкие степи стало суровым испытанием даже для закалённых казаков. Заканчивалось продовольствие и фураж для лошадей, экспедицию ждала незавидная судьба, но вмешалось Провидение. В ночь с 11 на 12 марта 1801 года император Павел был убит. Наследник Александр приказал казаков вернуть, и 23 марта фельдъегерь из Петербурга, настигнув армию Орлова в селе Мачетном Саратовской губернии, вручил тому распоряжение нового императора. Так закончился первый поход русских войск в Индию. Вымыть сапоги в Индийском океане не удалось, но с тех пор «оборона Индии» от возможных завоевателей, в первую очередь от русских, стала основным кошмаром британской внешней политики.

Правда кое-какие основания для этого у англичан всё же были. Россия начала активно искать пути к Британской сокровищнице, налаживая отношения с центрально-азиатскими странами.

В 1819 году военным руководством России было принято решение отправить экспедицию из Баку к восточному берегу Каспийского моря. Задачи,

стоящие перед ней, были многообразны: географическое описание берега, разведка полезных ископаемых, изучение возможных путей в Индию и налаживание торговых и дипломатических отношений с туркменами и Хивинским ханством. Возглавил экспедицию майор М. И. Пономарёв.

К тому времени в Российской империи был уже создан орган, осуществляющий военную разведку. В 1810 г. по личному указанию Александра I была выделена особая секретная статья в бюджете военного ведомства и появилась «Экспедиция секретных дел при Военном министерстве», через два года переименованная в «Особенную канцелярию при военном министре». Эта организация – своего рода ГРУ XIX века – осуществляла свою деятельность в трёх направлениях: стратегическая разведка (получение информации из-за рубежа), тактическая разведка (сбор сведений о противнике на границах) и контрразведка (борьба с вражескими агентами внутри Империи). Поэтому в состав экспедиции Пономарёва был включён офицер Генштаба капитан Н. Н. Муравьёв. Герой Отечественной войны 1812 года, участник взятия Парижа, дипломат и военный топограф, он к этому времени совершил несколько секретных миссий в Персию под видом мусульманского паломника. Именно ему было поручено составить географическое описание Каспийского побережья, исследовать возможный путь в Индию, наладить контакты с туркменами и хивинцами и попытаться заключить с ними торговое соглашение. Кроме того, разведать, нет ли попыток англичан распространить своё влияние в этом регионе.

Это была не первая попытка наладить отношения со среднеазиатскими странами. В сентябре 1716 года царь Пётр отправил в Хиву и Бухару князя Бековича-Черкасского с шеститысячным войском для склонения среднеазиатских ханов к принятию русского подданства, разведки путей в Индию и поиска в тех местах золотых месторождений. Поход закончился трагически: всё войско Бековича было уничтожено с помощью азиатской хитрости, Бекович был обезглавлен, а его кожу натянули на барабан. «Пропал, как Бекович» – такая поговорка появилась после этого в России.

28 июля 1819 года экспедиция Пономарёва на двух судах «Казань» и «Св. Поликарп» высадилась на туркменском берегу и в течение полутора месяцев обследовала побережье. Муравьёв составлял карты, общался с вождями туркменских племён, уговаривал их сопроводить его в Хиву. «Во все время поездки моей ходил я в Туркменском платье и называл себя Турецким именем Мурад-бек; сие имело для меня значительную выгоду, потому что хотя меня и все в кербане знали, но при встречах с чужими я часто слыл за Туркмена поколения Джафарбай и тем избавлялся от вопросов любопытных», – пишет Николай Николаевич в своей книге «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах».

Затем Муравьёв, взяв с собой переводчика, денщика и нескольких проводников, отправился в Хиву. 5 октября им были достигнуты границы Хивинского ханства и отправлено письмо ханским чиновникам о прибытии русского посольства. После чего Муравьёв со спутниками были препровождены в небольшую крепость Иль-Гельды, в которой провели в томительном ожидании больше месяца. Лишь 16 ноября было получено приглашение хана посетить один из самых неизвестных и таинственных городов Азии – Хиву. Переговоры с первым визирем, диван-беги (главой совета), а затем и с самим ханом закончились успешно. На Кавказ с ответным визитом было отправлено посольство Хивы. Кроме того, был заключён торговый договор. Не удалось лишь добиться военного соглашения.

За время пребывания в городе русский посланник внимательно изучал быт и нравы его жителей. Страшное впечатление произвели на него русские невольники, томящиеся в рабстве. В Хиве Муравьёв отдал отремонтировать сломавшееся ружье. Перед самым отъездом, решив проверить его, нашёл в дуле

следующее послание: «Когда уже совсем сбирались в дорогу, я хотел его зарядить, но дух в левый ствол не пошел; я приказал его вычистить, и вытащили из него свернутую бумагу. Когда все разошлись, я развернул оную и нашел в ней следующее. “Ваше Высочество, осмеливаемся вам донести: российских людей найдется в сем Юрте тысячи три пленников и, претерпев несносные труды, глад и холод и разные нападки, сжальтесь над нашим бедным состоянием, донесите Его Императорскому Величеству, заставьте вечно молить Бога есмь пленник”». И для Муравьева стало абсолютно ясно: чтобы покончить с рабством в Хиве и Бухаре, Российской империи следует подчинить их силой оружия.

В январе 1820 года экспедиция прибыла в Тифлис и представила наместнику на Кавказе А. П. Ермолову свои отчеты. Итоги миссии были оценены высоко, и 4 мая 1820 года отважный разведчик был произведен в полковники. Через два года по результатам поездки в Хиву был издан 2-х томный труд Муравьева, в котором содержались ценнейшие материалы политического, географического, экономического, этнографического и военного характера. Во время этого путешествия были проведены первые в истории научные археологические раскопки в Средней Азии в городище Гюшим-тепе близ Атрека и сделан ряд интереснейших наблюдений.

Мечта Муравьева о покорении среднеазиатских ханств и освобождении рабов осуществится нескоро. Но попытки решения этой проблемы предпринимались неоднократно.

В конце ноября 1839 года из Оренбурга в поход на Хиву выступил военный отряд численностью в 6,5 тысяч казаков. Возглавил его оренбургский военный губернатор генерал Василий Алексеевич Перовский, внебрачный сын графа Алексея Разумовского, герой Бородинского сражения, сторонник активной политики России в Средней Азии. Адьютантом у Перовского служил один из умнейших и образованнейших молодых людей того времени ссыльный поляк Ян (сослуживцы называли его Иван) Виткевич. Свободно владеющий несколькими восточными языками, Ян выполнял по поручению губернатора секретные миссии разведывательного характера, отправляясь с торговыми караванами в близлежащие ханства. Там он занимался сбором информации о положении дел в Средней Азии, о взаимоотношениях между Кокандским, Хивинским ханствами и Бухарским эмиратом, об отношении их правителей к России и Британии.

Приведу отрывок из донесения Виткевича оренбургскому губернатору: «Ныне власть и влияние нашего управления простирается почти не далее пограничной черты Урала и не внушает ни кайсакам, ни областям Средней Азии особенного уважения. С нашего каравана взято хивинцами с одних бухарцев на 340 бухарских червонцев, или на 5440 рублей. С татар наших берут, как известно, вдвое против азиатцев... У татар наших развязывают тюки, бьют людей и собирают с неслыханными притеснениями и злоупотреблениями; из развязанных тюков хватают и ташат товары во все стороны... Если посмотришь своими глазами на эти самоуправства, о коих у нас едва ли кто имеет понятие, то нисколько нельзя удивляться застою нашей азиатской торговли. Хивинцы ездят по Сырдарье до самого Ак-Мечета Ташкентского, где отделяется Куван от Сыра, и грабят беспощадно чумекейцев наших, которые зимуют

В. А. Перовский,
портрет работы К. Брюллова,
Третьяковская галерея

здесь и прикочёвывают на лето к Оренбургской линии между Орска и Верхнеуральска. Ныне же насилие это вошло в употребление, и наши так называемые подданные (киргиз-кайсаки), будучи с нашей стороны освобождены от всякой подати и в тоже время подвергаясь по беззащитности своей всем произвольным притеснениям и поборам хивинцев, поневоле повинуются им более, чем нам, и считают себя более или менее подведомственными хивинскому хану».

**П. А. Чихачёв,
70-е годы, XIX век**

Именно бесчинства поощряемых хивинским ханом Алла Кулом разбойников на караванных путях, набеги на российские владения послужили одной из причин Хивинского похода русского отряда. Преследовались и другие цели: освобождение российских пленных из рабства, смещение тогдашнего хивинского хана и возведение на престол более лояльного к России правителя. Ставились и научные задачи – исследование Аральского моря и составление географических карт. С этой целью к отряду присоединился географ и путешественник, вольноопределяющийся отставной ротмистр Платон Александрович Чихачёв, впоследствии видный учёный-географ, путешественник и альпинист. Причём для Чихачёва Хива не являлась конечной точкой пути. Далее он должен был совершить длительную и чрез-

вычайно опасное путешествие через Памир и Тибет в Индию.

На него была возложена миссия по исследованию ближайшей к русским пределам горной страны Памира. Оттуда через Тибет Чихачёв предполагал тайно проникнуть в британские владения в Индии с разведывательными целями, после чего вернуться в Российскую империю с отчетом и географическими картами. Военное руководство страны было крайне заинтересовано в этой миссии. Однако тогдашний осторожный, мягко говоря, министр иностранных дел Карл Нессельроде, опасаясь резко негативной реакции Британской империи, добро на этот план не дал.

Для Российской империи поход закончился плачевно. Незнание местности, суровая зима и постоянные стычки с превосходящими по численности хивинцами привели к тому, что войска вернулись в Оренбург, потеряв в походе около 1 300 человек преимущественно из-за холода и болезней. Но были некоторые плюсы. Несмотря на неудачу Перовского, Алла Кул-хан не захотел дальнейшего обострения отношений с Россией и, как покажут дальнейшие события, прекратил набеги и пленение русских подданных.

Научные же результаты метеорологических наблюдений, с таким трудом добытые Чихачёвым, были высланы им во Францию и опубликованы в Трудах Парижской Академии наук. Спустя пять лет Перовский и Чихачёв станут у колыбели Русского Географического Общества.

Известие о намечающемся походе отряда Перовского сильно встревожили англичан, и в Хиву со специальным заданием был отправлен британский дипломатический агент Джеймс Абботт.

Впрочем, это уже совсем другая история.¹

¹ Источниками для очерка послужили следующие материалы: 1) Лависс Эрнест, Рамбо Альфред Никола. История XIX века. Том 1: Государственное социально-экономическое издание, М. 1938 г.; 2) И. Ю. Иголкин. О походе русско-французских войск в Индию. Вестник Воронежского гос. университета. Выпуск № 2-1 / 2007; 3) Захарын И. Н., Граф В. А. Перовский и его зимний поход в Хиву. – СПб., 1901; 4) «Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно», 1836, из книги «Записки о Бухарском ханстве». М. 1983; 5) Хргиан А. Первый русский путешественник в Андах. С. 156–163 / Побежденные вершины. Сборник статей об альпинизме. Выпуск за 1972 год. – Москва: Мысль, 1974.

ВЕЧНОЕ БЕСПОКОЙСТВО ДУХА

(несколько замечаний о творческих поисках молодых художников Узбекистана)

ВЛАДИМИР КАРАСЁВ

Трудно сказать, когда человек впервые задумался, выражаясь евангельским языком, «откуда он пришёл и куда идёт?». Вероятно, как только он научился выражать свои мысли и чувства посредством знаков и символов.

Всматриваясь в видеоживопись Гайрата Ибрагимова, чувствуешь, что эти работы очень молодого художника дают повод поразмышлять о предназначении «нового» искусства, а точнее – того нового видения окружающего мира, которое не свойственно было нашему, пусть и недавнему, времени.

Я не намерен разбирать эпизоды, кадры и колористические живописные решения. Тем более что новый мир потребителя искусства хочет видеть и новые, может быть, даже диссонансные манеры живописи и видеоряда. Мне, как историку и археологу, важны логика творчества и смыслы результатов. Тем более что человек, идя на «свидание» с произведениями искусства, не идёт задавать вопросы. Он жаждет в творениях мастеров найти ответы на свои жизненные вопросы. Им (художникам) сам Бог вручил талант познания, а зритель ждёт их ответов. Поэтому я буду рассуждать как историк, стоящий перед видеоживописным полотном молодого Ибрагимова.

Изречение дельфийского оракула «Познай самого себя» стало со временем как бы отправной точкой всякого рассуждения о познании мира. А не над этим ли работают все художники за всю историю живописи? А не это ли является вообще смыслом их творчества? Сократ был первым, кто воспринял этот призыв по-настоящему глубоко, в самом себе он обнаружил «нечто демоническое» (божественное), выходящее за пределы бытового эмпиризма. Диоген считал, что не всё легко наблюдаемое и поддающееся опытной проверке адекватно выражает реальную действительность. Антропологическая проблема воспала философовское любопытство Паскаля, вдохновителя Державина...

Размышления над вопросами, касающимися происхождения и предназначения человека, чрезвычайно важны, ибо от ответов во многом зависит наше отношение к жизни.

Гораций называл золотую молодёжь, которая окружала Августа, «пороссятами из Эпикурова стада» за то, что они превратили гедонистическое учение Эпикура в философию кутежей и разврата. Но в основе этического учения

Владимир КАРАСЁВ. Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

Эпикура лежит материалистическая философия Демокрита. Эпикур понимал наслаждения несколько по-иному, чем золотая молодёжь, окружавшая Августа. Цель жизни – избежать страданий. Для этого необходимо практически устранившись от дел. Но очевидно, что эта философия может привести и к противоположному выводу: наслаждений можно достичь, участвуя в жизни самым активным образом. Правда, в этом случае, возможно, придется часто «наступать на хвосты и головы» своим ближним, но стоит ли беспокоиться об этом, если моральной ответственности при жизни можно избежать, а смерть делает, в сущности, бессмысленным как добро, так и зло!

Преодолевать подобные стереотипы, как это пытается своей оригинальной работой сделать Гайрат Ибрагимов, трудно, небезопасно и по большей части неблагодарно даже для опытных и зрелых художников. Конечно, для этого понадобятся годы неимоверных трудов, ошибок, формирования новых взглядов на национальные особенности культуры.

Для меня представляется убедительным утверждение о **подсознательной мотивации художественного образа, где внутренние национальные установки (скрытые каноны) доминируют над идейным алгоритмом, над живописными школами, над желаниями и формой произведения художника.** Оттуда – из глубин внутреннего самосознания – вопреки желанию творца эта этническая доминанта всплывает явственно и объёмно, обнажая весь духовный багаж живописца. Как бы автор произведения ни пытался за внешними масками «эпикуриться», «его подноготная», генетически заложенная Творцом, явит истинное лицо. От этого «Я» никуда не скрыться, не убежать в разнообразные «измы», не прикрыться модными «teachings» или «manifests».

Примером демонстрации скрытой внутренней психогенетики могут быть работы Гайрата Ибрагимова из серии «Эффект негативного позитива». Именно там молодой художник, сам того не осознавая и считая, что он открывает **нечто** новое в живописном искусстве, на самом деле бессознательно выплёскивает на холсты внутренний негатив неудовлетворённости, неустроенности и того ничтожного комплекса, о котором он и сам не подозревает, а он-то – комплекс – берedit его душу, тревожит его совесть, рождает внутренний страх, что он, самостоятельный художник, «творец прекрасного», может так и остаться в тени авторитетов, и оттого может оказаться вовсе не услышанным целым миром. Художник посчитал, что, показав мир в негативном состоянии, как он воспринимается внутренним сознанием, да ещё при этом расщепленным какими-то тёмными, ядовитыми красками, он нашёл «новое слово» для самовыражения. На самом же деле – это был диагноз!

Новая форма самовыражения появляется у настоящего художника только тогда, когда им уже исчерпаны все знакомые, опознанные им классические реалии, высказанные языком живописи, бессильные отразить тот внутренний огонь творчества, пожирающий сознание maestro изнутри, и когда появляется страх остаться немим, безгласным, невысказанным и неслышанным. Художник не может работать в стол, как это часто случается с рукописями литераторов. Его рассказы, повести и романы – на холстах и графических листах. Они создаются для сиюминутного прочтения, ибо завтра у этих произведений будет уже иной смысл, другое иносказание!

Но, аллилуйя! – Гайрат вовремя остановился, не позволив прогрессировать распаду внутреннего художественного образа. Вот именно в этом-то

и заключена та генетическая константа, которая не позволяет действительно талантливой личности увлечься процессом самоуничтожения. Те же, у кого эта связь нарушена, обречены, и примеров тому в истории искусства тьма...

То, что мы вздохом провозглашаем сегодня «актуальным искусством», на самом деле трудно назвать искусством. Сегодня у нас нет того запала свободымыслия, который требовался творческому гению каждого истового творца. Вот это было тогда актуально. Актуально это и сейчас, и всегда. Поиск новых возможностей всегда строится на предшествующей базе, вобравшей в себя опыт тысячелетий, и, пройдя через нерв художника, выбрасывается на иные, новые уровни совершенства.

В самом начале ушедшего века Ташкент и Самарканд были колыбелью нового художественного движения во всём Туркестане. Искусство из мастерских художников выплеснулось на площади и улицы, «граждане становились соучастниками рождения нового человека будущего»!

...Первые «гвардейцы» футуризма, которые являлись для последующих авангардистов истинными апостолами нового искусства, бойко декламировали: «Чёрный квадрат – гибель ада, подпустим в кровь врагов яда!» И как ни пытался Иегуда Пен направить этот оптимизм «Левого искусства» в русло академизма или хотя бы его переосмысления в традиционных постулатах живописи, все его устремления потерпели фиаско. Эль Лисицын, Вера Еромолаева, Марк Шагал, Лазарь Моисеев, Казимир Малевич были захвачены всё смывающим водоворотом новой истории.

...Если национальный идеал понимался достаточно широко, то национальный антиидеал – то, от чего отталкивались писатели, художники, – всегда был в той или иной мере устойчив.

И всё же я буду говорить о национальном идеале в работах Гайрата Ибрагимова, хотя он и менее определён, чем антиидеал. Что бы там ни говорили, национальные особенности – достоверный факт, хотя «двойная жизнь» культуры так же обычна, как двойственность человеческой личности, ибо национальная культура тоже воплощение личности (самое время кому-нибудь позубоскалить надо мной!).

Идеал – мощный регулятор жизни¹, но при этом далеко не всесильный. Силы идеала, пробиваясь к своему осуществлению, встречаются с сопротивлением «культурной материи», которая может заставить большой парусный корабль культуры лечь в бейдевинд.

Относится ли сказанное только к реалистической живописи XIX – начала XX вв.? Я очень ценю живопись различных направлений, но должен сказать, что «искусство чистой живописи», какой мне представляется живопись «Бубнового валета», «Ослиного хвоста», «Голубого рышаря» и др., меньше связана с национальными чертами того типа, о котором я только что говорил, больше – с русским «материальным фольклором»: с искусством вышивки, вывески, глиняной игрушки и вообще игрушки, поскольку в этой живописи много игровых моментов, много выдумки, вымысла. Выверт для этого искусства – похвала, потому что оно насквозь озорное и весёлое. Не случайно это искусство требовало выставок, шумных вернисажей. Его надо было демонстрировать на большой публике, оно должно было поражать и вызывать толки. В русской культуре начала XX века вообще было много маскарадного и театрального, что точно подмечено Анной Ахматовой в «Поэме без героя».

¹ Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту. 1970. С.40.

В древнерусском идеале была какая-то удивительная свобода от всякого рода претворения в жизнь, хотя жили и воплощались и высокие идеалы святости и нравственной чистоты. Убивало все эти претворения искусство, ставшее творением нового смысла, а по сути – политическая культура (радикальная культура + косная власть).

Вот тут-то как спасение к нам и приходят тени тех, кого мы и не знали, но чувствовали или догадывались об их существовании, пусть даже в невообразимом для нас прошлом.

Явление авангардизма в среднеазиатском мире – это А. В. Николаев (Усто Мумин), бывший когда-то учеником Казимира Малевича, Александр Волков, один из основателей художественной узбекской школы, Урал Тансыкбаев, норотивший якобы уйти от импрессионизма в иные пейзажные (многозначительные) дали и, конечно, Надежда Кашина, витавшая в небесных горизонтах живописной иносказательности.

У полёта есть особенность – либо пикировать, либо взлетать ещё выше. Вспомним работы Александра Волкова «Лежащий натурщик», «Рядом с Шер-Дором» (1928 г.) или «Багряную осень» (1931 г.) Урала Тансыкбаева – кто смог более чем за половину столетия приблизиться к высотам духа этих мэтров?

Н. Г. Карахан, И. М. Мазель, А. В. Шевченко, Е. Л. Коровой, М. И. Курзин, К. Н. Редько, В. М. Юститский, А. Юсупов, Л. С. Попова, М. К. Соколов, Н. М. Григорьев, В. В. Рождественский, Л. Г. Бакулина, Н. П. Тарасов, И. В. Савицкий, Р. Р. Фальк – это золотой фонд раннего авангарда Узбекистана.

Человек творит в какой-то очень высокой точке своего развития, в точке, которая достигается тогда, когда материя непостижимых для нас пространств, внутри которых человечество живёт, сознательно способствует этому созидательному процессу. Иначе нельзя объяснить вдохновение, когда не художник творит кистью на холсте, а некая сила, мыслящий дух...

Мыслящий дух при этом жертвует самим собой: в этом процессе он не может сохраниться. Но его самопожертвование совершается во имя долга перед Природой. Человек через мыслящий дух возвращает Природе старый долг. Когда-то во времена своей молодости Природа породила в человеке этот мыслящий дух. Теперь мыслящий дух, жертвуя собой, возвращает Природе юность, состояние, в котором она способна снова начать грандиозные циклы своего развития...

Внимательно анализируя видеоживописную работу Г. Ибрагимова «Дух времени», я подумал, что именно таким образом автор пытается охарактеризовать своё восприятие и понимание преемственности искусства. Основной задачей молодого художника было осмысление поступательного движения национальной художественной культуры от одного уровня к другому, более высокому, современному, на котором она и может обрести себя как подлинная историческая реальность. Разумеется, решение этой задачи под силу зрелому теоретическому знанию, вооружённому прогрессивной концепцией общественного развития. Вызванная к жизни конкретными условиями современного культурного процесса, а именно необходимостью уяснить и способствовать решению на практике (как это пытается сделать Гайрат) проблемы ускоренного развития культуры, узбекистанская эстетика призвана стать деятельным, активносозидательным знанием. Способность видеть в духовной жизни народа процесс, движение должна сочетаться в ней с умением

выявлять актуальные проблемы развития, самостоятельно их осмысливать. Она не может быть неоткрытой – не реагирующей на искания новых выражений художественной культуры системой. Преодоление локальной замкнутости, выход к темам и проблемам, имеющим общечеловеческое значение, навыки мышления в масштабах крупнейших историко-культурных категорий должны сочетаться в ней с умением критически анализировать существующие представления и в необходимых случаях вести полемику.

Несомненно, создавая свою работу, Ибрагимов и не подозревал, что примененная им подача художественной идеи выведет его на новые уровни эстетики. Именно эстетика, считаю я, как компонент национального самосознания, остро нуждается в определении таких параметров художественной культуры, как начало, основные периоды её развития, связи и взаимодействие с другими культурами и, наконец, связь с современностью.

Национальное своеобразие искусства – понятие широкое и не может сводиться к поиску уникальных и неповторимых черт. Культуры не только отличаются друг от друга колоритом местных красок. Общих элементов художественной культуры, присущих искусству всех народов, гораздо больше, чем специфических. Говоря «это только наше», мы в подавляющем большинстве случаев лишь обнаруживаем свою недостаточную осведомлённость в историческом и современном содержании искусства других народов. Не менее ошибочно сравнивать национально-художественные миры с системами, располагающими одними и теми же элементами и разнящимися только организацией этих элементов внутри систем.

Крайностей первого случая придерживаются релятивистские школы в современной этносоциологии, констатирующие kaleidosкопическое множество не сводимых к «единству» культур. Методологические принципы второго порядка характерны для компаративизма.

Компаративистика позволила получить большое количество свидетельств, говорящих о родстве, идентичности по ряду показателей различных культур народов мира. Однако при этом ускользает главное – единство мирового культурного процесса, живое, развивающееся единство, а не арифметическая сумма художественных культур. Недостаточность компаративистского подхода в том, что факты художественной культуры рассматриваются вне исторического контекста их возникновения и существования. Сравняются конечные (на сегодняшний день) результаты. Следуя этим путём, можно, конечно, воздвигнуть гипотетический храм единой мировой культуры. К этой эстетике стремятся Баходир Джалалов, Александр Тюрин, Виктор Апухтин и Вячеслав Ахунов. Но, для того чтобы переступить некий эстетический порог (превратить скалу в камень, дерево – в столб, почву – в кирпич) и получить таким образом строительный материал, придется претерпеть исчезновение природы – это очевидно (из скалы уходит природа, из дерева – соки, из почвы – влага).

Вот на какую очень сложную стезю вступил наш молодой художник Гайрат! Ничто не хранит в себе скрытую тайну, всё открыто взору. Если В. Г. Белинский говорил, что тайна национального не в кухне, не в одежде, а в манере понимать вещи, то М. М. Бахтин убеждает: «тайна» национального и в кухне, и в танце, и в национальном Бахусе, и в национальном Эросе; весь «материально-телесный низ» и весь национальный космос пронизаны полуденным светом единой национальной «манеры понимать вещи».

В тех случаях, когда художник вживается в создаваемый предмет, он увлечается настолько, что в хвале и хуле теряет чувство дистанции, становясь либо агентом объекта осмысления, либо его эмпирическим ниспровергателем. Но этому состоянию ни в коей мере не противоречит связанная с общими побудительными мотивами гражданская заинтересованность художника в судьбах родной культуры. Молодой Ибрагимов смело перешагивает через стереотипы. Более того, его мировоззренческие интересы и составляют сферу человеческих эмоций, без которых не может быть человеческого искания истины. Таким образом, осмыслить своеобразие искусства того или иного народа – значит уловить главную характеристику этого искусства, которая включала бы единство общечеловеческих и самобытно-национальных черт этого искусства, а также исторический и современный художественный опыт в его динамичном процессуальном состоянии. И думается, что вечное беспокойство, глубинные эмоции Гайрату Ибрагимову удалось визуально воплотить.

Ассоциативный круг эмоций у зрителя, вызываемых работой «Дух Времени», ясен и адекватен нормальному восприятию прекрасного, точно так же, как традиционный танец или классическая музыка. Кстати, и музыкальное сопровождение подобрано, исходя из эстетически понятных ценностных критериев.

В мире, в котором существует молодой художник, ему приходится преодолевать массу условных барьеров, возведенных не в одночасье. Они существовали и рождались в казарменно-братском общежитии, оставившем след в душах многих поколений в виде того «соцреалистического» наследия, в котором воспитывались мы все.

Индивидуальные таланты в «Узбекистанской артели живописного искусства» всё же пока ещё существуют! Несомненно, что им трудно выжить в системе, где чиновники пытаются указать художнику, как надо изображать руку или лицо выдуманного персонажа или героя, а скульптору рассказывают, как надо лепить коленку... Они, художники, в одиночестве замкнулись в своих «мирах», ограниченные стенами мастерских, им не хватает воздуха, пространств выставочных залов. Потеряются ли произведения Гайрата в выставочных пространствах? Думаю, что нет, если полотна востребованы хотя бы десятком зрителей.

...Думаю о бессмертной жизни искусства. Искусство позволило человеку разумному стать истинно разумным. Истинное искусство, как писал Аристотель, «...подражает природе». По его теории искусству необходимо адекватное отображение действительности, творческое воображение и идеализация действительности. Вот так – ни больше и ни меньше! Именно в этой связи, мимесис в искусстве является приобретением знания и возбуждения чувства удовольствия от воспроизведения, созерцания и познания предмета. Это реалистическое искусство, которое сегодня «радует взор», в то же время заставляя заглянуть куда-то вглубь подсознания художника. Благодаря этому в работах, например, такого художника, как Александр Тюрин, у которого портретный идеал достиг высокого интеллектуального совершенства, в пространственных инсталляциях Баходира Джалалова или экспериментах Инны Васильевой, пытающейся «осюжетить» натюрмортные полотна, мы часто не находим отображение самих предметов и явлений действительности с академической точностью, а видим передачу своего восприятия мира, объектов

и даже овеществление идей. Именно это в их творчестве и есть глубокий impression. А это уже настоящий, не надуманный искусствоведами, авангард!

Сегодня на все лады говорят о ренессансе центрально-азиатской живописи, о возрождении традиционных постулатов изобразительного искусства. Скорее, это очередной завуалированный миф о качественном развитии художественных форм. Ренессанс, или Возрождение, – термин, который стал применяться в XVI веке и подразумевал возвращение к истокам классической Греции, но проекция его (Возрождения) на среднеазиатскую почву должна бы, вроде, подразумевать воскрешение из небытия социалистического реализма или классического европейского искусства позднего средневековья. На самом же деле никакой гибели классической европейской школы живописи, которая уютно приспособилась к атмосфере Евразии, не было. Даже тот, казалось бы, загнанный в глубокое подполье азиатский авангард, никогда не умирал, не сходил *на нет*. Он жил своей интенсивной внутренней жизнью.

В узбекском искусстве изобразительных течений то, что можно было бы назвать существенным творческим объединением единомышленников, к наступающему столетию так и не родилось. Есть, правда, нечто такое, что и объединением назвать можно с натяжкой. Это «Арт-трио», построившее свои работы на манер популяризации гиперреализма, или группа «Батик», закомплексованная на возрождении уже отжившего ручного труда разрисовки скроенных тканей. Увы, это не более чем форма артели по сбыту безымянного продукта, который нам пытаются «втюрить» как высокое искусство. Разумеется, я не отрицаю возможности существования подобного потребительского искусства. Это как *кич* или *примитивизм*, которые тоже имеют право на существование. И только...

Последние десятилетия XX века знаменовались попытками создания таких художественных объединений, как «Группа 23» или совсем недавний «Караван».

Под заботливым крылышком Эльмиры Р. Ахмедовой появилась группа, провозглашающая себя «новыми актуалистами». Провозглашая себя апологетами другого искусства, эти певцы мусорных свалок, никак не хотят понять, что «*другое искусство*» – это уже не искусство, а что-то другое!

Всматриваясь в видеополотна Гайрата Ибрагимова «Интерпретация. Дети песков», арт-демопроект «Туркестанский ремейк» – «Гены Туркестана» или «Дух степи», «Прорыв», я вижу не столько конкретные объекты, сколько всеобщие качества вещей, мир абсолютного пространства и времени, вечного странствия. Именно поэтому эти образы оставляют ощущение ирреальности. Художника не интересуют внешние обстоятельства действия, но лишь субъективная точка отсчёта – *отсюда* лежит путь. Г. Ибрагимов сохраняет изолированность образов, но, располагая их по невидимой смысловой оси, добивается эффекта единства. Европейские языки живописи практически не допускают подобной равномерной изоляции образов, смешения буквального и метафорического, подобного эффекта единовременности. Пробуждаемый своеобразным резонансом пейзажных образов, этот эффект нарастает crescendo вместе с плоскостью расsvеченного холста, пейзажи перемежаются с видеообразами.

Трагедия наших молодых художников заключается в том, что общество погрязло в идее жертвенности (в её трансформированном виде), которая

эксплуатировалась и насаждалась сталинизмом. Разве разработчики «казарменного социализма» не призывали к аскетизму и отречению? Кто, как не они, предлагал сложить жизнь к подножью будущих поколений во имя сияющих вершин? Разве им не доставало аргументов для обоснования жертвенного служения высоким идеалам?

Была жертвенность, были жертвы... Опозоренные смиренно склоняли головы. Миллионы шли на Голгофу, уверенные в грядущем торжестве намеченных целей. Как измерить цену утраченного, рухнувших святых надежд? Нужны ли искупительные жертвы, чтобы торжествовало зло? Не расплачиваемся ли мы за тупую покорность, за ооченение мысли и чувства?

Такие отличающиеся смелостью нового взгляда на огромный мир молодые люди, как Гайрат Ибрагимов, смогут воплотить наше время, наши идеалы в своих полотнах. Они не будут доставать из сундуков фотографии прапрабабушек (к тому же чужих и незнакомых), чтобы творить ремейки, а создадут современное видеоживописное искусство. Новое! Может быть, не совсем понятное нам, но, безусловно, нужное искусство. Это вам не игра в искусство с фотографиями на компьютере.

Молодой человек, который сегодня ставит вопросы, размышляет о былом и будущем без иллюзий и надуманных лозунгов, который хочет разобраться и понять, что же такое – это национальное, сегодня демонстрирует свои творческие искания и пробы. Да, может кое-что и не нравится в его видеоарте, но он показывает труд своего сознательного поиска, смысл своего внутреннего состояния, результат озарения души. Удивительное состояние иллюстрируют работы этого молодого человека «Гранатовый диалог», «Восточные мотивы II», «Корабль Ноя», «Дворик», «Встреча в пути», «Троица» и др. Потому-то его работы достойны самой высокой оценки. Эта оценка – залоговое требование к его будущим произведениям, знак того, что мы знаем и видим результаты его трудов, требуем от него дальнейших настоящих художественных высот и более интенсивной работы.

Изведав опыт слепой, бессмысленной жертвенности, которой нас потчевали, мы хотим сегодня возродить нравственные ценности, укрепить дух преобразования жизни. Нас заботят судьбы человечества. Мы хотим утвердить идеал свободной мысли в свободной стране. И, конечно, нравственным гарантом секулярного общества может быть только ближайшая заинтересованность каждого конкретного человека. Прекрасен выписанный Гайратом Ибрагимовым образ маленькой девочки, всматривающейся в проём открытой двери, как человека, ищущего в дне вчерашнем ответы на вопросы дня завтрашнего.

Пусть останется в нас свежесть восприятия! Но пусть не покинет нас трезвость мысли, мудрость выстраданного опыта! «И над натурой нашей звероликой всепониманье возвышает нас», – есть такая строка в стихах Игоря Шкляревского. Искусство, новое искусство – это путь очеловечивания, и Гайрат Ибрагимов правильно, на мой взгляд, начал этот путь.

ЖИВОТВОРНЫЙ БАЛЬЗАМ

Рассказ

НАРЗУЛЛО БАТИРОВ

Если вам не наскучило, поведаю еще об одном анекдотичном приключении. Словом... пообещал я Мирахмаду пригласить его на знаменитый домашний шашлык в чайхану на Эски Джуве со следующей пенсии.

– Правда? – усомнился он.

– А как же! – ответил я.

Чуть ли не ежедневно Мирахмад напоминал мне, а я заверял его, что умею держать слово, в чем он и убедится, как только настанет этот день. Ведь, кроме шашлыка, я еще кое-что запланировал... Составил список. Никого, наверное, особо не удивлю, но я люблю все рассчитывать. Разве во времена рыночной экономики можно жить без учета и планирования! Но... Список-то я составляю, однако деньги зачастую, к сожалению, тратятся на непредусмотренные расходы. Об этом хорошо знает моя дочь, которая, увидев меня сидящим за составлением очередного списка, подшучивает:

– Папа, что, очередная смета расходов пенсии?

– Не мешай! – отвечаю я.

– После получения пенсии вы часто приносите вовсе не то, что записывали. В прошлом месяце мы ни за квартиру, ни за электричество не заплатили. Приходишь с предупреждением из электросети.

– Не беспокойся. В этот раз электричество в списке первым.

– Это-то и осложняет дело, – продолжала подтрунивать надо мной дочка.

– Ну нет, в этот раз все будет, как положено.

Я обещаю это каждый раз: обещать проще всего. А вот выполнить... Вот, к примеру, в прошлом месяце все сбережения уплыли к Соттихон. Не купи я украшений, все было бы в порядке. Нет чтобы купить сухофрукты! Как будто специально двое мужчин ждали, чтобы какая-то цыганка обвела их вокруг пальца! Ладно, может, это и к лучшему: человек после такого становится опытнее, закаленнее. После того случая я все рассчитываю до копейки! Вот, к примеру, «шашлычный банкет» с Мирахмадом:

1. Четыре палочки шашлыка. Из них 2 молотых, 2 кусковых по 5000 сумов, итого 20 000 сумов.

2. 250 граммов (по 125 на каждого) хасыпа = 10 000 сумов.

Нарзулло БАТИРОВ. Родился в Самаркандской области в 1947 г. Окончил ТашПИ (ныне ТГТУ) и Высшую школу милиции. Работал в ОВД. Публиковался в периодической печати, в журналах «Звезда Востока», «Шарқ юлдузи», «Гулхан», «Ёшлик».

3. 150 граммов холодного отварного мяса с горохом = 12 000 сумов.

4. 150 граммов нарына и по полпорции горячего бульона = 14 000 сумов.

2 лепешки, 4 чайника чая, салаты, сахар к чаю, печенье (оставшееся заберу домой!) еще 18 000, итого 74 тысячи сумов.

Видите? Все просчитано до копейки. Не подумайте, что я такой скряга, крохобор! Жизнь диктует, сейчас только так и надо жить!

И вот настало двадцать седьмое число. Наконец я получил долгожданную пенсию.

– Дядюшка! Вы долго ждали пенсию, так что порадуя вас пачкой новых банкнот, – сказал мне кассир.

Он не спеша открыл большой целлофановый пакет и, достав из него пачку десятитысячных банкнот, подал ее мне.

– Ровным счетом миллион, – сказал кассир и протянул мне ведомость: – Распишитесь.

Обрадованный, я молча расписался, положил деньги в карман и направился к выходу, но меня остановил голос кассира:

– Уйдете, не оставив мне вознаграждения?

Всякий раз, получая пенсию, я оставлял кассиру две–три тысячи сумов. А в этот раз при виде десятитысячных слегка закружилась голова, поэтому я забыл в знак благодарности оставить кассиру «вознаграждение». Денег помельче у меня не было, и я был вынужден вытащить из кармана только что положенную туда пачку денег и с сожалением собирался отдать кассиру целых десять тысяч, но он поспешил меня обрадовать:

– Не думайте, дядя! Я сдачу дам.

Я осторожно вынул из пачки десятитысячную купюру и, поевживаясь, протянул кассиру. Он тотчас вернул мне одну пятитысячную. Выйдя на улицу, я вынул из кармана список расходов и внимательно изучил его. В начале списка стояло: «Шашлычная... с Мирахмадом». Набрал его номер. Он словно ждал, ответил сразу же:

– Джуманазар, ты?

– Да, я! Срочно приходи на Эски Джуву.

– Что стряслось? Пенсию получил?..

– Да, получил. Давай поторопись!

– Значит, полакомимся шашлычком?

– Полакомимся!

Мирахмад ждал у арки. Поздоровались с ним по-пацански: слегка стукнувшись головами. Затем расположились за одним из столиков, стоявших в сторонке под навесом. Не заставив нас ждать, к нам подошла показавшаяся знакомой женщина в белом фартуке.

– Здравствуйте. Добро пожаловать! Достопочтенный, как всегда? Зеленый чай, лепешку с кунжутом, угадала? – спросила она, словно хорошо знала мои привычки.

– Угадали, – сказал я, гордясь перед другом своим авторитетом.

Женщина мгновенно принесла все названное и игриво глядя мне в лицо, спросила:

– Что будете заказывать?

– Пока четыре палочки шашлыка, а потом еще... – ответил я. – А мясо какое? Не жесткое?

– Просто во рту тает! Мясо откормленного черного трехлетнего барашка, – поспешно ответила женщина. – Не стесняйтесь, говорите, что еще желаете?

– Два кусковых и два молотых. Еще принесите салат, – сказал я.

Женщина вопросительно поглядела мне в лицо, а затем с таинственной улыбкой спросила:

– Красного или беленького? Говорите без стеснения. Налью в чайник и принесу. Никто ничего не узнает.

Я взглянул на Мирахмада. Зная, что он не пьет, я тем не менее не хотел, чтобы он при случае попрекнул меня, что я даже не предложил.

– Нет, на улице и без того жарко, не стоит градусов добавлять, – ответил он и, глядя на женщину, жестом руки отказался.

– Пусть лучку будет побольше, – попросил Мирахмад.

– Лук у нас в изобилии. Принесу, сколько пожелаете. За лук денег не берем, – сказала женщина.

Мирахмад только было открыл рот, словно собрался что-то сказать, как от столика с противоположной стороны веранды послышался чей-то голос:

– Можно вас, келин¹?

Женщина стремглав направилась в ту сторону.

В это время пыхтя, как после тяжелой работы, рядом с нами уселся грузный мужчина лет сорока-сорока пяти в белой рубашке и галстук с лысиной, с пунцовыми щеками и похожим на репу носом. Он излучал какую-то опасность. В руке держал небольшую черную сумку на молнии. Вынув из нее грязный платок, стал вытирать бегущий струйками пот с лица и шеи, в нос ударил тошнотворный запах пота. Потом он положил платок в сумку и, достав из нее телефон, включил песню Шерали. Время от времени он и сам вполголоса подпевал певцу. Мы с Мирахмадом намеревались вдоволь наговориться, но звучащая из телефона неприятного человека песня заглушала наши голоса. Через некоторое время пришла женщина в фартуке. По-видимому, она знала сидящего рядом с нами человека, потому что стала справляться о его житье-бытье. Он заказал шашлык и чай. Когда женщина спросила, сколько ему принести «беленькой», он ответил:

– Вы же знаете мою норму. Принесите в чайнике. Да чтоб с ног валила!

Женщина с улыбкой кивнула головой.

Интересно, какая же это с ног валил? Я вопросительно посмотрел на Мирахмада. Тот пожал плечами. Женщина принесла заказ: наш и того человека. Поставив перед сидящим рядом с нами человеком чайник, она сказала:

– Самое то! Вчера от казахов чистую привезли.

Наш любитель музыки наполнил пиалу до краев, как перед прыжком в воду, сделал глубокий вдох и разом выпил ее содержимое. На мгновение он замер, с шумом выдохнул, потом затряс головой и вытер рот тыльной стороной ладони. Его и без того красное лицо покраснело еще больше и обрело какой-то отвратительный оттенок. Синевшие по бокам его ярко-красного носа прожилки стали почти невидимыми. С большим аппетитом, шумно пыхтя, он стал есть шашлык. Жуя, он время от времени вполголоса подпевал звучащей из телефона песне, еще дважды налил и выпил. Обслуживающая нас женщина спросила, не желаем ли мы еще чего-нибудь. Я попросил принести записанные в «моем меню» хасып и нарын. А у сидящего рядом с нами неприятного типа женщина осведомилась:

– Ну как? Нравится?

Вытирая с лоснящегося лба пот, тот ответил:

– Пнула, ой как пнула! Чуть не свалила. Действительно, чистая! – затем он посмотрел на нас так, словно только что увидел. – Ну что, старички? Решили

¹ Невестка. Принятое в быту обращение к молодой женщине на Востоке.

полакомиться? Хорошо! Хорошо! – пробасил он. – Почему не присоединяетесь? Это надо понемногу употреблять. Снижает сахар в организме. Сейчас многие страдают сахарным диабетом. Много воды пьете? Я же вижу. На чай налегаете. Скорее всего, сахар высокий. – Он уставился на Мирахмада, взял его руку и погладил кожу. Потом озабоченно покачал головой: – Вот кожа вялая и сухая. Это первый признак сахара! Эх, старина, не следите вы за собой. Ко мне на прием приходят часто пожилые. Все, как и вы, не следят за собой. Приходят, когда время уже упущено. Сахар зашкаливает за восемнадцать-двадцать. Умоляют доктора помочь. Хотя и трудно, но помогаем. Мы же давали клятву Гиппократу. Совесть есть.

Говоря последнее, он стучал себе в грудь кулаком. Мирахмад изменился в лице. Положил шашлык снова в тарелку. Я почувствовал, что у него испортилось настроение.

Я сначала подумал, что этот человек – певец, а он, оказывается, доктор. Но очень бестактный... Будь он порассудительнее, разве сказал бы пожилому человеку, что тот тяжело болен?

– Разве у худых людей бывает сахарная болезнь? – спросил Мирахмад.

– Бывают разные типы сахара. Некоторые ведут к ожирению. Тяжелые типы ведут к похуданию. У вас второе. Точно! Точно! – он нацелил на Мирахмада указательный палец и произнес медицинский термин, о котором я никогда прежде даже не слышал.

– Неужели у меня есть сахар? А ведь я никогда не чувствовал... – сказал Мирахмад. Голос его звучал как-то странно.

– Сами-то и не узнаете. Если бы люди все сами знали, зачем были бы нужны доктора? Завтра же приходите ко мне на прием. Я лично тщательно осмотрю. Есть много типов сахарного диабета. У вас, скорее всего, второй тип. Вылечить его несколько сложнее. Кожа ваша пожелтела, сморщилась. Это признаки второго типа.

– Кожа у меня с рождения желтая. Я сам себя так и называю – «желтокожий».

– Желтизна желтизне рознь. Это знает только опытный врач. У вас из-за сахара. Сосуды закупорились, в результате нет нормального кровообращения. Когда я учился в академии, мы проводили опыты на собаках. Вспоминаю нашего профессора... как же его фамилия? Ах да, вспомнил, – академик Петровский. Так вот, он очень меня любил. Я был самым талантливым его учеником. «Ты способный ученик! Без сомнения, ты будешь академиком!» – частенько говорил он. После окончания академии самые крупные клиники Москвы наперебой приглашали меня на работу, спорили из-за меня. Но Петровский всем отказывал: «Нет! Мой ученик – Сакибаев! Он будет работать в академии!» Оставил меня на своей кафедре. Сразу дал мне звание старшего научного сотрудника и назначил заведующим лабораторией. Эх, видели бы вы, как мне завидовали окружающие! Не раз писали клэузы на Петровского. Жаловались, что, мол, молодого парня, кандидата наук без степени доктора назначил заведующим лабораторией! А когда приходили проверяющие, Петровский им открыто говорил: «Да, я назначил своего ученика заведующим лабораторией, потому что он талантливый и знающий. Талантливую молодежь надо поднимать. Будущее за молодыми! Вот увидите! В будущем он получит Нобеля!» После распада Союза, когда Узбекистан стал независимым, я решил вернуться на родину. Петровский уговаривал меня остаться. Обещал за пять лет сделать академиком. Говорил, что получу Нобеля. Убеждал, что проводимые мной исследования станут самым большим достижением современной медицины. А я стоял на своем: «Уеду в Узбекистан! Буду служить своему народу! Буду лечить болезни и облегчать страдания изнуренных тяжелым трудом на хлопковых полях

земляков с мозолистыми от кетменя руками!». Отказавшись от карьеры, вернулся в Ташкент. – Он многозначительно посмотрел в глаза Мирахмаду.

– Доктор, где вы работаете? Как добраться до вашей клиники? – спросил пришедший в отчаяние Мирахмад.

Доктор снова налил в пиалу из чайника и выпил, следом отправил в рот большой кусок хасыпа, вытер рот тыльной стороной ладони и продолжил:

– Ко мне на прием надо записываться заранее. Иначе пациенты возмутятся. В прошлый раз, когда один профессор из ТашМИ, не буду называть его фамилию, привел ко мне на консультацию одного своего больного, люди подняли шум! Вижу, что ссора перерастает в большой скандал, говорю профессору: «Простите, но люди недовольны. Ведь они ждут своей очереди два-три месяца. Как же вы без очереди собираетесь пройти?» А он отвечает: «Я же профессор!» Тут я вконец разозлился: «Если ты профессор, то это для себя. Профессор, конечно, человек, а они что, не люди? Иди и занимайся своим делом! Делай свое профессорское дело!» И выгнал его вместе с больным, которого он привел. Я правильно поступил? Ведь должна же быть справедливость, а, старина? – Широко раскрытыми глазами, упираясь руками в стол, он уставился на Мирахмада.

– Правильно говорите, доктор, – ответил Мирахмад.

– А вас я приму без очереди. Сам буду лечить. Сахар ваш за неделю собою до десяти, а еще через неделю сброшу до нуля. Не огорчайтесь, старина! Неизлечимых болезней нет. Просто надо своевременно найти хорошего специалиста, только и всего. А вы из-за своей беспечности упустили время. Болезнь ваша тяжелая. Ладно, мы и на нее управу найдем. Придете завтра с утра ко мне на прием натошак. И даже воды не пейте! Все поняли? Сахар не переносит воду. А вот этого, – он указал на чайник с «беленькой», – следует употреблять ежедневно граммов сто-сто пятьдесят. Снижает сахар. Эх, старина! Думаю, давненько вы не выпивали, а?

– Я вообще не пью, – сказал Мирахмад с явным огорчением.

– Вот это и нехорошо! Нехорошо! Надо понемногу употреблять. Ведь и это создано Богом! А если бы не было полезно, разве Бог создал бы? Вот и змею создал Бог. И что, от нее нет пользы? Ого-го! Знаете, сколько лекарств получают из змеиного яда?! Не будь змей, сколько бы умерло больных людей! Старина! Не знаете вы этого!

– Вы примете меня, хотя я и не записан в очередь? – спросил Мирахмад, очнувшись.

– Эх, старина, старина! Примем! Иначе вряд ли кто вам поможет.

Наш новый приятель-доктор приподнял крышку чайника и заглянул внутрь:

– Там кое-что еще осталось. Как говаривал пророк Хызр, на ловца и зверь бежит.

Он наполовину наполнил стоящую перед Мирахмадом пиалу. Затем потянулся к моей. Я отказался:

– Нет, я пить не стану.

– Эх, старина, вы меня обижаете, сильно обижаете. Если эта водка навредит вам, приходите завтра ко мне. Приму без очереди. Я за пять минут вылечу вас. Но сейчас не обижайте меня, – сказал доктор.

– Нет, я не буду, – повторил я.

– Не выпьете даже за здоровье своего друга? Бросьте! Какие же вы друзья? Я вам говорю, что за неделю сделаю из него человека, а вы не хотите выпить за его здоровье?! Друг за друга даже яд готов выпить. Я же не предлагаю вам что-то плохое, – горячился он.

– Дай пиалу. Не перечь доктору, – с обидой сказал Мирахмад и, взяв у меня из рук пиалу, поставил ее перед доктором.

Тот вылил из чайника остатки водки, затем окликнул по имени обслуживающую нас женщину:

– Хадичахон!

Вот тогда-то я и узнал, что зовут ее Хадичахон. Она чуть ли не бегом примчалась к нам. Доктор передал ей чайник:

– Наполните! Только... чтобы была такая же...

Хадичахон быстро наполнила чайник и поставила его перед доктором.

– Вот, очень хорошая! 60 градусов! Вылила из баклажки остатки, – с ухмылкой сказала женщина.

– Молодец! – воскликнул доктор. Потом, глядя на нас, добавил: – Эта женщина знает мою натуру: если что-то мне не по нраву, обижу. Магазиновая водка не годится. Даже самая дорогая, хоть и написано, что она сорокаградусная, на самом деле не превышает 30–35. Выпьешь, а она и не «пнет». А эта у них отличная! Они меня знают. Делают для меня 50–55 градусов. Выпьешь такой одну пиалу – сразу «пнет», сильно ударяет в голову. Попадает в нужное место. Магазиновая никуда не годится! В российские морозы мы употребляли только 96-градусный «бальзам». В лаборатории нам наливал сам мой учитель Петровский. – Потом для большей убедительности он перешел на русский язык: – «Саккибаев, понемножку! Много не пей! Меру надо знать!» – слова моего покойного учителя я хорошо запомнил и знаю меру. – После этих слов он взял чайник в руки, наполнил пиалы и, глядя на Мирахмада, сказал: – Не переживай, старина! Я тебя за неделю вылечу. Гарантирую! Иначе зачем я давал клятву Гиппократу? Зачем я нужен, если вас не вылечу?

– Я действительно вылечусь? – спросил Мирахмад с безысходностью в голосе.

– Трудно, конечно, но... Я постараюсь.

– Я упустил время, доктор? – еще больше сник Мирахмад.

– Немного упустили. Лечение будет трудным. Но попавший ко мне в руки непременно выздоровеет. Не зря же я проучился в Москве семь лет. Вы везунчик – встретили меня! Иначе трудно представить, что бы с вами стало! А сейчас выпейте все до последней капли, старина! За ваше здоровье! – воскликнул он.

Потом, отбивая ритм руками по столу, запел:

– Наполняй полней бокалы, эй, Мухаммад!

Пусть будет пьющим Божья милость!

Мирахмад, вдохновившись песней, опустошил свою пиалу и набил рот луком. Я не пил, но доктор продолжал на меня давить. Его поддержал и Мирахмад:

– Не перечь доктору. Ничего с тобой не станет из-за одной пиалы.

Не желая портить ему настроение, я опустошил свою пиалу. Выпить-то выпил, но внутри у меня словно пожар загорелся. Столько лет пил водку, но такую – никогда. Теперь я понял, почему Мирахмад закусывал выпитое не шашлыком, а горьким луком. Я положил в рот кусочек хасыпа, а следом отправил целую горсть лука. Все внутри горело. Попробовал запить чаем, а доктор между тем налил снова. Наливая, он напевал:

– Наполняй, Мухаммад, бокалы,

Пусть повсюду звучит «Гульер»!

Он явно пребывал в приподнятом настроении, хихикал и, наслаждаясь происходящим, вполголоса напевал. Мирахмад выпил еще. Я последовал его примеру. В голове у меня закипело, тело охватил пожар, настроение поднялось,

все вокруг стало казаться прекрасным. Лицо мое пылало. Поглядев на меня, доктор спросил:

– Ну и как, крепкая водка? Пнула?

Вот тогда-то я и понял смысл слова «пнула».

– Пнула! Еще как пнула! – ответил я.

Доктор довольно хихикнул:

– Вот видите! Это другая водка. Сразу «пинает». Магазиновая не годится, – повторил он.

– Не годится, – поддакивал я ему.

Раскрасневшийся Мирахмат, тоже пребывающий в прекрасном расположении духа, сказал мне на ухо:

– Классный доктор! Надо его хорошенько угостить. Закажи еду!

Я заказал, Хадичахон принесла мясо с горохом. Словом, перепробовали все, что готовилось в столовой. И еще с базара принесли свежие помидоры, огурцы, черешню, урюк, бананы, яблоки, гранаты. Оказывается, доктор любил запивать водку гранатовым соком. Хадичахон быстренько выжала гранаты и в двух касах принесла сок. Наш стол стал просто царским. На мгновение в памяти всплыл ранее составленный список.

Выпили еще. Жизнь превратилась в настоящий рай, а Хадичахон в прекрасную райскую гурию. Она неустанно подносила нам еду: аппетит у нас стал поистине волчьим. Вместо двух уплели аж по пять палочек шашлыка. И заказывали мы уже килограммами. Словом, устроили в честь доктора большой праздник. А доктор, чертенок, оказался еще и поэтом и сказителем. Он рассказал нам историю создания песни «Наливай, Мухаммад!». Оказывается, его зовут Сакибаев Кулмухаммад. Из-за созвучия этой фамилии со словом «саки – виночерпий» в его близком окружении на него всегда возлагали функции тамады. Его покойный отец дал ему имя Кулмухаммад. Так вот, первая часть имени легко трансформировалась в «Наливай». Наверное, поэтому Кулмухаммад Сакибаев очень не любил, когда бокалы пустовали, и следил за тем, чтобы они были наполнены. Друзья обращались к нему не «Кулмухаммад», а «Наливай, Мухаммад». Потому-то и стихи свои он писал под псевдонимом «Наливай, Мухаммад». Доктор то говорил, то распевал песни.

Наконец, пиршество подошло к концу, и он стал поспешно готовиться к уходу. Встав, доктор еще раз велел Мирахмату непременно прийти с утра к нему, сказал, что найти его можно в пятом кабинете, слева от входа. Объяснил, что на двери большими золочеными буквами написано «Доктор медицинских наук Сакибаев Кулмухаммад» и еще раз уточнил место работы. Наконец, доктор сообщил, что хочет проведать своего друга, который лежит в больнице, и попросил нас заказать 5-6 палочек шашлыка и завернуть в пару лепешек немного вареного мяса. Сказал, чтобы деньги передали Хадичахон. Мирахмат, как провинившийся малый ребенок, приложив обе руки к груди, попросил его не беспокоиться, мол, мы сами за все заплатим, при этом глядел на него, как на спасителя. Доктор, указывая на нас, что-то сказал Хадичахон. Та наполнила большой пакет и подала ему, потом посмотрела на нас. Мирахмат встал и, приложив руки к груди, неперестанно уважительно кланялся доктору. Доктор вернулся попрощаться и расцеловался с нами, словно с закадычными друзьями. Указав на лежащие на столе фрукты, сказал:

– Наверное, это вы уже не станете есть. Отнесу человеку, который лежит в больнице. Это богоугодное дело. И это вам зачтется, старина!

Мирахмад поспешно переложил все фрукты со стола в пакет доктора. После его ухода, нежно и кокетливо улыбаясь, к нам явилась Хадичахон. Она поглядывала то на Мирахмада, то на меня, словно не могла решиться, кому подать счет.

– Дайте мне, – я храбро поднялся с места и протянул руку.

Глаза мои с трудом различали написанное. Я посмотрел на итоговую сумму: то ли пятьсот пятьдесят, то ли шестьсот пятьдесят?.. Увидев, что я устался в написанное, Хадичахон назвала какую-то цифру. Я не совсем понял. Но мне не хотелось ударить лицом в грязь перед стоящей рядом Хадичахон. Я достал из кармана пачку новеньких десяти тысячных и подал ей:

– Посчитайте сами!

Хадичахон отсчитала нужную сумму, остальное вернула.

– Сейчас принесу сдачу, – сказала она.

Мне захотелось перед ней похвастаться:

– Сдачи не надо.

– Спасибо! – жеманно поблагодарила Хадичахон.

Я поцеловал ей руку. Эта рука показалась мне настолько красивой, что я поцеловал ее еще раз. Какой же она была белой и нежной! Хадичахон казалась мне райской гурьей.

– Вы очень красивая женщина. Фея! – восклицал я.

«Красавица», жеманно глядя на меня, с улыбкой ответила:

– Приходите к нам почаще! Мне было приятно вас видеть.

Она еще что-то говорила, теперь и не вспомнишь... Мы с Мирахмадом еле-еле доволоклись до дома. Утром проснулся спозаранку. Голова, как чугунная... Внутри горит. Начал понемногу вспоминать вчерашнее происшествие и рывком соскочил с места. Подсчитал оставшиеся в кармане деньги. Получилось четыреста тысяч сумов. Нет шестисот тысяч... Я схватился за голову. Что теперь будет? Как же оплата за квартиру, электроэнергию, газ, горячую и холодную воду, отопление? Опять долг... Голова гудит, уши заложило. «Э, будь что будет», – решил я и снова лег. Ближе к полудню позвонил Мирахмад.

– Не нашел, – едва не плача, сказал он.

– Кого? – спросил я.

– Кого же еще? Доктора! В указанном месте нет никакой клиники. Или я адрес запомнил? Ты, случайно, не помнишь? Где, говорил он, находится его клиника?

– Он же тебе объяснял. Я и внимания не обратил...

– Что же теперь нам делать? – чуть не рыдая спросил Мирахмад.

– Не переживай. Ученик Петровского – жулик и мошенник. Я его словам не поверил, – ответил я.

Утром, обдумав все сказанное доктором, я понял, что шестьсот тысяч сумов потрачены по-дурацки.

– Он же говорил, что является учеником Петровского. А об академике Петровском я читал в прессе, – продолжал Мирахмад.

– Он, по-видимому, тоже о Петровском читал в прессе, – прорычал я раздраженно.

Мне стало совестно, что я срываю зло на Мирахмаде. Ведь, по существу, он во всем случившемся не виноват. Я поспешил его успокоить:

– Потерпи до завтра. В Институте эндокринологии у меня есть знакомый врач. Сделает тебе анализ крови и посмотрит, есть ли у тебя сахарный диабет.

Утром в дверь постучали. Часы показывали семь. Кто бы это мог быть? Отворил дверь – передо мной стоял Мирахмад. Выглядел он унылым, бледным, осунувшимся. Морщины на лбу стали заметно глубже.

– Что так спозаранку? Что случилось? – спросил я.

– Идем, – ответил он.

– Куда? – спросил я.

– На прием к твоему знакомому врачу.

Мы прибыли в Институт эндокринологии, когда еще не было и восьми. Знакомый врач только что пришел и переодевался. Я познакомил его с Мирахматом и сказал, что тот хочет проверить наличие сахара в крови.

– Почему вы так встревожены? Что-то вас беспокоит? – спросил доктор.

– Я похудел. Видите, и кожа у меня желтая, – сказал Мирахмад, повторяя слова вчерашнего доктора.

Врач ощупал кожу Мирахмат, посмотрел на его глаза:

– Кожа нормальная. Желтизна естественная, это цвет вашей кожи. Почему думаете, что похудели? Мало двигаетесь?

– Он вообще не сидит на месте. Ежедневно проезжает на велосипеде по пятнадцать-двадцать километров. Постоянно бывает в горах, – ответил я за него.

– Что же вас тогда беспокоит? Естественно, что в результате такой двигательной активности вы худой, – ответил доктор.

Врач выписал Мирахмату направление в лабораторию на анализ крови. Уже через час анализ был готов. Увидев результаты, Мирахмад еще больше поник.

– Чем ты расстроен? – спросил я.

– Уровень сахара у меня в крови – 4,2. А вчерашний доктор обещал сделать его нулевым. Значит, он у меня высокий.

Я посмотрел на листок. Уровень сахара действительно был 4,2.

– Это же здорово! – сказал я.

– С чего это? Брось! Не обманывай!

Мы вместе зашли на прием к врачу, который, глянув на листок, сказал:

– У вас все хорошо, дядюшка! Чем вы так обеспокоены?

– В анализе показано 4,2. А ноля не будет? – спросил Мирахмад, с надеждой глядя на врача.

Врач усмехнулся и заверил, что это нормальный показатель уровня сахара у здоровых людей, а если он ниже, то это уже болезнь, и поинтересовался причиной его крайней обеспокоенности. Мы рассказали врачу о вчерашнем происшествии – о встрече с учеником академика Петровского. Врач рассмеялся:

– Сейчас много развелось таких псевдоученых врачей, докторов. Не доверяйте словам всяких уличных проходимцев!

Перевод с узбекского Галины РАХМАТУЛЛАЕВОЙ.

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Родилась в 1946 г. Окончила ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат исторических наук, доцент кафедры узбекского и русского языков УМЭД. Автор ряда учебников, учебных пособий для школ, лицеев и вузов, научных и публицистических статей, стихотворений и рассказов. Член-корреспондент АПСН (Москва).

СТОН ГЕРИРУДА

Роман¹

Полковая землянка возле небольшой сопки. Местечко глухое и тихое. Землянку тускло освещают две керосиновые лампы. Приветствую земляков, нас знакомят. Понимаю, сегодняшний пир – скорее повод для совещания: мы должны утвердиться в полку по закону джунглей. Пируем, веселье в разгаре, говорят все по очереди, приходит и мой черед. Воодушевленный оживленной дискуссией и выпитым вином говорю, что каждая нация должна быть сплоченной и дружной. Каждый узбек должен знать свои права и ни в коем случае не допускать унижений и оскорблений. Не должно повториться то, что случилось в Ашхабаде, когда мы были разрозненны, как спички, и гоняли нас, как паршивых собак. Если честно, такая разрозненность существует и в Герате. Такой мы народ, терпеливый и тихий. А покорить полк силой, ну ребята, извините, это дурная затея. Я еще не забыл, чем кончилась Ашхабадская учебка.

Предлагаю все взвесить, потом умно и хитро приступить к задуманному. Началась бурная полемика. Улугбек – парень из Ташкента, чемпион по боксу – предложил тотчас же брать часть и отныне не допускать национальной дискриминации. Хватит обзывать нас баранами. Зафар из Ромитана по кличке Чернобровый возразил, что не время сейчас брать часть силой, потому что не все земляки знают о задуманном. Надо все обдумать, составить план, потом начинать. Все согласились с Зафаром. Брать часть договорились после праздника. Надо уходить, а мой приятель из прачечной отключился и, видимо, останется в землянке. Придется одному возвращаться в прачечную. Новый знакомый, черноглазый паренек, подошел ко мне и сказал:

– Я провожу вас, вожатый.

Усмехнулся. Нашел слово. «Вожатый»! Какой он чудак! Обрадовался, что нашелся попутчик. По дороге он что-то бормотал о неблагоприятной любви, о девушке, которую потерял навсегда. Хмельные ноги ташат нас куда попало... Очнувшись, узнаю ГСМ, кормушку Ары, источник наших левых доходов. Мы же хотели в прачечной заночевать. А вышло совсем другое. Кстати, это и хорошо. Посчитаюсь с Арой, этим вонючим ртом. Ара появился, широко улыбаясь.

– Видно, ты под хорошим кайфом, дружище, – сказал он, почесывая волосатую грудь и зевая. – Завидую, неплохо у тебя получается торговля. Понимаю, солдатику тоже хочется иногда расслабиться. Ведь девчат нет, а кругом такая тоска. Думаю, за твой счет это веселье. Не надо тарашить глаза. Шучу, давай иди в палатку, поспи.

Я злобно и крепко схватил его за ворот. Он быстро перехватил мою руку. В лунном свете хорошо вижу, как пылают его глаза, расширились волосатые ноздри крючковатого носа, чувствую его отвратительное дыхание и, дернув за шиворот, ору, скрипя зубами:

– Ты не понял меня! Я останусь на своем месте, но не буду служить тебе! Не буду за тебя подставляться и рисковать! Не хочу, чтоб меня оплакивала мать! Потому что ты паразит! Понял, па-ра-зит!

¹ Окончание. Начало в № 4

Отпустив ворот, я ударил его по лицу. А мой друг, не оставаясь в стороне, ногой угодил его в живот. Понимаю, не хорошо драться вдвоем против одного, но на пьяную голову... Ара от этих ударов просто взбесился и, громко матерясь, набросился на меня. Посыпались удары. Я повалился на землю, прикрывая лицо руками. Какой позор! Хорошо, земляк пришел на помощь. Сзади он крепко схватил Ару за горло и начал душить. Задыхаясь, Ара отпустил меня, но рывком через плечо бросил моего друга на землю. Встав на ноги, я начал колотить его. От боли он закрыл морду, стоя на коленях. Мне показалось, что он рыдает. Но не-ет. Крепкий орешек наш Ара, встал, началась настоящая драка. Двое на одного. Бой без правил. Уловив удобный момент, он свалил меня двумя ударами, я почувствовал на губах соленый вкус крови. Как раненный лев, бросаюсь я на него и изо всех сил бью его руками и ногами. Деремся почти насмерть.

Полд лунным светом наши тени на земле были похожи на пляску злых духов. Наконец-то мы опять поставили его на колени. Запыхавшись, мочим его во всю силу. Ругаем, плюем. Мы озверели. Получи свое, подонок! Собака! Сволочь! Чудовище! Вот тебе! Будь ты проклят!

Остановили нас выстрелы в небо. Глядим – перед нами майор с расстегнутым воротом. Он слегка пошатывается, видно пьян. Откуда он появился, с неба свалился, что ли? Кажется, он услышал и вышел на шум. Но меня испугало другое – дуло его пистолета, зловеще глядевшее на меня. Вдруг он под кайфом нажмет на курок? О Боже, сохрани от такой участи!

– Руки вверх, оба! – приказал майор властным голосом. – Иначе, имею право расстрелять вас на месте по законам военного времени как нападавших на важный объект и ответственного человека.

В испуге мы поднимаем руки.

Майор привел нас с поднятыми руками в штаб полка, где нас окружила группа подвыпивших и обкуренных офицеров. Они всячески пытались выпытать, где мы пьянствовали. Но мы не лохи, предавать своих земляков – поступок подлый, тогда чего стоят наши высокопарные слова о дружбе и единстве. Наше упрямство озлобило офицеров. Они уставились на нас. А один был явно чокнутым. Другой начал обшаривать мои карманы и нашел афгани, сегодняшнюю выручку.

– Таджик? – спросил он.

Почему-то они думают, что в сопровождении могут быть только таджики, понимающие местный диалект. В некотором смысле они правы, ведь мой новый знакомый из Самарканда хорошо владел фарси.

– Нет, я узбек, – ответил я.

– Узбек, говоришь? У тебя здесь родственники есть? – насмешливо спросил офицер с красным носом.

– Нет! Никого нет!

– Ну не ври же, разве нет тех, кто убежал сюда как басмач?

– Не только среди родственников, даже среди знакомых нет у меня таких.

Он засмеялся нервно, но глухо. В его смехе чувствовалось что-то недоброе.

– Да ладно! Я знаю, что здесь много узбеков в Герате, в Маймене, в Шибиргане, в Мазари-Шарифе, в Кундузе. Если там найдем красивых девушек, заберем с собой и сделаем их «дынь-дынь», понял? Они будут довольны и рады. Ха-ха-ха. Хи-хи-хи. Ну, чурки вы вислоухие.

Меня затошнило от его бестолковых слов, и я резко отвернулся. Сжав мой подбородок, он повернул мое лицо к себе. В его запавших глазах светилась злоба.

– Не нравятся, да, мои слова? Тогда слушай внимательно. Я вас отдам под трибунал! – заорал он, брызгая слюной. – Вы будете расстреляны по законам военного

времени. Потому что вы убили ответственного человека на ответственном объекте. Вы ответите по всей строгости закона. Собственноручно застрелю обоих. Я особист, и ваши поступки буду проверять сам. Я сдам вас со всеми потрохами.

Что говорит этот наглец с матово белым лицом? Неужели мы убили человека? Осознание вины и ужаса совершенного нами преступления привело в замешательство. Тело онемело, язык отнялся. Посыпался град ударов кулаками и ногами. Командиры легки на подъем. От побоев мы почти потеряли сознание и уже не чувствовали боли. Полумертвых нас бросили в офицерской уборной, похожей на деревянный барак. Да, обработали нас на славу! Болеело все: спина, ребра, грудь. В бараке ужасно воняло. Я растолкал приятеля. Во рту у него заперлась кровь. Неужели офицеры внутренности ему отбили?

– Вчера в потасовке выбили два зуба, проглотил, наверно, – объясняет он, вяло улыбаясь и показывая при этом свой шербатый рот. – Ерунда, что на лбу написано – не миновать. А что касается зубов, когда вернемся домой, золотые вставлю.

– Конечно, друг мой. Если вернемся... Кстати, сказали, что мы Ару убили, и нас ждет трибунал, потом расстрел или длительный срок.

Друг промолчал.

С утра ни одна душа не заглянула к нам. Только к вечеру зашел прапорщик, прикрывая нос рукой от вони. Он принес ужин: остывший борщ и полбуханки черного хлеба. Мы уж думали, что нас решили уморить голодом... Прапорщик ушел, закрыв за собой дверь. Желудки аж гудят от голода.

Вот уже пятый вечер. Мы в вонючем бараке встречаем новый год. Его наступление узнаем по свечам и хлопнушкам. С модуля слышны пьяные крики офицеров и прапорщиков. Наши командиры, видимо, забавляются... А мы в этой вонючей дыре сидим, вытянув ноги, сжимая руками головы. Иногда болтаем о пустяках, реже ведем серьезные разговоры, но большая часть нашей неволи проходит в молчании. Тишина и тоска сжимают грудь. В очередное зарево от хлопнушек на небе кричим: «Ура! Новый год!»

Через три дня у моего товарища внезапно поднялась температура, и прапорщик отвез его в санчасть. Остался я один в этом вонючем бараке, скука и тяжелые думы одолели. Сколько же мне жить здесь? Побystрее вытащили бы меня отсюда и расстреляли в упор! Однажды дверь барака отворилась, на полу появились лучи солнца и тень часового. Почему открыли дверь не в обеденное время? Значит, пришли забирать меня на суд. Видимо, так. Часовой привел меня в штаб полка. Там замполит, внимательно осмотрев меня с ног до головы, спросил:

– Ну, проучат и тебя наконец?

– Заслуживаю, потому что убил человека.

– Что?! – воскликнул он и широко улыбнулся. – Говоришь, что убил человека? Какой ты герой. Твой мертвец два-три дня лежал в санчасти и вернулся в строй. Особисты держали зуб на вас, но майор заступился, скажите ему спасибо. Теперь слушай внимательно! Ты оказался недостойным служить в сопровождении. Сию минуту ты отправишься на перевал на опорную точку. Будешь служить там на самой высокой точке. Думаю, исправишься. Понял?

– Так точно.

Сегодня получил письмо из дома. Это первое письмо, полученное на перевале Рабати Мирза. Я отослал родителям весть об отправке меня на точку. «Матушка моя! Твой сын жив, но страдает... Надо ли писать тебе об этом? Конечно нет, разве я могу причинять тебе боль, добавляя тебе мук и бессонных ночей. Я могу

писать тебе только утешительные строки. Молись за меня, матушка родная. Мои письма – отзвук моего существования. Пусть мне не пишет никто, кроме тебя».

Стою на посту, мысленно горько перебираю написанное в письме. Гляжу на голые скалы Паропамиза и стараюсь утешить себя. Они мне кажутся хмурыми, может быть, им тоже не нравится человек с ружьем, захватчик. Невольно вспоминаю Шахимардан¹, его седые скалы, саи и родники с прозрачной журчащей водой, одним словом, райский уголок, он будто зовет меня. Здесь нет родников, во всех точках вода привозная. Сдал пост и спускаюсь по тропинке. Водитель водовоза, рыжий хохол, шустро бросает шланг на цистерну точки, заливая воду.

В казарме, как обычно, пел Юра по приказу Кумыка, который целый день валялся на кровати и скучал без дела. Юра для него – живая пластинка и собственная вещь. Кумык – барин на опорной точке, для него «день проходит – служба идет». Всю работу за него делают его слуги в форме молодых солдат. Он не один такой, все его земляки-лезгины такие. Казарменный интернационализм не для них. Злобные лица и рукоприкладство этих кавказцев наводили страх на зеленых. Их боялись не только зеленые, но и старослужащие. Чижики стирали их белье, одежду, заправляли постели, чистили посуду и обувь. Некоторые даже ноги им мыли и желали спокойной ночи перед сном. Родному отцу так не прислуживают. Страх довел их до этого.

Армейский быт породил дедовщину. Говорят, что во время Второй мировой войны это зло исчезло. Война сближает людей, укрепляет солдатскую дружбу. Как-то не верится: пока существует бытовуха, это зло не искоренить. Мойка, стирка, уборка диктуют свои условия, а жестокость старослужащих трудно преодолеть. Красные командиры ставили к стенке богатеев, мучили их в сырых карьерах. Но, увы, они пустили новые корни, и 40-я армия буквально дышала дедовщиной. В солдатских полевых палатках поселился этот неискоренимый порок. Наши замполиты твердят, что во всех армиях мира существует насилие. В США дедовщина приобрела расовый характер. Там сержанты – полубоги, деспотизм их безграничен. Сержант армии США выше генерала. Какая тупая иерархия! Сержанты гоняют полковников!

Ударом по висящей пустой гильзе повар зовет на обед. Служба солдата всецело подчинена закону курятника. Что подают, то и ешь. Для солдата завтрак, обед и ужин – важнейшее в соблюдении воинской дисциплины.

Самый любимый день на точке – санитарный день. В этот день мы паримся и моемся, стираем белье, в кипящей воде ликвидируем вшей. Эти твари кишат в казарме. Если на точке душманы – внешние враги, то кровососы вши – внутренние. В один день искупаться всем нельзя, половина – сегодня, остальные – завтра. Я, счастливчик, потому что мне выпало искупаться сегодня.

Распарившиеся солдаты, как ленивые коты, грелись на солнышке и болтали. Я же иду на пост, на сердце как-то тревожно. Да, целых два часа мне стоять в дозоре, глядеть на вершины гор и скучать, но это обязанность солдата. Сменяю латыша, который еле держится на ногах. Он, как ветер, мчится вниз. Будь здоров, дружище. Здравствуй, вечно хмурый Паропамиз! Вот мы и остались наедине. Я буду рассказывать тебе разную чепуху. Несмотря на то, что ты слеп, глух и нем. Пусть будут прокляты твои голые скалы! Пусть будет проклята эта война! Не знаю, большая она или малая... скорее всего малая. Потому что я еще не видел масштабных боевых действий. Здесь все как будто друг к другу приглядываются, как в детской игре в прятки.

Глухой взрыв насторожил меня. Смотрю, на тропинке кто-то бьется в конвульсиях. Сначала растерялся, но, быстро придя в себя, бросился вниз. В конвульсиях бился мой латыш. Он был жив, но тяжело дышал. Бедняга попал на мину. Его валенки лежат в стороне, обе ноги оторваны. Какой я кретин, надо доложить офицерам!

¹ Шахимардан – горное местечко в Ферганской долине.

Усатый капитан сначала ничего не сообразил:

– Стой! Говори не спеши! Какой латыш? Что?! Подорвался?! Как?!

С дрожью в голосе я как мог объяснил происшедшее. Плохое распространяется быстро. Саперы вынесли латыша с минной тропинки, выяснили, что он, спускаясь с сопки, играл шапкой и по неосторожности уронил ее на минное поле. Оставлять шапку было жалко, остальное ясно. Бедняга теперь стонет и бредит на своем языке.

– У него не только ног, но и половых органов нет, – объясняет один из саперов.

– Как жаль, – прошептал сзади кто-то с иронией. – Останется жив, жизнь все равно будет тоской. Не веселиться ему с девушками.

Я резко повернулся и увидел любителя острот. Захотелось угостить его пощечиной, но не время.

– Что за трагедия?! – нервно завопил капитан. – Смотрите, нашли причину: играл шапкой и подорвался! Чувь собачья! Кто поверит в эту сказку?! Пострадал при исполнении!.. Жалко парня. Но что поделаешь, жизнь такая хреновая вещь. Отправьте его в Герат. А остальные... Разойдись! Вояки безмозглые! Вон отсюда все!

Дни как черепахи. Лежу в кровати и читаю письмо матери, полученное накануне. Слова любящей матери... добры, нежны и горячи, как только что испеченный хлеб. Читаю вновь и вновь и не могу начитаться.

На строевой площадке точки стоят знакомые солдаты, по форме одежды – водители автомашин. Многих из них я знал в лицо. Все были чем-то встревожены. Чумар нервно курил, ходил туда-сюда.

– Только что прибыла автоколонна, – начал он. – По дороге душманы обстреляли ее. Две машины остались, остальные едва спаслись. Наша задача найти душманскую засаду и уничтожить ее. Ситуация очень опасная. Надо действовать быстро и осторожно. Ни в коем случае не паниковать! Надо быть готовыми к любым фокусам врагов. Поняли? Теперь по машинам. Бегом!

Все помчались к БТрам. Взводный едет с нами на командирском сиденье. Едем, и я с волнением думаю, что будет, если душманы ждут нас и один из них с гранатометом в руке? Нажмет курок – «Буфф» – и все... конец. Паштет из нас будет. «Мама дорогая! Всевышний, упаси нас от такой участи! Ты всемогущий и милосердный, сбереги наши души», – шепчу про себя. Скоро прибыли в то место, где стояли изрешеченные пулями два КамАЗа. Не пожалели душманы свинца. Кабины машин в дырках, похожи на осиное гнездо.

Ночь темная, как черная борода моджахеда. Сердце сжимается при мысли о том, что нас ждет западня. Подошел к одному из КамАЗов, с шумом открыл дверь, из кабины вывалился труп водителя с разможенной головой. Свежая кровь брызнула мне в лицо. Сердце ёкнуло. Рядом на сиденье лежал еще один труп солдата. Мы быстро загрузили трупы в ЗИЛ-131, нога одного несчастного осталась висеть за бортом. Никто не обращает внимания. Не потому, что здесь трупы, как дрова, а потому, что горим желанием убраться отсюда побыстрее. Обыскивали машины: никаких консервов, тушенков-сгушенков, какие-то мотки проволоки и связки арматуры. Хорошо бы чего-нибудь съедобного... Солдату всегда хочется жрать. Для нас желудок – наше имя и фамилия. Около БТРа нервно курит Чумар, не думая о том, что в темноте сигаретный огонек – хорошая мишень для «бородатых». Но замечание сделать старлею нельзя. Лучше промолчать. А то по зубам получишь. Чумар показывает рукой на многочисленные дыры, оставленные душманскими пулями:

– Черт бы побрал, душманский ДШК сделал свое дело и ушел. Переверните эти КамАЗы, вашу мать, надо снять с них колеса. Если не снимем мы, то снимут душманы, понятно? Шевелитесь, куриные мозги! Быстро за дело! Не копайтесь!

В армии приказ командира не обсуждается, плохих или хороших приказов не бывает. Старший по званию приказал – надо выполнять. Приступаем к делу. С помощью БТРа перевернули КамАЗы. Начали снимать с них колеса. Черт, у КамАЗа-5320 колеса двойные. Внезапно наступивший резкий холод и пронзительный ветер препятствуют быстрому исполнению приказа, потому что руки не слушаются.

Наконец, под воздействием холода и голода, потока ругани, оскорблений сняли все колеса и погрузили на автомашину, которая помчалась не в сторону точки, а в сторону кишлака Доаб. Понятно, старлей хочет заработать бабки. Колеса – весьма ходовой товар у местных торгашей. Прикладом автомата стучит в дверь афганца рядовой Чегодан. Лавочник в белом колпаке на голове, худой и смуглый, с улыбкой открывает дверь. Кстати, жирного афганца встретишь редко. Он дружелюбно поздоровался со старшим лейтенантом (значит, старые приятели, скорей всего, по деловым контактам). Начали торговаться.

Прибыли на точку в предрассветной мгле. Захожу в казарму, бросаюсь на кровать и засыпаю. Разбудили меня крик и шум снаружи. С любопытством осторожно выглядываю из окошка. Один горбоносый водила нервничает и орет на Кумыка.

Действительно, на нашей точке раскулачивание автомашин: колеса, фары и лобовые стекла – занятие обычное. Водилы таких машин стоят до тех пор, пока не привезут им запчасти или ходовые комплекты. Они бродят здесь, как бездомные собаки. К себе мы их не пускаем, потому что это мы виноваты, что они оказались в таком положении. Около двери офицерской казармы стоят Усатый и Чумар в кругу нервно курящих водителей вчерашней автоколонны. Претензии у них очень серьезные. Лица и уши у них красные от холода.

Я вышел на обочину дороги посмотреть на изуродованные машины. Да, наши ловкачи за ночь сделали свое дело. Как ночные призраки. В морозные ночи усталые водители спят, не глуша моторы. Их крепкий сон им дорого обходится. Ночные призраки мастерски снимают колеса стоящих рядами автомашин. Однажды даже лобовое стекло с ЗИЛ-131 сняли, а водитель проснулся лишь от внезапно проникшего в кабину ветра и ахнул от досады. Ночные призраки быстро исчезают в темноте, они неуловимы. У этих молодчиков не только руки ловкие, но и уши на макушке. Домкраты и пни – их верные помощники. Ловкачи воруют не только автомобильные детали, но все, что попадает под руку, что плохо лежит. Чтобы сбыть товар и замести следы, нужно быстро продать сворованное в ближайших кишлаках, где покупателей море. Но для этого нужен БТР, без техники показываться в кишлаке опасно, вместе с товаром могут и душу забрать. Кто главный затейник? Конечно Кумык, у него сейчас очень скверное настроение, искушает каждого, кто на глаза попадет.

Наши! От этой вести вся точка в замешательство. Добытки утеранных колес выставили их, как бусинки на нитке, прямо у офицерской спальни. Какой позор! Справедливость восторжествовала. На лице скандалиста-водителя широкая улыбка.

Сегодня день Советской армии, и наши начальники отметят его как положено. Такой праздник раз в году. Сiju и греюсь возле печки. Только что с дежурства. На железных кроватях лежат «ленивые лягушки» – деды и черпаки. Чижики – мальчики на побегушках. Весь быт на плечах этих бедняг. Кумык – «kozyрь казармы», его распоряжение – закон для всех солдат. Он заметно пополнился. Еще бы, для него точка – войсковой санаторий. Кумык живет в достатке и ни в чем не нуждается. Он главный

генератор всех дурных дел на точке. С колесами ему не повезло, бывает и такое... Дня два-три он, как петух, хохлился, клевал кого ни попадая, потом отошел. Нынче опять ходит самодовольный и веселый, наверняка ему снова улыбнулась удача.

Захожу в комнату. Как обычно, гитарист Юра орет под Высоцкого. С порога указательным пальцем меня позвал Чумар и строго приказал:

– Бегом в БТР, обстрелян водовоз!

Здесь дня нет без происшествий! Это подарок душманов ко дню Советской армии. Видимо, так. Мчусь в кресло пулеметчика и жду старлея.

Прибыли к месту, где поперек дороги стояла обстрелянная машина. Водовоз изрешечен пулями, из цистерны струями течет вода, постепенно превращаясь на земле в лед. Водитель водовоза застыл, положив голову на руль. Я сразу узнал Витьку, его голова была цела, но грудь... Взяв за плечи, я поправил его на сиденье. Глаза Витьки остались открытыми, губы сжатыми. Я никогда не забуду этих глаз, полных разочарования, глаз человека, не насытившегося жизнью. В Афгане считают нас оккупантами и не видят наших добрых дел. Мы же считаем себя их защитниками. Так учат нас наши политруки. Я закрыл глаза Витьки. Прощай, друг!

Дня через два на точке появился другой водовоз. Открыв дверь машины, рядовой монголоидной внешности со знаками различия танкиста на мой вопрос «С кем имею честь?» весело ответил, что он из Кокчетава, казах, зовут его Элбай, и замурыкал знакомую мелодию про летчика. Его настроение в любую минуту мог испортить душманский пулемет, но он этого еще не знал. Положив руки на его узкие плечи, я пристально посмотрел в его лицо. Природа не одарила его красотой, он был почти безобразен. Мысленно желаю ему удачи. «Будь всегда здоров! Пусть минует тебя участь Витьки, и солдаты на точке никогда не останутся без воды». Стою на дороге, содрогаясь от холодного ветра. Рядом проходит афганец с ослом, запряженным в арбу с дровами. От пронзительного ветра он закрыл лицо шарфом, на голове сильно поношенный пакол¹, на плечах солдатское одеяло. Интересно, где он достал дрова? Скалы Паропамиза и его окрестности напрочь лишены растительности.

Говорят, Россию умом не понять и аршином не измерить, то же самое и про Афганистан можно сказать: не понять и не измерить! Труднодоступные горы, скрытые люди. Афганцы вроде дружелюбны, гостеприимны, но внутри у них кипит злоба. Днем они «демократы»² т. е. приверженцы апрельской революции, ночью в засадах стреляют в упор. Не только горы, но и мрак этой страны, делают жизнь невыносимой. Угля, электричества нет, с дровами туго. Интриги, распри разъедают нацию. Мог ли себе представить отец афганского государства Ахмад-шах Дуррани, что на земле пуштунов спустя два столетия будет такая кровавая распря. Уже тогда в афганском обществе было неспокойно, но такого нельзя было вообразить. Старичок из Гератской чайханы был прав, говоря, что Афганистан погрузился в сумрак. Захиршах сорок лет держал страну под колпаком. Он хорошо знал нравы своего народа и боялся дать ему свободу. Но его конституционные реформы последних лет буквально порвали закрытое общество. Бюрократическое управление его дивана стало, как гнилая нитка, он вынужден был реформировать общество. С той поры Афганистан купается в собственной крови. Нынешние демократы – это детище шахских реформ: Тараки, Амин, Кармал...

Резкий сигнал машины насторожил меня, задумавшись, я не заметил, что стою прямо на середине дороги. Посторонился и поднял руку в знак приветствия Элбею. Води паренек машину, пусть твою машину хранит Господь, и солдаты никогда не остаются без воды.

¹ Пакол – национальный головной убор афганцев.

² Демократы – сторонники НДПА.

* * *

С приходом весны ожила и похорошела природа. На холмах и возвышенностях радуют глаз красные тюльпаны, похожие на алые губы восемнадцатилетней девушки. Не верится, что на этой, разрушенной войной земле такая красота. Хочется воскликнуть: пусть этот край цветет тюльпанами, а не обливается кровью. Но, увы, страна когда-то всемогущего эмира Достмухамедхана, при котором Афганистан приобрел нынешние границы, нынче проклята Богом. Невольно вспоминается весна на моей родине: сумалак¹, самса с зеленью, цветущие сады, миндаль и абрикос, праздник Навруз, который так старались запретить парткомы.

Прошло больше месяца со времени возвращения с перевала Рабат Санги. Время, как чертовое колесо, крутится и летит молниеносно, в полку скука и безделье. Лежу на своей кровати, сослуживцы играют в дурака. Проигравший должен показать какое-нибудь животное, т. е. ржать как конь, реветь как осел, лаять как собака и т. д. Под общий хохот Петруха блеял как баран – «бе-ааа».

Усатого капитана и Чумара не видно, нами командует старшина Сергей, любимчик Усача. Вчера в сумерках в укромном месте возле полкового магазина я видел нашего старлея. Он целовался с продавшейшей, худощавой женщиной с наглыми зелеными глазами. Чумар не только ловкач в деле и в строю, но и умелый охотник за юбками. По его словам, он так много имел баб, что не сосчитать, как волос на голове. Неплохо бы повидаться с друзьями из сопровождения, держу путь туда...

Когда вернулся в полк, там царил суета. Оказывается, искали меня и крепко ругались матом, куда же я, чурбан, делся, т. к. командир полка поставил боевое задание нашей роте – идти в рейд. Налегались ребята в кроватях, наигрались в карты. Безделье портит, вот вам и ягодки. В наказание заставили меня нести тяжелый ствол станкового гранатомета СПГ-9.

Прибыли в Герат. Возле 46-го санитарного батальона нас встретил самоотверженный боец апрельской революции, афганец с густыми усами и автоматом на плече. Рядом стоял солидный полковник, тот полковник, которой привез в пункт трупы молдаван. Любопытно, где же та голубоглазая красавица, русалка с погонами лейтенанта-связиста. Не спорю, глаза парня всегда ищут женскую красоту, а душа – наслаждений. Полковник произнес проникновенную речь об интернациональном долге, о помощи дружественному афганскому народу и злодеяниях врагов апрельской революции. Если конкретно, мы должны сию минуту отправиться в горную область Гур в город Чакчаран и уничтожить там душманскую банду ярых врагов собственной страны. В конце своей речи он предупредил:

– Помните, бойцы! Враг хитрый и коварный, знает каждый камень в своих местах. Сейчас из Кабула, Шинданта и Кандагара вышли наши отряды, с которыми мы должны кольцом окружить душманов. Вы, гератские, одно из звеньев этого кольца, поняли? За дело, воины мои!

* * *

Нас ожидали вертолеты МИ-8, на которых мы полетели в сторону Чакчарана. Торопливо выгрузив нас, они возвратились обратно. Мы остались среди высоких гор Сафедкуха. Скалы выглядели зловеще в свете молний, предвещавших непогоду. Пошел дождь, как из ведра. По ущелью гулял пронзительный ветер. Всех волновала их судьба – из таких рейдов мало кто возвращался.

Утром начали выдвигаться по назначенному маршруту. Впереди шли два афганца, один из них – вчерашний усатый, с автоматом на плече. Рядом – наши

¹ Сумалак – кашеобразная пища из пшеничного солода и муки.

командиры. Кажется, что каждая скала, каждый горный склон скрывают борода-тых, которые тайно наблюдают за нами с оружием в руках. В почти белом небе кружат стаи ястребов-стервятников. Не зря они кружат над нами. Эти хищники за-ранее предчувствуют беду и жаждут крови и падали. Неужели здесь мне и суждено умереть, и я никогда не обниму родную мать, отца, жену. Не хочу верить в это. Если судьбой было предназначено мне не жить, я умер бы при рождении. Потому что я появился на свет недоношенным и весил чуть больше полутора килограммов. Соседи шутили над мамой, что меня не на руках надо носить, а можно в карман положить. Когда перед призывом в армию попал в аварию, тоже чудом выжил. Ду-маю, сам Господь Бог бережет меня и в дальнейшем, надеюсь, будет так. Но жизнь полна неожиданностей, и никто не застрахован от бед, особенно в Афганистане.

Вдруг пулеметная очередь... Я с гранатометом на плече свалился в укромное место возле камня. Как внезапно началась стрельба, так и утихла. Воцарилась тревожная тишина, которую нарушали только крики стервятников. Поднимаю голову и вижу: трое лежат в крови, один – тот афганец из Герата. Остальные погибли в расцвете сил. На войне мечтать о милосердии не стоит. Я впервые попал в такую историю, и мне по-настоящему страшно. Сквозь гул сердца, слы-шу ржанье лошадей и шум мотора машин. Где-то наверху. Там... Точно, конеч-но, не знаю, заново затрещал чертов пулемет, и наш капитан громко закричал:

– Чему быть, того не миновать. Стреляйте, мочите их, если жизнь дорога!

Началась беспорядочная стрельба. Кто в кого стрелял – неизвестно. Кто-то полз в нашу сторону, его лицо скрывала густая трава, когда подполз ближе я узнал Чумара. Вид у него был ошарашенный.

– Что ты разинул рот, твою мать! Давай заткни пулемет, а то он как мух всех перебьет. Быстреей!..

Он кричал и матерился. Я зарядил и начал искать мишень.

– Скажите координаты, товарищ старлей, куда мне стрелять?

Руки мои дрожат, стрелять из СПГ-9 – занятие не простое. Чтобы не оглох-нуть, каждый раз, когда стреляешь, надо затыкать уши пальцами. Пули моджахедов роют землю, носители смерти ищут свои жертвы. Пулемет без умолку тарахтит, нагнетая ужас. Я выстрелил, снаряды, наверное, попали в цель, потому что пуле-мет резко заглох. От удивления я рот открыл: ого, ни фиги себе, получилось! По-сле нескольких минут затишья снова возобновилась стрельба. Прямо над моей го-ловой со свистом пролетал град пуль. Узнали духи, откуда я стрелял, и явно хотели замочить меня. Мама-мамочка, спаси меня! Надо поменять место, чем быстрее, тем лучше. Перестрелял снаряды, оставил гранатомет на месте и бегом поменял позицию. Думаю, вот-вот меня настигнет пуля – и я труп. В ужасе закрываю глаза. Нет, слава богу, все благополучно, обошлось. Слышу злобный голос капитана:

– Вот гаденыши! Они на машинах и на лошадях. Чумар, дорогой, где ты? Попали не только в засаду, но и в окружение. Наше положение хреновое. Где подкрепление с Шинданта? Вызови помощь по рации. Где этот чертов связист? Заснул, что ли?

– Ранен. Потерял сознание и не дышит, – ответил кто-то со вздохом.

– Тыфу! Значит, нам конец! – воскликнул капитан.

От слов капитана комок подкатил к горлу – исчез свет надежды. Кто-то сверху бухнулся на меня, как мешок. Неужели один из душманов сверху упал. Нет, бух-нулся рядовой солдат Петруха. Бедняга бился в конвульсиях, изо рта шла кровь. Черная-черная. Да, он был смертельно ранен, ему конец. Прощай друг! Пусть бу-дет проклята эта война! С ней в прятки не поиграешь. На войне, как на войне, мы должны стрелять в них, они в нас. Это формула боя. Снимаю с пояса Петрухи па-троны. Ему теперь они не нужны. Солдат без оружия и без патронов, что человек

без одежды зимой. Сильный взрыв грохнул там, где я стрелял из гранатомета. Слава богу, я вовремя поменял позицию. И здесь я разминулся со смертью. Если попадем в плен, они отрежут нам уши и носы. О, нет! Лучше драться и погибнуть с оружием в руках, чем остаться живым и навсегда безобразным. Хотя жизнь – дорогая вещь, и расстаться с ней очень страшно. Сверху кто-то с грубым голосом крикнул:

– Умри, шурави!

О Боже мой! Перед моими глазами – яркая вспышка. Падаю. Не на землю, а в облака. Облака, которые похожи на грязный снег на обочине дороги. Жажда! Неутолимая жажда мучает меня. О люди, я умираю! А умирать страшно-страшно. Признаюсь, я неудачник, и мне не повезло!..

Госпиталь дивизии в Шинданте. Вот уже несколько дней я здесь. Тогда в Чакчане я был контужен гранатой, взорвавшейся возле меня, потерял сознание и лежал на поле боя, пока не пришло подкрепление, и нас не подобрали. Если бы вовремя не подоспела помощь, я остался бы умирать, а мое тело стало бы угощением для ястребов. При мысли об этом кровь стыла в моих жилах.

В госпитале больных много. Не все ранены, многие умирают от желтухи, брюшного тифа, малярии. Их тоже вносили в списки павших на поле брани, посмертно награждали медалями «За боевые заслуги». В госпитальном морге на стеллажах лежали трупы, завернутые в солдатские простыни. Простыни грязные, в крови. Трупы ждали своей очереди, чтобы переселиться в цинковые гробы, которые варили солдаты-штрафники. Многие слабонервные при виде горы трупов сходили с ума, падали в обморок, резали себе вены. Да, зловещее занятие – варить цинковые гробы...

Месяц-полтора я лечился в госпитале, потом разрешили вернуться в строй. Иду в полк, обнимаю старого друга с прачечной. В тот день мне пришлось остаться в землянке, там собрались земляки. Сварили плов, покурили травку. Стало веселее.

В полку оставался дня два, земляки не хотели меня отпускать, но служба... Пришел в пункт сопровождения и глазам не поверил, БТР молдаванина совсем сгорел. Что случилось с молдаванином? Живой ли он? Вряд ли. Молдаванину не суждено было домой живым вернуться, как и его помощнику. Благодаря судьбе, думаю, что сам Бог меня сохранил... Ведь вместо его помощника я мог отправиться на тот свет, если б не поругался с Арой. Каким наивным был молдаванин, веря, что его техника удачливая. В Афгане нет удачливой техники. Жаль, что судьба отвернулась от него.

После обеда на ЗИЛ-131 прибыли на точку. Попрошался с водителем и пожелал ему счастливого пути. Первым встреченным был Чумар, таким лихачом бой в Чакчане не беда, такой крутец выйдет целым даже из мельницы. Браво ему! Поздоровались за руку.

– Ребята говорят, у тебя есть дневник? Правда? Про меня тоже написал что-то?

– Это секрет, товарищ старший лейтенант, – пошутил я. – Насчет дневника, вы правы. Веду записи по датам.

– Если про меня напишешь, только... Понял? Давай иди к ребятам. Наверное, соскучился по ним.

– Ну конечно, товарищи по службе становятся родными.

– В Чакчане, ты считай, что родился в рубашке, как говорят у нас, русских.

Знакомые и незнакомые ребята приветливо встречают меня, некоторые навсегда остались в на поле боя в Чакчане.

С утра я, как и раньше, в наряде. Солдат-бездельник – существо неприличное. Таким являлся Кумык и его земляки. Кстати, совсем бездельником его нельзя назвать, он главарь шайки «ночных духов», их уши и руки всегда начеку, хотя летные

дни коротки, и шоферы спят в кабинах машин... «Ночные духи» – мастера своего дела, сильные, пыльные ветры Бадгиса дают им шанс. Пропадают колеса, боковые стекла, грузы... Когда отчаявшиеся водители рвут воротники, Кумык мурлычит под нос. Сегодня он тоже в благодушном расположении, значит, ночная работа удалась.

Кумык сидит на кровати, один из чижигов наливает ему воды, чтобы он умылся, другой подает полотенце. Вчера вечером чижики Чичик помыл ему ноги и пожелал спокойной ночи. До чего доводит человека физический страх! Неужели трусость заставляет опускаться до такого унижения?! Гитарист Юра, не смотря на то что он черпак, в положении чижики до сих пор баюкает Кумыка.

Завтра у меня день рождения. На службе ничего не скроешь, особенно день рождения. Сослуживцы весело шумят, собираясь праздновать. Сказали, что за бараном пойдут! Один из пастухов сегодня пострадает... А что я могу сделать?..

* * *

Желтый день саратана¹. Чертово солнце жжет беспощадно. Жар и духота господствуют и на точке, которая считалась обычно прохладным местечком.

– Хочется купаться? – звучит знакомый голос позади меня, и кто-то кладет на плечо руки.

Смотрю – Кальян, черт бы его побрал! Этот придурок похож на призрак. Не услышал его шагов.

– Неплохо было бы, – ответил я.

– Это нетрудно устроить. Ой, я знаю такое местечко... Если хочешь, завтра поведу тебя туда, но об этом никому ни слова! Взамен угостишь меня сигаретами, и все!

На следующий день мы вчетвером: я, Кальян, его дружок калмык Ханибей и Чарибай из Сурхандарьи – тихо ушли с точки. Солнце, как всегда, жжет нещадно. С нетерпением шагаем, дорога кажется далекой и трудной. Вскоре вышли к озеру и задохнулись от восторга: озеро с прозрачной водой и водопадом. Быстро разделись и, забыв об опасности, бросились в воду. Как маленькие радовались и бавовались, брызгались водой. Давно не испытывали такого наслаждения! Не было ни войны, ни душманов, а мы плавали долго-долго, как озерные рыбки. Но... Нам как-то рассказали, как в Пули Хумри пять-шесть солдат пошли в яблоневоый сад. Их встретил старичок с поклоном. С виду безобидный старик с белой бородой. Парни, поставив автоматы на землю, полезли на деревья, не опасаясь этого хилого старичка! Увы, они ошиблись. По жесту старика они быстро спустились и подняли руки вверх. Дуло автомата – хозяин положения. Старик увез их с поднятыми руками. С тех пор о них никаких вестей. Возможно, их давно нет в живых или мучаются в плену. Может, нас постигнет такая же участь? О Боже, сохрани!

Я быстро вышел из воды и оделся. Свистом дал знак другим. На лицах сослуживцев тоже появилась тревога, все торопливо вышли из воды, хотя было видно, как им не хочется уходить. Идем, с опаской оглядываясь по сторонам. Вроде все спокойно. Вокруг ни единой живой души. Слава Богу, что наше купание прошло благополучно! Чудотворная сила есть у воды, будто все радости земли подарила она нашей душе.

Прошли небольшой холмик и спустились на равнину, покрытую полынью. Внезапно послышался топот лошадей и шум мотора. Вдрагиваем и хватаем в руки автоматы. Через поле к нам движется джип и всадники в чалмах с винтовками-трехлинейками. В джипе красуется пулемет ДШК. Один из всадников выстрелил из ружья, мне показалось, что пуля пролетела мимо уха. Душманы!!! От этой мысли ёкнуло сердце. Стрелять по ним не хватало духа. Они злобно кричали: «Шурави!» – а мы дрожали, как зайцы, попавшие в лапы хищного зверя. Как бессмысленно

¹ Саратан – самый жаркий день лета.

закончится наша жизнь. Прощай, этот мир! На наших лицах – предсмертная маска, из рук выскальзывают и падают автоматы. Неужели нас ожидает смерть? Но надежда умирает последней, и мы с надеждой на спасение поднимаем руки вверх.

Афганцы, сморщив лица, начали охаживать нас плетьюми, заставляя стонать и кричать! Устав, они начали спорить, решая нашу судьбу. Неужели мы трупы? Кто знает?... Судьба отвернулась от нас? Наверное, так!

* * *

Злодей с густой бородой подходит ко мне. Его темно-карие глаза беспощадны. Вот сейчас он вынет кинжал и нарисует на моей груди пятиконечную звезду. Он хочет причинить мне боль и опозорить. Как жаль, что умираю в расцвете сил, не познав сладости жизни. Недаром говорят, что беда идет из-за угла, наше купание стоило нам жизни. Злодей сильно ударил меня в живот, и я нырнул во мрак. По-мо-ги-те! Неужели мне конец? Когда я очнулся, было утро. Душа радостно запела при мысли, что я жив. Тело мое болело, голова была свинцовой. Руки и ноги были связаны веревкой. Осторожно оглядываюсь – мои товарищи тоже связаны. Дышат, значит, живые. Слава Богу, нас оставили в живых, возможно, не зря. Есть у них замысел. Мы лежим на толстом, сухом слое овечьего навоза, в зимнем овечьем загоне.

* * *

Третий день мы в неволе. Просыпаемся со звуками утреннего азана¹. Всю ночь меня мучают дурные сны. Сладкий голос муэдзина² немного утешает душу, но при мысли, что мы невольники, сжимается сердце. Ждать участи – хуже смерти. Что же будет с нами? Похлебка не лезет в горло. Но желудок – властелин тела, есть всегда хочется. Днем давали волю, развязывали руки и ноги. Но убежать из этого колючего загона невозможно. Потому что около двери дежурит охранник с большим псом. Страшный и клыкастый зверь с огромной головой. Они, сторож и пес, зорко наблюдают за нами, не спуская глаз. Попробуй уйти отсюда!

Нам не полагается завтрак, на обед дают суп из костей, вечером – мучную похлебку. Нашими ремнями играют босоногие грязные карапузы, скорей всего, дети охранника. В их маленьких ручонках желтая бляха сверкает в лучах солнца. Каждый раз еду приносит хмурый афганец в зеленом одеянии. В этот раз он загадочно улыбнулся и провел указательным пальцем по шее. Мурашки побежали по телу, я невольно вспомнил, как мясник резал барана. Но нет, лучше убейте выстрелом в голову, чем обезглавить мое тело. Умирать так страшно! Ну, и за что мы умираем в конце концов. Разве в нашей воле решать собственную судьбу? Какие мы кретины! Мы же пленные. Кстати, где я видел этого урода, вестника смерти в зеленом?... Не он ли на Гератском гузаре³ подносил нам чилим и афганское вино? Точно он! Я припоминаю его физиономию. Тогда он был таким любезным, а здесь с лица злоба брызжет. Возможно, я ошибаюсь, люди могут быть очень похожими. Иногда слышны голоса ребятишек, женщин, ржание лошадей и мычание коров. Значит, место, где мы находимся, не штаб боевиков, а кишлак, населенный пункт. Нам все равно умирать, так не сидеть же сложа руки!

– Афганца в зеленой одежде, когда он принесет нам еду, завалим, охранника тоже, – предложил я. – Он наверняка поспешит афганцу на помощь. На дворе глухая ночь, она защитит нас. Другого выхода нет. Завтра нам умирать. Была не была.

¹ Азан – призыв к молитве.

² Муэдзин – служитель мечети, призывающий на молитву.

³ Гузар – маленький базар, где расположены чайхана, лавки, парикмахерская и т. д.

Тревожно и недоверчиво смотрят на меня товариши. Если не получится? Смерть – страшная вещь. А что нам делать? Меня беспокоило другое, как быть с большим псом?.. Время покажет.

Наступила темнота. Время между смертью и жизнью. Вот идет с ведром в руке афганец в зеленом. Охранник бросает беглый взгляд на загон. Обычно он сидит и курит травку. Афганец в зеленом зашел, чтобы разлить еду по чашкам, наклонился. По моему знаку мы свалили его на землю и закрыли рот. Он сопротивлялся и хрипел. Как и предполагалось, охранник, услышав шум, зашел в загон. Около двери я дал ему подножку. Он упал лицом в землю, ружье выскочило у него из рук. Его связали веревками, заткнули в рот носки, чтобы не кричал. Но на пороге нас ждал и страшно рычал проклятый пес. Стараюсь выгнать его стволом винтовки. Бесполезно, он приходит в ярость и нервно кидается на ствол. Закрыв глаза, нажал на курок. Шум выстрела и вой собаки слились воедино. Мы дружно кинулись вон. Тогда-то я и понял, на что способен человек под страхом смерти. Ни темная ночь, ни овраг не преграда.

Летим, а не бежим. Сзади слышен шум, злобные крики и топот лошадей. В темноте стреляют наугад, пули летят прямо над головами. Мы положились на судьбу. Попасть в руки духов – значит лишиться жизни. Не будет нам ни поблажек, ни милосердия. Головы наши полетят, как куриные. К несчастью, ночь не опускает свой черный занавес. Но нам помогают густые высокие заросли полыни. Смертельно устав, мы повалились в заросли этой травы. Вскоре почти мимо нас проехали всадники с факелами. Слава Богу, эти страшные люди исчезли в темноте, а мы, обнимая друг друга, тихо плакали.

Всю ночь брели, а на рассвете вышли на бетонку Герат – Доаб и радостно вскрикнули. Это было наше спасение. Наша одежда была зеленой от травы, рваной, мятой. Но это не волновало нас, самое главное – мы спаслись. Вот-вот появится военная колонна и заберет нас на точку. Встав на колени, мы плакали от счастья. Дул приятный ветерок, и вдруг донесся шум мотора, несвойственный автоколонне. Мы насторожились. По дороге ехал афганский грузовик, мы облегченно вздохнули. Это был гражданский драндулет, за рулем сидел седой афганец-крестьянин. Взяв друг друга за руки, мы преградили ему путь, хорошо зная, что в большинстве случаев машины не останавливаются. У них аллергия на шурави. Водитель понял бесполезность спора с нами и согласился подвезти. Наш приезд быстро стал известен всей точке. Такие вести крылья имеют. Серdito осмотрев нас с ног до головы, капитан фыркнул:

– Ну и собаки вы! А ну марш в мою комнату!

Мы рассказали все, что произошло с нами. В ответ получили. Вытирая кровь из носа, нагнули головы.

– Виноваты мы, товарищ комбат! Действительно, мы скоты, даже хуже.

– Руки по швам, подонки! – закричал он. – До чего довело своеволие. Елки-палки! Мне комедию не ломайте! В скором времени особый отдел вами займется. Скажите спасибо Богу, что остались живыми...

Тишину на точке нарушил резкий звук тормозов автоколонны, машины останавливались одна за другой. Мы не обращаем на них внимания. Сколько машин, как голубей в голубятнике. Но на этот раз мы обратили внимание на кучу водил, бегущих в нашу сторону. Значит, что-то произошло... По их испуганным, озабоченным и бледным лицам чуем – действительно, произошло что-то неладное. Один зеленоглазый парень с испачканным в моторном масле носом обратился к нашему

капитану. Заикаясь и тараща глаза, он пролепетал, что по спидометру установил, на тринадцатом километре отсюда обстреляли их колонну. Половина машин осталась там, они горят! Надо им помочь, стреляли со стороны кишлака.

– Ясно! – перебил его капитан и закричал. – Точка, к построению! Чумар, где ты?! Душманы напали на автоколонну, надо сообщить в военный гарнизон Турагунди. Свяжись с полком и с первой точкой. Пусть отправят подкрепление. А ну, ребята, орлы мои, по БТРах, по машинам!

На войне как на войне, приказано – надо идти. Но меня это не касалось, мне скоро в дозор. Вдруг, посмотрев на меня, капитан приказал мне ехать с ним.

– Товарищ капитан, мне на сопку...

– За тебя постоят!

Взял оружие и занял свое место в БТРе. Железный конь на колесах с ревом помчался вперед. Капитан с биноклем на шее сидел наверху, опустив ноги в люк. Когда мы прибыли на место, стрельба давно кончилась, военнослужащие Турагундинского гарнизона собирали трупы солдат, помогали подняться раненым. У одного трупа не было верхней части головы, над головой жужжали мухи, у другого не было обеих рук. Работал гранатомет. Машины и сопровождающие БТРы горели, клубами поднимался черный дым. В воздухе стоял запах крови и гари. Бегло оглядываю кишлак, расположенный справа. Кишлак жил обычной жизнью, как невинный ребенок. Не верилось, что на этом жалком клочке земли живут такие злые люди, сотворившие на дороге настоящую кровавую бойню. Мне кажется, кишлак предчувствовал надвигающуюся беду, потому что рядом собралась целая армия – толпа солдат и боевая техника.

Худой, горбоносый афганец с усами и саблей, в форме ХАДа обратился через громкоговоритель к жителям кишлака с требованием сдать боевиков в течение 20 минут, в противном случае советское командование начнет обстрел. Время пошло. Стрелки часов начали отсчет приближения ада. На душе неспокойно, ведь в этом кишлаке не только боевики, но и ни в чем не повинные люди, в том числе дети, старики, женщины. Время истекло, никаких вестей из кишлака... Тишина. Полковник Турагундинского гарнизона добавил на раздумья еще 10 минут, о чем оповестил уса́тый афганец. Опять пошло время... Солдаты начали занимать боевые позиции, реактивные установки выглядели ужасно. Это самое возмущенное оружие в истории артиллерии.

Кишлак молчал. Неужели они не понимают, что условия, поставленные командованием – не шутка. На войне игры неуместны. Есть ли в этом Богом проклятом кишлаке хоть один здравомыслящий житель! Что-то не похоже. Сжимаем зубы, ну выходи же, хоть один местный с белой тряпкой! Что, им жить надоело? Полковник посмотрел на свои часы и покачал головой. Что же, остается показать, что он держит слово. Пусть будет проклят этот кишлак!

Он отдал приказ.

– Солдаты, приготовиться! Огонь!

Начали палить автоматы и пулеметы. Зашипели реактивные установки залпового огня. Минометы, тяжелые орудия и танковые дула прямой наводкой грохали по кишлаку. На него как проливной дождь сыпались пули, снаряды, мины. Пламя охватило тихий кишлак, там началась суматоха. Огонь пожирал всё и вся. Шум орудий смешался с криком и столами людей. Снаряды сносили жалкие строения афганцев, вырывали их с корнями, там вряд ли кто остался целым. Беспорядочная и беспощадная стрельба длилась несколько минут.

Полковник сделал жест прекратить стрельбу. Весь кишлак полихал, стоны и крики людей, кудахтанье кур, рев животных слились в единый страшный вой.

Пахло порохом. Мы понимали, что уничтожаем все живое. Война жаждет жертв, милосердие здесь неуместно. Усатый афганец с громкоговорителем призывает аскалов образумить население, сдать боевиков. Черный дым поднимался до самых облаков. Казалось, что даже эти серебристые облака нахмурились, не одобряя наш страшный поступок. Опять ни души! Прозвучал зловещий приказ подполковника:

– Огонь!

Послышался треск затворов, рев танков, грохот пушек. Грады шипят, реактивные снаряды творят настоящий кошмар. Из кишлака рвутся прочь животные: скот, собаки, ослы. Шальные пули их мгновенно уничтожают. Шальная пуля тоже без мозгов, она не выбирает свою жертву. До сих пор не видно ни единого живого человека, но слышны стоны... вопли, охання. Полковник злобно заорал:

– Сравняю с землей этот гнилой кишлак! Сейчас будет авиация – они по-другому запляшут.

Действительно, вскоре в воздухе загудели самолеты. Это были бомбардировщики СУ-17, начавшие бомбить кишлак. Из кишлака повалили жители, в основном женщины и дети. Одни бежали в сторону холмов, другие стояли и махали тряпками: «Остановитесь!!!» Но было уже поздно. Прозвучал новый приказ полковника:

– Бойцы! В атаку!

Танки и БТРы, самоходные орудия с грохотом и ревом двинулись в сторону кишлака. За ними пошли мы, пехота, с автоматами в руках. Перед нами лежал разоренный кишлак, весь в дыму и гари. Жилища превратились в пепелища. У холмов в ужасе кучей стояли местные жители. Автоматные очереди скосили их. Никому не было пощады: ни женщинам, ни детям, ни старикам. Мы убивали безоружных людей.

Что за логика этой войны! Через небольшой холм вышли к реке. На берегу в замешательстве стояло человек 10–15. Одна женщина на коленях рыдала над раненым юношей. Рядом мужчина средних лет старался утешить ее, но бесполезно. Стрелки начали обстрел. Кто-то хотел спастись, бросившись в реку, многие утонули, многих настигла пуля. Словом, даже родная река отвернулась от них. Таков печальный итог этой бойни.

– Тьфу! – плюнул подполковник. – Оставшиеся в живых говорят, что душманы ушли до нашего обстрела через реку. Ну и шакалы они... Подставили целый кишлак. Почему ни один житель не вышел и не сказал об этом. Время же было дано. Пускай пеняют на себя.

Что, он хочет оправдать эту бойню? Не мы ли настоящие шакалы?

Оставили горящий кишлак, вернулись к дороге. Кругом трупы животных и людей. Жуткое зрелище. Ботинки наши в крови. На обочине дороги стояли солдаты афганской армии, их глаза блеснули не только горем, но и яростью. Возле них в отчаянии кричал афганский старичок. Он плакал и рвал воротник рубахи. Наверное, он ругал нас на чем свет стоит. Вдруг он наклонился, взял камень, лежавший на дороге, и кинул в БТР. Башня БТРа зловеще повернулась к нему. Поняв в чем дело, афганский офицер потащил старика прочь. Старик, рыдая, вырывался из его рук. Бедняга, наверное, мы убили его сыновей и внуков, а то и всю родню. Нестерпимое горе терзает его. Капитан в некотором смущении старается смягчить наш поступок...

А что нам было делать? Ведь мы приняли присягу. Устав предписывает выполнять любую команду командиров. Кому мы покажем свою боль?! Кто нас послушает?! Афганистан – это и есть Фиганистан, в переводе – страна стонов и воплей...

* * *

За всю дорогу никто не произнес ни слова, настроение у всех паршивое. Возвращаемся на точку в унынии, с мрачными лицами и сжатыми губами.

То кровавое побоище, что видели сегодня, не приснится даже в страшном сне. Значит ли наши кремлевские деятели, как выглядит наш интернациональный долг?! Или затуманили их мозги ложные сводки штабистов? Лежу в кровати и, несмотря на усталость, не могу заснуть. Вдруг слышу недовольное бурчание. Невольно прислушиваюсь и узнаю голоса Юры и Кумыка.

– Ну Абдул, брось свои капризы, скоро мне быть дедушкой, а я все еще в чижиках хожу. Сегодня на тринадцатом километре мы увидели такое, чего тебе никогда не понять, потому что ты там не был.

– Умным стал, да? – нервно перебил Кумык. – Сейчас ты у меня будешь пахать.

– Вряд ли! Лизать твои пятки теперь – во! – Юра показал средний палец.

– Что? Ребята, поднимите меня, я этого молодчика в порошок сотру.

Но произошло непредвиденное: от сильного удара Юры Кумык упал навзничь. В комнате все ахнули и пришли в замешательство. На верхнем этаже Ложка, просунув голову через решетку кровати, выпучив глаза, со страхом произнес:

– Юра, Юрочка, теперь тебе конец!

К своему покровителю поторопились двое лезгинов, чтобы проучить Юру. Если надо, они ему селезенку порвут, нос сломают. Резким движением я оставил их и спокойно сказал:

– Вы хотите заступиться за него? Это не красиво. Все было честно! Думаю, вы парни сообразительные!

Черные глаза их горели, ноздри раздувались. Их медленно окружала далеко не мирная толпа солдат. Внезапный Юркин поступок воодушевил униженных, они взяли горцев в тесное кольцо. Гнусная дедовщина и постоянные унижения молодых салаг Кумыком всем надоели. Злобные лица, сжатые кулаки солдат свидетельствовали об их решимости. Чтобы утихомирить стороны, я сказал лезгинам:

– Если этот вояка ваш друг, поднимите его на ноги. А то лежит, как скотина в навозе. Остыньте и возьмите себя в руки. Остальные – по местам. Ребра ломать не в наших планах.

Кумык первым протянул руку Юре, потом и другие. Все вернулись к своим кроватям. Юра в глубоком раздумье курил. Я подошел к нему и положил руку на плечо:

– Bravo тебе, друг!

Он повернулся ко мне и зарыдал. Иногда плач облегчает горькую обиду, копившуюся годами.

За завтраком Кумыка не было. Где он ночевал – никто не знал. По землякам побежал? Мы хорошо знаем, Абдул не тот человек, которой стерпит обиду. Я пошел купить сигарет и увидел Кумыка. Под левым глазом у него светился фингал. Что ему делать, кроме как уйти?! Кончилась его лафа. По его виду я понял, что он не приведет сюда своих земляков. Постыдится.

После инцидента с Кумыком авторитет мой вырос, я оказался в положении лидера. Я не поступаю подло, для меня все солдаты равны, независимо от срока службы и национальности. Мы все одного поля ягоды, носители формы цвета махорки.

После Кумыка атмосфера на точке нормализовалась, появилась искренность в отношениях. Около столовой толпились новенькие с вешмешками на плечах. Двое из них показались очень знакомыми: Насе и Филя! Я по натуре не злопамятный человек, но, когда увидел их, меня охватил вихрь ашхабадских переживаний.

Темная ночь на точке. Мы на кухне. В окошко видно звездное небо. Насе и Филя стоят с выпученными от страха глазами и умоляюще глядят по сторонам. Я вышел на середину и взял слово:

– Братцы, у нас нет красного уголка, но есть это скромное место. Эти господа были моими сержантами в учебке. Они учили меня быть хорошим курсантом, но,

увы, из меня вышел совсем плохой курсант, и я хочу это доказать. На этом керосиновом примусе нагревается шомпол автомата. С помощью этого инструмента я хочу поставить им отметку, чтобы они помнили меня всю жизнь. Одобряете, пацаны?

С раскаленным шомполом в руке приближаюсь к ним. Глаза мои горят. Вот-вот поставлю им клеймо на мягкое место, и нос почувствует запах паленого мяса. Действительно, я потерял рассудок от необычного замысла, стало пофиг всё и вся.

– На колени! – ору я.

Они встали на колени, надеясь на пощаду. Глаза их молили об этом. Нет, я не такой изверг, как они думали. Я просто хотел напугать их. Вместо того чтоб поставить клеймо, я начал их бить остывшим шомполом. Загнав в комнату, начал урок физкультуры. Они кувыркались, ползали, как лягушки, под кроватями, исполняли «упор лежа» до черного пота. Оба были готовы на все, лишь бы не клеймо.

– На сегодня хватит! Завтра будете туалет чистить. Поняли? Не забыли, как я чистил уборную? Это и есть бумеранг судьбы. Подлые трусы! Марш по местам! Стойте! Снимите одежду и отдайте Кальяну и Ложке. Бедняги уже год ходят в старой форме. Не чистить же вам туалеты, убирать помещения и мыть посуду в новом обмундировании. Есть вопросы?

Они покачали головами и бросились к своим кроватям.

Наконец прощаемся с точкой. В следующий раз наш батальон прибудет сюда в декабре, в начале суровой зимы. Зимой здесь жуткие холода, ветер насквозь до костей пронизывает, без шапки-ушанки можно без ушей остаться. Следующего раза для меня не будет, дедушки тоже. Собираем вещи, и на углу вижу Филю и Насе. Наши отношения нельзя назвать дружескими, но и не враждебные. Гонял своих бывших сержантов недельку, потом оставил в покое.

Перед отъездом, как всегда, проходит церемония приема-сдачи точки. Офицеры забавляются. Наш «каптуха», залпом выпив бокал спиртного, ударил его об землю, а на закуску поцеловал жирного майора, командира батальона прямо в губы. Ни пуха ни пера вам! Оставайтесь на счастье!

Тронулись в путь в сторону Герата. Думаю, лучше бы сел в БТР, ведь мне скоро в Союз, на месячную подготовку офицеров запаса, потом домой. Сильно рискую, потому что в Герате душманская пуля всегда начеку.

Мне хотелось увидеть Герат из окна машины, в последний раз. Еще с детства Герат для меня был незримой и наивной мечтой. Но карусель судьбы распорядилась иначе, я пришел в Герат не наивным ребенком, а солдатом в тяжелых ботинках, чтобы втоптать в кровь этот священный край. В окне машины мерцает застывший Герат, вызывающий у меня чувство жалости. Убогие лавки, разрушенные здания, скорбные мужчины и дети в шароварах, почти все худые, кожа да кости. Женщины ходят в черных хиджабах, куда-то торопятся. Вооруженные люди еще больше омрачают эту картину. Кто знает, на чьей стороне воюют эти гражданские. Это и есть трудная арифметика афганской войны.

Перед возвращением в Союз на полковой плац вышли многие, чтобы проводить меня. Среди них Насе и Филя. Глаза мои наполнились слезами благодарности. Спасибо вам, дорогие мои однополчане! Прощай, мой батальон! Желаю всем вам вернуться домой целыми и невредимыми!

В этот день я получил письмо от Вагифа. На тетрадном листке он написал: «Помоги, умираю без чарса и ханки!» Из конверта выпала десятирублевая

купюра. Зря думал Вагиф, что я бесплатно не окажу ему услугу. Просто я хочу, чтобы он бросил свою привычку. Последний раз смотрю на свой полк, он кажется мне дорогим, хоть и неприглядным. В Шиндантском аэропорту наблюдаем за приземляющимся самолетом МИГ-21 с парашютами на хвосте.

Сидим в ожидании посадки. Внезапно вижу рядом с женщиной средних лет в военной форме лейтенантшу-русалочку, и мое сердце затрепетало. У нее погоны прапорщика. Женщины разговаривали и улыбались. Я тихо подошел к ним.

– Ой, Надежда Сергеевна, у меня чуть не случился служебный роман с полковником, моим начальником. Если честно, я относилась к нему как к родному отцу, но его чувства оказались совсем иными. Когда он встал на колени и объяснился в любви, я чуть в обморок не упала. Но, взяв себя в руки, я слегка пожурила его. Он был настойчив. Жаждал обнять меня и расцеловать. Крепкая пощечина привела его в чувство. Я пообещала накатать заявление начальству. Он сказал, что готов лишиться всех званий и постов, но не откажется от любви ко мне, и заплакал. Я не хотела разрушать его семью и, когда мой полковник по делам улетел в Кабул, воспользовавшись ситуацией, почти сбегала из Герата сюда и объяснила штабистам причину своего отъезда при условии секретности.

Обе громко и дружно рассмеялись. Вместе с ними и я. Да. Не завидую полковнику... Помню влюбленного полковника, его жадные глаза, устремленные на Оленьку. Поздней или ранней любви не бывает. Жить с любимым человеком и быть любимым – счастье от Бога.

На Ташкентском вокзале шум и гам. В кассе беспорядок, очередь, кто-то ругается, кто-то кричит. Везде грязно, окурки, бутылки. Нас окружили водители-лихачи. Узнав, что мы не домой, а в учебку, поморщились и зевнули.

Наконец, после недолгого ожидания прибыл наш поезд Ташкент – Красноводск. Под утро будем в Бухаре, потом начнется длинная Туркменская пустыня Каракум, после Чарджоу, Мари, Теджен, Ашхабад. Меня одолела дремота.

Попали на Ашхабадскую землю с чувством непонятной гордости. Город кишит военными. Военные грузовики с тентами отвезли нас в часть. Боже мой, мы прибыли в то место, где проходили учебку: 13-ый городок! Знакомый плац, снаряды, турники, серые казармы, топающие курсанты. Офицеры, судя по их взглядам, не рады нашему появлению, кроме белобрысого высокого начальника штаба полка. С первого дня он не скрывал, что мы полностью в его власти: захочет – отпустит завтра, нет – тридцать первого декабря (больше задерживать не имеет права). Все зависит от нашей щедрости. На его губах играла издевательская улыбка, глаза лукаво светились. Этот высокий офицер – явный хапуга!

На плацу проводит занятия сержант физрук: упор лежа. Оставив солдат в положении лежа, он подходит ко мне и приветливо жмет руку. Если честно, я не узнал его, наверное, перепутал с кем-то. Похлопывая меня по плечу, он представился:

– Ты что в Афгане совсем память потерял? Эта я, Володька Тараканов!

Боже мой, все! Вспомни! Как он пополнил. Помню, сплетничали, что у него есть покровитель из Московской военной академии, и его оставят в учебке. Так и вышло.

– Знаешь, там в Афгане я немножко проучил Насе и Филю.

– Они попали в твои руки? – он засмеялся. – Гадости они здесь творили: пьянство, драки, воровство. Да ладно... Как там за рекой?

– Плохо. Афганистан – настоящая мясорубка.

Возле железных ворот части, где вился красный флаг, встретил командира полка, того полковника-ухаря. Он курил, равнодушно поглядывая вокруг.

– Товарищ командир части, здравствуйте... и счастливо оставаться! Домой уходим.

– Счастливого пути, – ответил он без особой симпатии.

– Товарищ полковник, конечно вы не помните меня. Но вы наверняка не забыли тех хулиганов из лимонадного цеха.

– Ну-ну... Заинтриговал, что-то припоминаю.

– Один из них – я. Помните, вы сказали, что я буду служить там, откуда мне не вернуться. Но я вернулся, Афган стал для меня школой жизни.

– Вернулся, цел, живой, ну и слава Богу!

– Вернулся, потому что так написано на лбу. Узбеки – народ суеверный. Я хочу сказать другое. Мы пролили там много крови, стерли с лица земли немало кишлаков, убивали ни в чем не повинных людей. Думаю, что это все неправильно.

Полковник зло уставился на меня, казалось, что глаза его вот-вот из орбит выскочат на лоб.

По лицам товарищей я сообразил, что пора заканчивать разговор, чтоб успеть к поезду.

Паровоз тронулся, застучали по рельсам колеса. В купе я быстро переоделся в гражданское, купленное накануне, и при всех начал рвать форму на клочки.

– Что делаешь? – удивились товарищи.

– Выброшу через окошко. Раньше этой формой восхищался, теперь она напоминает мне, что творили мы в чужой стране в этой форме. Убивали, грабили, жгли жалкие дома афганцев, насиловали женщин, уродовали стариков и детей. С чистой совестью пришли на службу, уходим с запятнанной. Грызли друг другу глотки, как паршивые уличные псы. Довольно! Не поеду домой в этой форме!

Ветер унес клочья, развесил на ветках деревьев, вдоль железной дороги.

Прошли годы... Десятилетия... с той поры, как ушел с афганской земли последний шурави. Время-волшебник показало, какими пророческими оказались слова старика с гератского гузара. Совсем скоро власть Бабрака Кармаля пала. Ему пришлось бежать и умереть на чужбине. А Нажибуллу постигла страшная смерть. Над ним устроили самосуд, подвергли его пыткам и истязаниям, потом убили и повесили на башенный кран на всеобщее обозрение. Из-за распри, интриг и политических скандалов Раббани¹ и Умару² стало тесно в собственной стране... Один погиб от рук смертника, другой при невыясненных обстоятельствах. Карзай³, опасаясь за свою жизнь, ушел с американским контингентом. Теперь многострадальному афганскому народу остается терпеть и просить Бога, чтоб нынешний президент Ашраф Гани⁴ долго жил.

¹ Раббани Бурханидин (1940–2011) – в 1992–1996 гг. президент государства Афганистан, в 1996–2001 гг. лидер Северного Альянса. в 2001 г. временно занимал должность президента, потом сдал пост Х. Карзаю, впоследствии занимался общественной работой. В октябре 2011 г. был убит.

² Умар Мухаммед (1959–2013) – мулла, возглавивший движение «Талибан». Во время советско-афганской войны воевал на стороне моджахедов. В 1996–2001 гг. эмир Афганистана, в 2001–2013 гг. – Пакистанского Везиристана. В июле 2015 г. «Талибан» официально признал смерть своего лидера.

³ Карзай Хамид (1955 г. р.), в 1994–2006 гг. жил в США. Находился на службе свергнутого шаха Захира. Работал в правительстве Б. Раббани. В 2001–2014 гг. президент Исламской Республики Афганистан.

⁴ Ахмедзай Ашраф Гани (1949 г. р.) – с 2014 г. президент Исламского Государства Афганистан. В 1973 г. окончил Американский университет в Беirutе (Ливан). В 1991–2001 гг. работал в мировом банке. В правительстве Х. Карзая занимал посты государственного советника и министра финансов. В 2011–2013 гг. был председателем Координационного совета возрождения суверенитета Афганистана.

РОЛЬ ЖИВОПИСНОГО ЭКФРАСИСА В РАССКАЗЕ НАЗАРА ЭШАНКУЛА

ЕЛЕНА КАМИНСКАЯ

Рассказ Назара Эшанкула «Человек, ведущий обезьяну» (в переводе Камиловой С. Э. был опубликован в 2012 г. в сборнике современных узбекских рассказов «Река души моей», Т. Изд. «Адиб») продолжает традиции зарубежной и русской литературы в разработке темы живописного искусства («Портрет» Н. В. Гоголя, «Портрет Дориана Грея» О. Уальда, «Неупиваемая чаша» И. С. Шмелева, «Черные доски» Вл. Солоухина и др.), на что указывает Лепяхин В. в статье «Икона в русской художественной литературе» (М.: Отчий дом, 2002).

Рассказ четко делится на две части, что обусловлено концепцией писателя. Два мира – это старость и молодость, а также сопутствующие им мотивы жизни (рождение и смерть). Человек входит в мир, исполненный надежд, несокрушимо верящий в себя и свои силы. Энергия молодости не имеет границ. Для молодости не свойственно состояние сомнения и неуверенности, страха перед ошибками. Самое главное достоинство молодости в том, что в ней нет старости, нет опыта. Поэтому есть желание действовать, испытывать новые ощущения, бросаться из одной ситуации в другую без страха и размышлений. Человек входит в мир, обладая множеством талантов, и у него есть все, чтобы их реализовать, и главное в этом процессе – внутренняя энергия.

Две картины художника в структуре повествования – это две системы координат. На первой картине изображен человек, который выходит из леса, держа на цепи обезьяну. Человек молод, его жизнь только начинается. Его взгляд устремлен вперед, в будущее. На другой картине человек идет в обратную сторону. Только теперь он не ведущий, а ведомый. Обезьяна ведет старика на поводке. Жалкое зрелище: старик сгорблен, удручен безнадежностью и бесповоротностью ситуации. Молодость – старость, начало жизни и ее конец, восход солнца и его закат. Все, что в молодости казалось светлым, постепенно окрашивается в темные тона. Следуя этой нехитрой смысловой цепочке, мы в конце концов приходим к таким же нехитрым и довольно прямолинейным выводам.

Мечтам молодости не суждено было сбыться. Человек повержен в пучину старости и физически и морально. Старость – закономерный итог молодости и ее полная противоположность. Старость – наказание за молодость. Два главных движения совершает в своей жизни человек: он смотрит вперед

Елена КАМИНСКАЯ. Родилась в 1978 г. в Ташкенте. Окончила НУУз. Доцент, докторант кафедры мировой литературы НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей о проблемах русскоязычной литературы в Узбекистане.

и оглядывается назад. В первом случае он видит то, что подсказывают ему его чувства, его воображение: ему свойственно мечтать, строить воздушные замки. В старости, когда уже нет возможности что-либо изменить или доделать, человеку остается только созерцать. На смену мечтателю, деятелю приходит мыслитель, философ.

Образ старика в рассказе столь неприглядный, что кажется исключительно отрицательным. Злобный, уродливый, источающий зловоние, неприязненно относящийся к окружающим, не проявляющий ни благодарности, ни приветливости. Он скуп и озлоблен и в конце жизни остается одиноким и забытым всеми. Унылая и безрадостная картина человеческой жизни, где на первом плане – ее закат. Поскольку в рассказе большую роль играют культурные и литературные коды, то важен мотив смены поколений, безвозвратно уходящих в прошлое ценностей (в том числе и семейных). Старинный дом напоминает сразу о двух взаимосвязанных традициях – русской (А. П. Чехов) и японской (Рюноске Акутагава). И дом, и вещи, и сад – все предано гниению.

Показательна деталь: дом – старинная постройка, в нем не осталось и следа от былой роскоши и торжественности. Только запах гниения, медленной, но неотвратимой смерти. В финале рассказа молодой человек – невольный свидетель заката жизни старика – отказывается вселяться в опустевший и никому не нужный дом, ему отвратителен запах, который источают деревья, цветы и даже кирпичи дома. Запах старости противоречит одухотворенности и благоуханию молодости.

Но в рассказе далеко не все сводится к конфликту между поколениями. Молодость и старость остаются порознь. Говоря о художественной концепции писателя, его творческом замысле, следует обратиться к самой важной стороне рассказа, которая заключается в творческой деятельности старика. Старик был талантливым художником со своим особым творческим видением, знающий известных живописцев прошлого. В этом контексте образ обретает неоднозначность, требует особого взгляда и на характер, и на окружающую действительность.

Совершенно иначе может быть расшифрован и финал рассказа. Судьба талантливого художника полна сложных испытаний. Часто он остается непонятым, недооцененным. Художник всю свою жизнь писал картины, которые находятся в его доме. Художник расположил их по годам. И эта деталь не случайна. Двадцатые годы, тридцатые, сороковые, пятидесятые отражают исторический процесс в том нелицеприятном виде, каким он и был на самом деле. Сила, мужество художника в том, что он пишет историческую правду в своих картинах, не делает их приятными, успокаивающими, не ставит своей целью угодить зрителям, доставить радость. Главное для него – правда искусства, какой бы она ни была. Живописание переходит в летописание.

Образ творца у Назара Эшанкула неоднозначный, многогранный. В творческой личности, как и в мире, который ее окружает, соединяются добро и зло. Демоническое начало в образе старика-художника лишь подчеркивает его творческое начало. Молодому человеку непонятны картины старика-художника. Они кажутся ему и мрачными, и, главное, бессмысленными. Его смущает абстрактность подачи материала, что для него признак потери таланта. Ранние картины, пейзажи, сменяются портретами с размытым изображением. Картины поражают не только темными красками, зловещими

образами, но и общим трагическим пафосом. Старик-художник остается непонятым. Молодость не слышит старость из-за самоуверенности и юношеского максимализма.

Философский смысл рассказа – уже в названии «Человек, ведущий обезьяну». Обезьяна полна противоречий – «животное с весьма противоречивым символическим смыслом»¹. Часто этот образ связывают с пороком, страстями, дьявольскими ересями. «Ее способность к подражанию и многообразию форм поведения делают ее символику в целом противоречивой и позволяют ей олицетворять как положительные, так и отрицательные стороны человеческого поведения»². В восточной традиции обезьяна часто наделяется положительными чертами (храбрость, стойкость, самопожертвование).

Смысл первой, самой ранней, картины художника – молодости многое под силу. Главное слово в заглавии – Человек. В человеке должно превалировать духовное начало. Сильный духом человек способен на многое. Единственное, чего преодолеть нельзя, – это биологическое время, ведущее человека к физическому закату. Человеческий век короток. Но это не значит, что невозможно исполнить свое главное предназначение. Две картины – самая ранняя и поздняя – обращены друг к другу. На первой – человек только вступает в жизнь. На последней – делает последние шаги по земле. Особый смысл имеет место, из которого человек выходит. В густом лесу много деревьев. Скорее всего – это место блуждающих душ и сознаний. Лес – один из вариантов лабиринта, по которому человек блуждает до рождения и после смерти.

Жизнь – это выход из лабиринта, пусть и на очень короткий срок. И за это время человек должен успеть сказать и сделать что-то действительно важное. Жизнь старика-художника – это его картины. В биологическое время включено время историческое. Каждая картина – это определенный период жизни не одного человека, а целого народа или даже человечества. Молодого человека неприятно удивляют страшные бедствия, изображенные на картинах старика-художника. Он благосклонно оценивает ранние пейзажи и не хочет принимать живописную информацию с тех картин, где изображена гибель людей, невзгоды и тяготы жизни. Картины расставлены в доме старика-художника таким образом, что молодой человек, ведущий на цепи обезьяну, последовательно рассматривает картины, расположенные после первой.

Картина, где обезьяна и старик возвращаются, расположена так, что персонажу видны картины из прошлого. Историческое время оказывается внутри времени биологического. Две картины организуют замкнутое пространство. Это свидетельствует о том, что история влияет на человека изнутри, на протяжении всей жизни этот фактор является важным и его следует учитывать и ориентироваться на него, так как это опыт прошлых поколений. Первая и последняя картины – это настоящее и будущее. Принято считать, что прошлое находится за нашей спиной, и мы на него оглядываемся.

В рассказе прошлое в виде картинной галереи оказывается прямо перед вступающим в жизнь человеком. Увидит ли он перед собой этот горький опыт человечества? Захочет ли почувствовать былые трагедии, проникнуться страданиями других людей, чтобы никогда не совершать подобного? В свете этих вопросов финальная фраза молодого человека свидетельствует о том, что он, к сожалению, не готов взять на себя непосильный груз, который всо

¹ Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – С. 242.

² Там же. – С. 242-243.

свою жизнь нес художник. Он оценил картины старика с обычной бытовой точки зрения, т. е. с той, на которую был способен.

Старик-художник – творческая личность. Всю жизнь подчиняясь системе (государственной, политической, военной) и будучи ее частью, он жил по установленным правилам и не оставлял своего творчества. Он продолжал свою творческую миссию, проявляя стойкость в убеждениях и творческую смелость. Молодой человек вступает в спор со стариком, рассуждая об убеждениях, которые должны быть у человека. Ему кажется, что старик разочарован в жизни, ничего не достиг, его убеждения развеялись вместе с эпохой, в которую он жил. Интересно, что молодой зритель хорошо помнит только одну первую картину, где человек ведет обезьяну, т. е. только вступает в жизнь. Трагические картины из жизни человечества не остаются в его памяти.

Молодое поколение, у которого нет памяти о прошлом, обрекает себя на незавидное существование. Старик – не рядовой неудачник, как кажется на первый взгляд. Он – творец. Молодой человек ошибается, думая, что талантливые пейзажи были лишь в двадцатые годы, когда старик был молод. Настоящее творчество – это все последующие шедевры, отражающие самые нелюбимые стороны жизни. Сохранить память для последующих поколений – это главное убеждение художника. Творческий труд сложен. Возможно, время для понимания картин старика-художника еще не пришло. До последнего вздоха он продолжает творить: с трудом держа ложку, он уверенно держит кисть, которая для него не только орудие производства, но и орудие борьбы с бездуховностью, бескультурьем и беспамятством людей. Как настоящий солдат, он остается верным своим творческим идеалам.

Молодой человек приходит в дом старика после его смерти и видит последнюю картину. По тому, как краски положены на холст, видно, что художник хотел успеть поставить точку в своей живописной летописи. Молодой человек испытывает противоречивые чувства, глядя на последний шедевр художника, где обезьяна ведет в лес полумертвого старика. Он смотрит и не понимает главного: эта картина не о жизни старика-художника. Эта картина – предостережение, предупреждение ему, молодому зрителю. Талантливый художник способен предвидеть будущее, сделать предсказание, но предотвратить события он не в силах.

В рассказе упоминается картина Карла Брюллова «Последний день Помпеи», изображено на ней одно трагическое мгновение жизни. Но это не умаляет ценности живописного шедевра, которому под силу оказалось остановить время. Остановить, чтобы люди смогли увидеть, осознать, ужаснуться сотням и сотням мгновений, происходящих вокруг. Мы их не замечаем, не чувствуем. Мы равнодушны не к человечеству, а к себе самим. В рассказе поднимается вопрос об ответственности творческой личности за происходящее. Молодой герой занимается художественным переводом, т. е. опосредованно связан со сферой искусства. Он может быть своеобразным преемником старика, может взять на себя особую культурную миссию – стать следующим летописцем, проводником духовности для нового, грядущего, поколения. Он может проявить гражданственность и патриотизм, которые свойственны творческой личности. Но хочет ли молодой человек такой участи?

Под сводами дома старика-художника – история. В его руках и мыслях – судьба человечества. С этой особой миссией Творца, наделенного особой

ответственностью за Человечество, он прошел через всю жизнь, познал истинный смысл жизни и смерти, пытался раскрыть главную тайну жизни – способ преодоления ее быстротечности, который возможен в творческой самореализации. Дом художника – образ особого символического толка. Вспомним чеховский сад и знаменитое восклицание «Вся Россия – наш сад!». Сад старика находится во внутреннем дворе восточного дома и гниет вместе с домом. Это рассказ не столько о доме конкретного человека и его потерянной связи с семьей (конфликт старика-художника с сыном), сколько о разрушении связи между прошлым и настоящим, об отсутствии интереса к тому, как жили в прошлом – это один из аспектов темы отцов и детей.

Семейные связи и их отсутствие взаимодополняются связями творческими, восстанавливаются за счет них. Поэтому отеческий порыв направлен не только на родного сына, который в конце концов бросает отца и исчезает из дома, но и на молодого человека, который живет по соседству и может быть своеобразным преемником старого художника. Разрушение семьи и семейных ценностей, природные и политические катаклизмы – все это словно собрано в одном доме – доме художника. Зловоние невыносимо, так как исходит не от дома, а самим миром. Вспомним удивительное по своей проникновенности высказывание Д. С. Лихачёва: «Земля – наш крошечный дом, летящий в безмерно большом пространстве... Это беззащитно летящий в колоссальном пространстве музей, собрание сотен тысяч музеев, тесное скопище произведений сотен тысяч гениев... Эрмитаж, несущийся в космическом пространстве!...»¹

Если культурологическую по своей сути метафору Д. С. Лихачёва перенести в область литературоведения, то речь должна идти прежде всего о продуктивности такой категории, как экфрасис². Тот факт, что в тексте Назара Эшанкула произведение искусства из детали предметного, вешного мира переходит на уровень индивидуально-авторской концепции, заслуживает особого внимания исследователей. Теория экфрасиса – активно разрабатываемая в современном литературоведении область, которая пополняется, получает новые нюансы, теоретические дополнения благодаря новым авторским исканиям: «каждый художественный текст, содержащий в себе произведение искусства (как произведение искусства в произведении искусства)», является примером многофункциональности категории экфрасиса³. Работа с экфрасисом раскрывает новые грани произведения, заставляет по-новому оценить самого автора как писателя и теоретика, сделать теоретические выводы о целесообразности и возможностях использования данной категории в литературе. Проведенный анализ позволил выявить ряд возможностей живописного экфрасиса в художественном тексте, которые настолько широки, что влияют на внешнюю и внутреннюю организацию текста, а также являются концептуальной составляющей индивидуально-авторского стиля. Экфрасис открывает возможность многомерного взгляда на творческий процесс, который благодаря своей художественно-теоретической специфике превращается в творческую лабораторию.

¹ Лихачёв Д. С. Письмо сорок пятое. Космический эрмитаж // Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Детская литература, 1988. – С. 234-235.

² Экфрасис – описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте.

³ См. Экфрасис в русской литературе. Сборник трудов Лозанского симпозиума / Под редакцией Л. Геллера. – М.: Издательский дом «Мир», 2002.

«КАРМЕН» ВО ВСЕ ВРЕМЕНА!

Татьяна МЯКУШКО

Опера известного французского композитора XIX века Жоржа Бизе «Кармен», безусловно, один из шедевров оперного искусства. Мир музыки был бы не полон без «Кармен», а Бизе достаточно было бы написать только эту оперу, чтобы стать Бизе. Она многие годы продолжает волновать сердца слушателей независимо от возраста и происхождения и, несомненно, будет вызывать творческий интерес композиторов и исполнителей во все времена!

Сюжет оперы заимствован из одноименной новеллы французского писателя Проспера Мериме (1803–1870), написанной в 1845 году. Содержание новеллы претерпело в опере существенные изменения. А. Мельяк и Л. Галеви мастерски разработали насытили либретто драматизмом, углубили эмоциональные контрасты, создали выпуклые образы действующих лиц, во многом отличные от их литературных прототипов. Премьера оперы состоялась в столице Франции, в «Опера комик» 3 марта 1875 года. Зрители недоумевали: очень красивая, мгновенно запоминающаяся музыка и ужасный сюжет, о котором просто неприлично говорить в светском обществе. Опера провалилась, а ее авторов обвинили в аморальности. Однако она была поставлена 45 раз за тот год. А причина тому – обычное человеческое любопытство. Об этом сочинении в то время говорил весь Париж. Через 3 месяца после премьеры умер Ж. Бизе. Говорили, что одной из причин смерти была неудача с «Кармен»: провал и травля со стороны прессы спровоцировали нервное потрясение у маэстро и способствовали ухудшению его здоровья. После окончания театрального сезона спектакль было решено убрать со сцены. Тогда все были уверены, что он больше никогда не появится.

Осенью 1875 года опера была поставлена в Вене на немецком языке. Однако это было нечто совсем иное, не то, что задумывал Бизе – опера-балет со множеством танцевальных номеров. Венский театр решил удивить публику ярким зрелищем: со всадниками на настоящих лошадях и целым кортежем тоreadоров. Прозаические диалоги, которые перебивались развернутыми музыкальными сценами. Уже после смерти Бизе, готовя премьеру в Вене, его друг Эрнест Гиро заменил диалоги речитативами и ввел в ткань оперы танцевальные сцены, используя музыку к провалившейся раньше «Арлезианке».

Сюжет «Кармен» привлекал внимание хореографов с самых давних пор. В 1846 году – через год после опубликования новеллы Проспера Мериме – молодой Мариус Петипа, работавший тогда в балетной труппе Мадрида артистом

Татьяна МЯКУШКО. Родилась в 1972 г. Окончила ГКУз им. М. Ашрафи по классу фортепиано. И. о. доцента на кафедре ГКУз «Камерная музыка и концертмейстерское мастерство». Автор 6 научно-методических статей в республиканских и зарубежных изданиях.

и хореографом, за 29 лет до премьеры знаменитой оперы поставил на мадридской сцене одноактный балет «Кармен и тореадор», прошедший с огромным успехом.

Высокую оценку опере Бизе дал П. И. Чайковский: «Опера Бизе – шедевр, одна из тех немногих вещей, которым суждено отразить в себе в сильнейшей степени музыкальные стремления целой эпохи. Лет через десять “Кармен” будет самой популярной оперой в мире...» (1880).

В наше время эта опера входит в репертуар всех оперных трупп и исполняется на всех языках, в том числе и по-японски, существует множество экстравагантных версий в русских и иностранных театрах. Ее популярность не ограничивается только оперной сценой, существуют кинематографические версии, опереточные, хиты, ресторанное исполнение.

Однако наибольшую популярность опере, начиная с конца XIX века и по наши дни, принес жанр транскрипции. Композиторов так вдохновляла музыка оперы, что они делали переложения для различных инструментов, используя наиболее популярные темы из нее и тем самым позволяя исполнителям на сольных инструментах играть их более часто и на более широких концертных площадках.

Жорж Бизе

Пабло де Сарасате

В XIX веке наибольшую известность получили две Фантазии на темы «Кармен»: Пабло Сарасате и Франсуа Борна.

Пабло де Сарасате (1844–1908) – известный испанский скрипач-виртуоз и композитор, родился в Памплоне (Наварра) в семье военного капельмейстера, получил блестящее музыкальное образование.

Яркая, зажигательная музыка оперы «Кармен» привлекла внимание композитора. «Фантазия “Кармен”», созданная Сарасате, – одна из самых известных его работ, часто исполняемая на концертной эстраде и на конкурсах скрипачей.

Это произведение считается одним из наиболее сложных и технически трудных сочинений для скрипки и входит в концертный репертуар большинства известных скрипачей мира.

Другая известная транскрипция на темы оперы Бизе «Кармен» принадлежит Франсуа Борну (1840–1920) – французскому флейтисту-виртуозу, композитору, который будучи профессором Тулузской консерватории, работал над усовершенствованием конструкции флейты, пытаясь объединить достоинства классического инструмента и системы Бёма.

Борн – автор множества виртуозных произведений для флейты, из которых пережила своё время только блестящая «Фантазия на темы оперы Бизе “Кармен” для флейты и фортепиано», написанная в 1880 году.

В основу флейтовой фантазии легли тема судьбы главной героини Кармен, Хабанера, Цыганская песня и тема тореадора Эскамильо. «Фантазия...» весьма сложна в техническом плане, интересна в исполнительском ракурсе. Она входит в репертуар многих ведущих флейтистов мира.

Франсуа Борн

В XX веке опера «Кармен» не утратила своей популярности, и композиторы разных стран и направлений в музыке продолжали обращаться к ее темам.

Еще одна известная транскрипция на темы оперы «Кармен» для скрипки и фортепиано принадлежит чешскому композитору и скрипачу Франтишеку

Франтишек Дрдала

Дрдала (1868–1944). Ф. Дрдала учился в консерваториях Праги и Вены, концертировал в музыкальных центрах Европы, США, преподавал скрипичную игру в Вене. Автор множества произведений (свыше 250) в различных жанрах, отличающихся эклектичностью стиля. Хотя он написал три оперетты, концерт для скрипки, несколько оркестровых работ и два фортепианных трио, международную известность принесли ему сочинения более легкой музыки в позднем романтическом стиле. «Фантазия на темы “Кармен” Бизе для скрипки и фортепьяно ор. 66» написана им в 1909 г. Эта транскрипция не приобрела столь широкую популярность, как Фантазия Сарасате, но и сегодня входит в репертуар довольно часто исполняемых виртуозных пьес для скрипки и фортепиано.

Но, пожалуй, самой известной и самой масштабной транскрипцией оперы стала и остается по сей день «Кармен-сюита» Родиона Шедрина.

Партитура «Кармен-сюиты» была написана Родионом Шедриным в 1967 году всего за 20 дней. Музыкальный материал был существенно переработан, сжат и заново аранжирован для оркестра из струнных и 47 ударных инструментов без духовых. Либретто балета по мотивам новеллы Проспера Мериме написал его постановщик Альберто Алонсо. Премьера спектакля состоялась 20 апреля 1967 года на сцене Большого театра в Москве.

Сегодня это произведение также известно и популярно, как и опера Бизе, оно обошло подмостки всех крупнейших балетных сцен. Майя Плисецкая станцевала этот балет 350 раз.

Еще одну скрипичную фантазию на темы Кармен написал американский композитор и дирижер Франц Ваксман. Он учился в Дрезденской и Берлинской консерваториях. Творческую деятельность начал в 1928 г., жил во Франции, в США. Работая в Голливуде, написал музыку ко многим фильмам.

«Фантазия на темы оперы “Кармен” для скрипки и фортепиано» Франца Ваксмана – довольно известная, но менее исполняемая (в силу технической сложности) пьеса. Это произведение требует от исполнителя виртуозности. Голливудский композитор скомпоновал мелодии Бизе, Хейфеца (известный скрипач, друг Ваксмана) сочинил виртуозные пассажи и каденции.

Наряду с транскрипциями для скрипки в XX веке появились транскрипции для фортепиано. В 1920 году итальянский композитор, пианист и дирижер Ферруччо Бузони (1866–1924) написал Сонатину № 6 для фортепиано, основанную на темах Ж. Бизе – «Камерная фантазия на темы “Кармен”». Бузони – один из гигантов мировой истории пианизма, художник яркой индивидуальности и широких творческих устремлений, сочетающий черты «истинного» искусства XIX столетия и провидца будущих путей развития художественной культуры.

Родился Ферруччо Бенвенуто Бузони в 1866 г. на севере Италии, в городке Эмполь в семье итальянского кларнетиста Фердинандо Бузони и пианистки Анны Вейсс.

Бузони продолжил и развил традиции виртуозно-колористического пианизма Листа. Владая всеми видами фортепианной техники, он поражал слушателей блеском исполнения, чеканной отделкой и энергией звучания пальцевых пассажей,

Ферруччо Бузони

Франц Ваксман

двойных нот и октав в быстрееших темпах. Он также прославился как интерпретатор сочинений Баха, Моцарта, Бетховена, Листа. Данная «Фантазия...», как и большинство его транскрипций, насыщена всевозможными видами фортепианной техники и очень трудна для исполнения.

Вторая подобная транскрипция принадлежит американскому пианисту, представителю русской фортепианной школы Владимиру Горовицу (1903–1989), продолжившему традиции романтического исполнительского искусства XIX века (Ф. Лист, А. Г. Рубинштейн). Учился Владимир Горовиц в Киевском музыкальном училище. С 1922 года он гастролировал с концертами по городам России, Украины, Грузии, Армении.

Владимир Горовиц

Известные критики, современники Владимира Горовица, вспоминали о нем: «Если бы мы жили в другое время, талант, который внезапно открылся миру, эту невиданную доселе ловкость, мастерство, обязательно назвали бы дьявольскими... где еще можно найти источник этой невероятной скорости его пальцев, скорости движения рук? ...Каждый палец его ведет себя так, как будто живет своей собственной музыкальной жизнью».

«Вариации на тему из оперы Бизе “Кармен” для фортепиано соло», которые исполняются по сей день современными пианистами, написаны под влиянием поэтической фантазии, импровизационности талантливого музыканта.

Александр Розенблат

«Фантазия на темы оперы “Кармен” для кларнета и фортепиано», написанная Александром Розенблатом (композитор, аранжировщик и пианист, родился в 1956 г.), сразу завоевала широкое признание публики и исполнителей. Александр Розенблат окончил Московскую консерваторию сразу по двум специальностям: пианист и композитор. А. Розенблат демонстрирует, что музыка – некий Космос, в котором все едино, все сочетается.

Не оставила равнодушной музыка оперы «Кармен» и музыкантов XXI века. Молодой американский пианист, композитор, видеопродюсер и писатель Грег Андерсон (род. в 1981 г.) известен своими захватывающими тематическими концертными программами, композиторскими аранжировками, фантазиями и оригинальными композициями. Для фортепианного дуэта с Элизабет Роу Андерсон создал «Фантазию для двух фортепиано на темы “Кармен”». Эта концертная фантазия сохранила великие романтические традиции и включает большинство известных тем оперы «Кармен». Она объединяет несколько отдельных сцен из оперы: вступление «Danse Bohemienne» из 4 акта, «Aragonaise» антракт к 4 акту, знаменитая «Хабанера» из 1 акта, и Aria из 3 акта (в которой Кармен сообщает, что она и Дон Хозе должны погибнуть), «Ария Хозе с цветком» из 2 акта, кульминационный речитатив оперы (в котором Дон Хозе убивает Кармен) и завершается Цыганским танцем – музыка ускоряется в вихре лихорадочного ритма, баскских тамбуринов и восторженном танце.

Музыка оперы «Кармен» полна жизни и света, утверждает красоту чувств, свободу человеческой личности. И сегодня трагическая история жизни вольнолюбивой цыганки в интерпретации великого француза Ж. Бизе, являющаяся шедевром оперной музыки, вдохновляет композиторов на разработку тем, озвученных в опере, и создание все новых и новых шедевров.

Татьяна СЕДЫХ

ДЖАЗ И «МОСТЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ»

Одним из прославленных музыкальных коллективов Узбекистана, исполняющих джазовые произведения, узбекские национальные мелодии и произведения мирового музыкального искусства, является получивший большое признание на родине и за рубежом оркестр «Согдиана» – лауреат международного конкурса «Golden trophy» и международных фестивалей. Государственным камерным оркестром узбекских народных инструментов «Согдиана» руководит заслуженный деятель искусств Республики Узбекистан профессор Фируза Равшановна Абдурахимова. Коллектив, созданный Ф. Абдурахимовой и уже отметивший свое двадцатипятилетие, осуществляет интереснейшие творческие проекты, концертные поездки в разные страны мира, совместные выступления с зарубежными музыкантами.

Фируза Абдурахимова обладает даром талантливого организатора при установлении международных контактов. Среди осуществленных уже проектов оркестра узбекских народных инструментов «Согдиана», такие как «Мосты взаимопонимания» и «Недели Германии в Узбекистане».

В репертуаре оркестра звучат узбекские национальные мелодии, произведения мирового музыкального искусства, джаз, узбекский этноджаз. Предпосылками возникновения идеи исполнения джаза оркестром «Согдиана» были приглашения на гастроли в Германию: в 1995 г. концерты состоялись в Лейпциге и Веймаре, в 1999 г. – в Мюнхене. В одной из своих статей Ф. Абдурахимова, мотивируя обращение к джазу, говорила, что это ведет к расширению репертуара, способствует повышению мастерства исполнения, стимулирует поиск новых музыкальных форм, поэтому «одной из современных линий деятельности оркестра является совместный проект с джазовыми музыкантами», который позволит «раскрыть уникальность национальных инструментов Узбекистана» (Айрумова Н. Джаз и фолк в одном звучании // Новый век, 2010, 23–29 декабря. С. 16).

Татьяна СЕДЫХ. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую Государственную консерваторию им. Мухтара Ашрафи по классу фортепиано, доцент государственной консерватории Узбекистана. Автор ряда научных и методических статей в республиканских и зарубежных изданиях.

В каждом своем проекте коллектив «Согдиана» осуществляет ряд задач, среди которых предпочтение отдается укреплению культурных взаимоотношений между странами, их взаимообогащению и обновлению, установлению творческих контактов, изучению национальной культуры, инструментария других стран, исполнению произведений зарубежных композиторов узбекскими инструментами с целью выявления тембрового звучания, ритмических, ладово-интонационных возможностей оркестра узбекских национальных инструментов при исполнении национальной музыки других стран.

В проекте «Недели Германии в Узбекистане» (2010) по инициативе Гёте-института в Ташкенте и Самарканде состоялись совместные концерты оркестра «Согдиана» и джаз-трио под руководством Арне Янсена. Трио джазовых музыкантов из Берлина состояло из таких талантливых исполнителей, как руководитель ансамбля, композитор Арне Янсен (гитара), Оливер Потратц (бас-гитара) и Эрик Шэфер (ударные инструменты).

Исполнительское искусство артистов оркестра и трио отличали виртуозность, эмоциональность, ансамблевая слаженность. Демонстрация новой техники аранжировок, импровизационное мастерство, интересные джазовые диалоги придали особую ценность выступлению. «До этой встречи, – отметила Фируза Равшановна, – у нас были программы, посвященные итальянской, испанской и немецкой музыке. Но играть вместе с джазовым коллективом нам не приходилось. Ведь классический джаз – это профессиональное музыкальное искусство, насыщенное оригинальной импровизационной музыкой. Поэтому нашему коллективу было очень полезно встретиться и выступить с немецкими джазменами, постигнув новое музыкальное направление».¹

В программу концерта были включены произведения композиторов Узбекистана и Германии, звучавшие раздельно и совместно: «Юртим жамоли» Аваза Мансурова, «Кизбола» Энмарка Салихова, «Наманганские яблоки» Шарифа Рамазанова, «Килпиллама ёрим, килпиллама», «Парафраз» на тему Икрама Акбарова, «Кайдасан» Валерия Сапарова.

В рамках проекта «Мосты взаимопонимания» в 2017 году состоялось творческое сотрудничество двух дирижёров – Ф. Абдурахимовой и О Сок Шина из Республики Корея, которое дало интересный и своеобразный результат. В большом зале Государственной консерватории Узбекистана О Сок Шин дирижировал оркестром «Согдиана» несколько корейских произведений: народные мелодии «Ариранг» (обработка Сонг Хван Цоя), «Торади» (обработка Ха Мёнг Су), «Катание на лодках» (Уи Чён Пак, соло на кануне Иззатиллы Талипова), «Весна поет» (Уи Чён Пак, соло на нае лауреата международного конкурса Бекзода Тураева).

В одной из бесед с автором статьи Ф. Абдурахимова сказала: «Если не смотреть на оркестр, то при исполнении корейской музыки наши музыканты на узбекских народных инструментах достигли высокой схожести тембрового звучания со звучанием корейских инструментов».

В Республике Корея в 2017 г. проходил международный фестиваль искусств (музыка, театр), на который был приглашен и коллектив

¹ Айрумова Н. Джаз и фолк в одном звучании // Новый век, 2010, 23–29 декабря. С. 16.

из Узбекистана «Согдиана». Концерты состоялись в Джёнджу и в Намвоне. Заключительный концерт прошел в новом концертном зале Сеула «Lotte Concert Hall» и был посвящен 25-летию дипломатических отношений Республики Корея и Республики Узбекистан. Все концерты прошли с большим успехом, при аншлаге.

В программах концертов были исполнены произведения композиторов Узбекистана, Кореи, узбекские и корейские народные мелодии, а также несколько джазовых композиций В. Косма, Marwick Gavin – «Nothern cross rising» («Свет далёкой звезды»), «Киномикс» – попурри на основе джазовой музыки к фильмам «Игрушка», «Розовая пантера», «Джеймс Бонд», «Такси», «Властелин морей» производства Франции, Италии, Америки, Кореи, инструментованные для оркестра Маджидом Карабаевым.

Участвуя в научной конференции международного музыкального фестиваля «Шарк Тароналари», Ф. Абдурахимова в своем докладе справедливо отметила: «Именно общность культур в их постоянном взаимодействии является залогом жизнеспособности и перспективности каждой национальной культуры, в том числе и культуры национального инструментализма, приоритетом дальнейшего развития и возникновения, как новых форм, так и методологий, как в исполнительском искусстве, так и в научной мысли о нём»¹.

Многогранная деятельность «Согдианы» раскрывает глубину и значимость национального и мирового музыкального искусства, высвечивает перспективы формирования узбекского этноджаза и его самобытность. Всё это способствует духовному воспитанию молодого поколения, взаимообогащению, углублению творческих связей Узбекистана с другими странами, изучению достижений музыкальной культуры других стран, творческому и просто человеческому общению, способствует воспитанию музыкальной культуры.

¹ Абдурахимова Ф. Р. К проблеме развития культуры национального инструментализма (на примере музыкального исполнительства народов Центральной Азии) // X INTERNATIONAL MUSIC FESTIVAL SHARQ TARONALARI XALQARO MUSIQA FESTIVALI "UNITY AND VARIETY OF MUSICAL CULTURE OF THE EAST" "SHARQ XALQLARI MUSIQA MADANIYATINING MUSHTARAKLIGI". International conference. Xalqaro konferensiya. – Samarqand, 2015. b. 60–64.

МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ КОКАНДСКОГО АРБАТА...

ГУЛЬБАХОР САИДГАНИЕВА

Испокон веков Коканд славится своими поэтами: Амири, Надира, Гулхани, Мукими, Фуркат, Завки, Хамза Хакимзаде Ниязи, Чархи и многими другими, которые внесли свой вклад в развитие Кокандской литературной среды. XX век – эпоха значительных перемен в социальной жизни народа и, естественно, в литературе. Появились новые жанры, новые художественно-изобразительные средства и новые имена. История обнаружила новую волну и показала силу литературы Коканда.

Во второй половине XX века в городе выходили две газеты: «Мехнат байроги» и «Знамя труда». Регулярно проводились занятия литературного союза «Нихол». Наряду с узбекской литературой в Коканде развивалась и русскоязычная поэзия. На страницах газеты «Знамя труда» часто мелькали имена таких поэтов, как Николай Лукашов, Михаил Чарный, Татьяна Ефимова, Геннадий Оганесов, Хабибулло Саидганиев, Геннадий Ким, Виктория Рашупкина, Юрий Когтев, Михаил Рашкован, Николай Красильников, Ильмер Назаров, Надежда Петришева, С. Бутейко и др.

Николай Лукашов, Хабибулло Саидганиев, Геннадий Ким, Ильмер Назаров, Михаил Чарный – известные поэты, во многом определившие облик современной поэзии. Их произведения публиковались в областной и республиканской периодической печати, в коллективных сборниках.

В 1989 году, благодаря кропотливому труду составителей Николая Лукашова и Хабибулло Саидганиева, вышел сборник «Абадият дарахти» («Древо вечности») на двух языках, включающий произведения 42 писателей Коканда послехамзинского периода. Русскоязычная часть сборника представлена творчеством Леонида Соловьёва, Бориса Пармузина, Николая Лукашова, Ильмера Назарова, Михаила Чарного, Надежды Петришевой, Геннадия Кима.

Необходимо отметить, что к концу прошлого столетия наблюдалось некоторое угасание русскоязычной литературы в Коканде. Для изменения ситуации была организована русскоязычная секция писателей при Кокандском отделении Союза писателей, опубликована статья Х. Саидганиева «Поэзия жива» (газ. «Знамя труда», Коканд, 26 января, 1993 г. – С. 2), написанная в поддержку русскоязычной поэзии.

Талантливым русскоязычным кокандским поэтом является Михаил Чарный. Он родился в 1948 году в Коканде. В 1970 году окончил факультет русского языка и литературы Кокандского госпединститута. А в 1971–1976 годах заочно Ферганский госпединститут (ныне ФерГУ). Работал учителем истории в школе,

Гульбахор САИДГАНИЕВА. Кандидат филологических наук, доцент. Гл. редактор газет «Фарғона ҳақиқати» – «Ферганская правда». Автор 4 поэтических сборников, 3 научно-методических книг, 50 научных, 100 публицистических статей. Член СП Узбекистана.

увлекался поэзией, сам писал. На стихи Михаила Чарного создавал песни известный композитор Дмитрий Покрасс, одна из песен на его стихи удостоена диплома от ветеранов войны. В начале 60-х годов стал писать стихи, с 1965 года – печататься. В сборник «Абадият дарахти» (1989) вошли пять его стихотворений.

«Узбекистан, песня моя»¹ – первый сборник поэта. В связи с изданием книги поэт Хабибулло Саид Гани – его давний друг, член Союза писателей – написал статью о его творчестве, отметив достоинства поэзии Чарного и особо подчеркнув задушевность, глубокую лиричность его стихов. В сборник поэта вошли 46 стихотворений, пронизанных искренней любовью к родине, к Коканду. Его излюбленные образы – ветер, лист, утро, дождь, журавли, травы, деревья; его стихотворения – преимущественно этюды природы, проникнутые душевной болью, радостью, глубинными авторскими эмоциями: *«Декабрь с листа играет фугу / На ветре-скрипке у ворот. / Меня, как истинного друга, / Он вводит в круг своих забот».*

Через картины природы родного края, мастерски созданные, автор выражает свою любовь к Родине. Поэт Хабибулло Саид Гани по этому поводу писал: «Природа – великое, таинственное, неразгаданное чудо. Человек со своим сверхинтеллектом всего лишь частица этой природы. Об этом-то почти все знают. Но постичь все это душой – дело другое». («Ферганская правда», 1989. № 80. – С. 3). Поэтические образы Чарного оригинальны и неожиданны, они удивляют и заставляют задуматься, волнуют душу: *«А на земле стареет сад, / Слабеет дальний голос птицы, / И виноградная лоза / Внезапной наготы стыдится».*

Его печальному лирическому герою снятся плачущие птицы в чайхане, крепкий чай в пиалах, сидящие молчаливые друзья. Их мечты не сбылись: *«Вот и свиделись. Не надо / Громких слов и суеты. / Словно музыка с парада, / Возвращаются мечты».*

В конце стихотворения вновь повторяются строки первой строфы. Плачущие птицы – это плачущая душа поэта: *«Сумерки. Чужие лица. / Неизбежный круг земной. / И поют, и плачут птицы / Над вечерней чайханой».*

Особенно большое впечатление производит «Старый город». Автор, выражая чувства, связанные с родиной, и искусно рисуя образы кривых улиц, гордых чинар, осенние пейзажи, воссоздает особый, освещенный любовью, мир.

На одной улице старого города живёт его друг, к которому он приходит в холодную погоду, чтобы согреться его любовью. Когда друг читает ему Назима Хикмета, лирический герой слышит, «как пульсирует планета» и «как сбрасывает совесть паранджу»: *«Там друг живёт. Я к другу прихожу. / Он мне читает доброго Хикмета. / И слышно, как пульсирует планета, / Как сбрасывает совесть паранджу».*

«Сбрасывает совесть паранджу» – оригинальная метафора, которая впервые встречается в лирике. Того, кто читает Хикмета, начинает беспокоить совесть, подобно смущенной женщине, сбросившей паранджу. В последней строфе он сравнивает улицу старого города с московским Арбатом: *«Мне не забыть кокандского Арбата, / Его людей и песен не забыть».* Речь идёт об улице Фурката. На этой улице жили и творили многие поэты, писатели, ученые. Тут много ремесленников, жестянщиков, купцов. Русскоязычному читателю она напоминает московский Арбат.

В произведениях Михаила Чарного изображается национальная узбекская картина мира, судьба современного ему поколения. В одном из стихотворений он пишет: *«Я родом из зноя, из жажды, из лета, / Из этих полей и из этого дня... / Вот снова задули кокандские ветры, / Наверно, они выкликают меня».*

Поэтические образы, созданные Михаилом Чарным, своеобразны и неповторимы. Его творчество является частью литературы Узбекистана, представляющей русскоязычную литературу.

¹ Чарный Михаил. Узбекистан, песня моя. Т.: Ёш гвардия, 1988. Фрагменты стихотворений, приводимые далее взяты из данного сборника.

Музыка далеких предков

Бегущий в песках

Восточные мотивы

Дорогие читатели и авторы!
Подписаться на литературно-художественные
журналы «Звезда Востока»
и «Шарқ юлдузи» на 2020 год

можно в любом почтовом отделении или
в офисе редакции по адресу:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адиблар хиёбони,
здание Союза писателей Узбекистана.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.

Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Редакция «Звезды Востока» приглашает авторов к сотрудничеству
по всем утвержденным рубрикам журнала.

Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.